РОЖЕ ГАРОДИ

КАРЛ МАРКС

Перевод с французского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва 1965

ROGER GARAUDY

KARL MARX

SEGHERS
Paris 1964

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Роже Гароди — известный французский политический деятель, член Политбюро Французской коммунистической партии, философ и писатель.

В своих публицистических работах «Коммунизм и мораль», «Литература могильщиков» и других Гароди разоблачал буржуазную идеологию. В художественных произведениях «Антей», «Восьмой день творения» он прославлял творческие силы рабочего класса, писал о связях коммунистов с народными массами. Его книга «О реализме, который не знает границ» (1963), вызвавшая большую дискуссию, известна нашим читателям.

Перу Роже Гароди принадлежит много книг и по философии, причем некоторые из них — «Грамматика свободы» (1953), «Вопросы марксистско-ленинской теории познания» (1955), «Марксистский гуманизм» (1959), «Прометей 1848 года» (1961) и «Ответ Жан-Полю Сартру» (1962) — были переведены и изданы в Советском Союзе.

В целях информации Издательство «Прогресс» направляет читателям полный перевод одной из последних философских работ Роже Гароди — «Карл Маркс».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Маркс и его дело поставили сегодня на противоположные полюсы надежды одних людей и злобу других.

Уже и в прошлом философия спускалась иногда в гущу людей. Но в истории человеческой мысли еще не было такого явления, как марксизм, ибо он, как философия, как экономическое и политическое учение, как концепция мира, его будущих перспектив, его надежд, овладел умами и сердцами миллионов людей, даже тех, кто, будучи прежде рабами или крепостными, всегда считал физический труд своим единственным уделом и кому мыслить запрещалось.

Для всех людей, всех классов, всех наций мысль Маркса более или менее отчетливо ставит сегодня определенные вопросы, обещает определенные перспективы, несет в себе борьбу.

Почему? Потому что эта философия ставит задачей изменить самый мир, а не только наше представление о нем. Теория и практика, мысль и действие превратились отныне в одно: Маркс открыл скрытую раньше философию труда и борьбы людей; он также сорвал маску с философских учений, которые стояли будто бы выше этого труда и этой борьбы, и показал, какую практику, какую политику эти учения, иногда безотчетно для самих себя, имели задачей оправдывать или прикрывать.

Мысль Маркса стала борющейся, действующей совестью века. Она учит нас вскрывать законы исторического развития нашей эпохи. Она помогает каждому осознать смысл своей жизни, будущее, которое заложено в нем, и свою ответственность перед этим будущим. Она бросает воинственный вызов тем, кто пытается отрицать смысл нашей жизни и нашей истории, кто не видит в них никакого содержания.

Как сторонники, так и противники Маркса признают, что его мысли, его философия — это в наше время закваска всякого брожения, которое возникает в человеческих массах на всех пяти континентах. И если в одних она, эта философия, вызывает ненависть и проклятия и они в еще невиданных никогда в истории масштабах развязывают террор и преследования, строят лагеря за колючей проволокой и кремационные печи для уничтожения своих врагов, то других, множество

людей, от Алтая до Кордильер, которые нашли в ней выход для себя и надежду, она толкает на величайшие героизм и самопожертвование.

Задача настоящей книги — попытаться объяснить этот огромной важности факт.

Что представляет собой философия, которая в середине прошлого столетия зажгла это пламя, с тех пор не перестающее разрастаться, и что это был за человек, который мог стать спустя столетие живым вождем не только трудящихся всего мира, но также и тех, кого обвиняют ныне в ереси Прометея?

Цель нашей книги — дать ответ на этот вопрос.

Задача не проста. Не проста по причине самого характера философии Маркса. Маркс в еще большей степени, чем Кант, совершил подлинно «коперниковскую» революцию в философии: поместив в центре мироздания человека и его борьбу, а не только абстрактного еще «субъекта» Канта, заставив таким образом философию спуститься с неба на землю, чтобы в ней все могли увидеть момент труда и борьбы людей, марксизм стал действующей силой, орудием в руках одних, угрозой в глазах других; он сформировался, развился, приобрел отточенную форму в постоянной страстной и драматической полемике, и он задевал, оспаривал слишком много частных интересов и привилегий, чтобы его враги не старались сначала задушить, а потом, когда это стало невозможным, извратить его.

Вот почему попытаться восстановить живую мысль Маркса означает прежде всего очистить ее от всех разновидностей ревизионизма, которые прошлые три четверти столетия или больше последовательно, одна за другой, старались вырядиться под марксизм, дабы присвоить себе его престиж, а самый марксизм «скрестить» меж тем с «безобидными» философскими учениями. Это называлось «переосмысливанием» Маркса — переосмысливанием с позиций неокантианства, бергсонианства, неогегельянства, феноменологии, экзистенциализма и даже теологии, с тем расчетом, чтобы «приручить» его и сделать его не тем, чем он является на самом деле, не программой и средством переделки мира, а просто еще одной «интерпретацией» мира в числе всех прочих, а сам мир при этом оставался бы и впредь таким, как он есть.

Бывало, однако, что, давая отпор всем таким попыткам, марксисты, которым хотелось уберечь Маркса от подобной кастрации его мысли, становились на слишком жесткую позицию отрицания всего и вся и отказа соглашаться с какими бы то ни было доводами своих противников. Так, желая защитить марксизм против неокантианства, эти марксисты пришли к недооценке или вообще отрицанию всякой значимости драгоценного наследия кантовской критики, собранного Марк-

сом; выступая против неогегельянства, они долгое время подвергали остракизму самого Гегеля; ополчаясь против тезисов экзистенциализма и теологии, борющихся с марксизмом во имя субъективного и трансцендентного или пытающихся «дополнить» марксизм, «пристегивая» к нему свою концепцию субъективного или трансцендентного, они подчас склонны извращать философию Маркса во многих ее «измерениях», вместо того чтобы следовать методу самого Маркса, заключавшемуся в том, чтобы «ставить с головы на ноги» реальные, но завуалированные мистикой открытия и делать это моментом диалектики своего собственного мышления по закону интеграции, который позволяет безгранично обогащать марксизм.

Задача, за которую мы взялись, довольно рискованная, и хотя нам оказали помощь все, с кем мы консультировались, мы даже после этого не претендуем на ее безупречное выполнение. Но речь идет о слишком важном, чтобы не рискнуть. Речь идет о том, чтобы показать тщетность всех этих без конца возобновляемых попыток ревизовать и фальсифицировать мысль Маркса и таким образом отнять у нее ее наступательную силу. Речь идет о том, чтобы покончить с ее догматическими извращениями, которым положила начало или дала толчок сталинская интерпретация марксизма и которые низводили марксизм на инфантильную ступень докритической философии. А выполнение этой задачи требует большого труда. На нынешнем, новом этапе истории мысль Маркса живет новой жизнью. Условия борьбы долгое время не давали возможности Марксу и самым верным его ученикам развить марксизм во всех его «измерениях», как, например, в «измерениях» субъективности или художественного творчества, хотя мысль Маркса содержала в себе все это в зародыше. Новые возможности, созданные ныне материальным и духовным прогрессом социализма, позволяют совершить новый шаг в развитии марксистской исследовательской мысли, с тем чтобы такие два важных открытия Маркса, как всеобщий и воинствующий гуманизм и его не сравнимая ни с чем методология исторической инициативы, могли принести свои плоды.

МАРКС ДО МАРКСИЗМА

ВОСХОД СОЛНЦА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

> Впервые (в французской революции) человек пришел к тому, «что человек становится на голову, т. е. на мысль, и строит действительность согласно последней»... «Это был... великолепный восход солнца»...
>
> (Гегель[1])

Карл Маркс родился в переломный момент истории.

Когда он осенью 1836 года поступил в Берлинский университет, ему еще не было и 20 лет[2].

Его юность, как и юность всех его современников, прошла в атмосфере великой эпопеи Французской революции, идеи которой, влияние которой глубоко проникли во все европейские страны.

Отец его, Гиршель Маркс, был, по словам одного его знакомого, «настоящим французом восемнадцатого века, знавшим наизусть Вольтера и Руссо» и перенявшим у Канта принцип автономии человеческой личности и права всех граждан любой страны участвовать в управлении государственными делами.

Эти принципы и навели его в 1834 году на мысль устроить банкет в честь либеральных депутатов. Карлу Марксу было тогда шестнадцать лет. Он слышал, как на таких встречах пели Марсельезу, что было символом сплочения всех друзей свободы, и уже тогда чувствовал, что адвокат Маркс, его отец, находится на подозрении у прусского правительства, аннексировавшего в 1815 году Мозельскую провинцию. В Трирском лицее его директор Виттенбах также принадлежал к группе кантианцев, восторгавшихся французской свободой.

В 1837 году Карл Маркс обручился с баронессой Женни фон Вестфален, происходившей из старинного рода ирландских герцогов д'Аргилл, и его будущий зять, аристократ Людвиг фон Вестфален, которому Маркс посвятит потом свою

[1] Гегель, Лекции по философии истории. Цитируется по «Философским тетрадям» В. И. Ленина; см. Полное собр. соч., т. 29, стр. 288.

[2] Карл Маркс родился в Трире 5 мая 1818 г.

докторскую диссертацию, привил ему не только любовь к Шекспиру и Гомеру, но также и увлечение Сен-Симоном.

В Берлинском университете любимые профессора Маркса ориентировали его в том же направлении; это был, в частности, Ганс, либерал и ученик Гегеля, который, усвоив гегелевскую идею развития, вовсе не хотел, однако, чтобы история остановилась, дабы оправдать существующий порядок и возвести его в абсолютную ценность; наоборот, он верил в ее дальнейшее рациональное развитие в будущем. Вскоре после смерти Гегеля Ганс начал читать курс лекций по истории Французской революции. Он выступал в них как сторонник демократического прогресса и даже сен-симоновского социализма.

В 1837 году, когда Карл Маркс прилежно посещал эти его лекции, Ганс писал: «Они [сен-симонисты] правильно заметили, что рабство, по существу, еще не исчезло, что оно было отменено только формально, но фактически осталось в полнейшей неприкосновенности. Подобно тому как прежде друг другу противостояли господин и раб, позднее патриций и плебей, потом сеньор и вассал, так теперь противостоят бездельник и трудящийся. Бывая на фабриках, видишь там сотни истощенных и нищих мужчин и женщин, которые работают на одного человека, жертвуя своим здоровьем и всеми жизненными наслаждениями только ради жалкого заработка. Разве это не рабство, когда человека эксплуатируют, как животное, даже если он и свободен в противном случае умереть с голоду? Неужели нельзя передать этим несчастным пролетариям никакой искры гражданского сознания? Неужели нельзя поднять их до сознательного участия в том, что теперь они должны делать бездумно и бессмысленно? Утверждение, что государство должно заботиться о беднейшем и самом многочисленном классе... представляет собой глубокий взгляд в нашу эпоху, и последующая история... будет неоднократно говорить о борьбе пролетариев против средних классов»[1].

В своей семье и в университете молодой Маркс живо ощущал таким образом положение, в каком находилась тогда Германия — экономически отсталая, раздробленная в национальном отношении, а в политическом отношении подчиненная прусской реакции.

В такой Германии Французская революция, начавшаяся около полустолетия раньше и завершенная буржуазией в июле 1830 года, представлялась либерально настроенной молодежи как заветная мечта.

---

[1] E. Gans, Rückblicke auf Personen und Zustände [Э. Ганс, Описание исторических личностей и их эпохи], S. 99—101. Цит. по книге: О. Корню, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, т. 1, Издательство иностранной литературы, М., 1959, стр. 103.

На празднестве в Гамбахе, в Палатинате, 17 мая 1832 года 25 тысяч либералов, которых воодушевил пример парижской революции 1830 года, организовали манифестацию за единство Германии и установление в ней конституционного строя.

В 1834 году «Молодая Европа» Маццини[1] выпустила свой Манифест против Священного союза: «На смену старой Европе королей придет молодая Европа народов. Борьба юной свободы против дряхлого рабства, борьба молодого равенства против старых привилегий закончится тем, что новые идеи восторжествуют над старыми догмами...»

Любимый учитель Маркса, Ганс, стал в 1837 году душой Клуба друзей Польши, основанного в Берлине после подавления польского восстания.

Это либеральное движение буржуазии существовало рядом с более смелым и решительным демократическим и социальным движением, участники которого развивали идеи Сен-Симона о необходимости полного освобождения человека путем рациональной организации производства и справедливого распределения богатств. В сравнении с этим идеалом и после тех великих исторических новшеств, которые осуществил когда-то французский народ, такое достижение июльской революции 1830 года, как стабилизация буржуазного порядка, казалось просто смехотворным. «Если Господь совершил июльскую революцию только для лавочников с улицы Сен-Дени, — писал Ганс в 1837 году, — то я перестану заниматься философией и историей, так как не смогу больше ценить их по заслугам».

Впрочем, и в самой Германии ускорение экономического развития, чему способствовало создание в 1834 году Германского таможенного союза, уже создало условия для все более активных выступлений рабочего класса.

И хотя восстания рабочих в Золингене и в Крефельде, в Рейнской области, в 1823 и в 1828 годах и такие же восстания в Аахене и в Рурорте в 1830 году были быстро подавлены правительством, они тем не менее ознаменовали собой начало новой борьбы, как первые в Германии классовые столкновения между буржуазией и пролетариатом.

Карл Маркс был юношей, когда возникновение этого нового антагонизма, несмотря на то что в Германии еще продолжалась борьба между буржуазией и феодалами, стало очевидным для всех. В его родном городе Трире фурьерист Людвиг Галль писал в 1835 году: «Пользующиеся привилегиями богачи и трудящиеся классы находятся в совершенно противоположных лагерях, так как противоположны их инте-

[1] Революционное общество, которое возглавлял Маццини и которое сыграло большую роль в борьбе за объединение Италии, называлось «Молодая Италия». — *Прим. ред.*

ресы; положение первых улучшается по мере того, как ухудшается, становится все более бедственным положение вторых».

Маркс не был, как его будущий друг Фридрих Энгельс, непосредственно знаком с жизнью рабочих. Энгельс, хотя и был «хозяйским сыном», сумел увидеть и понять нищету и недовольство пролетариата, среди которого он прожил свою молодость — в индустриальной части Рейнской области, в долине реки Вуппер, среди трущоб, где ютились рабочие, ткачи и ткачихи, работавшие, включая детей, на фабриках его отца по 16 часов в сутки и умиравшие от недоедания и туберкулеза. Маркс родился в сельскохозяйственном районе — но в таком, где именно потому, что местная буржуазия не так сильно боялась рабочего класса, легче налаживался союз между либеральной буржуазией и крестьянами-виноделами Мозеля, которые, тяжело страдая из-за падения цен на вино, часто вынуждены были покидать свою землю и переходить в ряды сельскохозяйственного пролетариата. Обнаруживалось, что у них общие цели: борьба против абсолютизма и сословных привилегий, против внутренних таможенных пошлин, за конституционный режим и свободу.

В течение года, когда он был студентом в Бонне, в 1835 году, Карл Маркс видел, что либерально настроенные студенты подвергаются репрессиям; слежки, аресты, исключения становились все более частым явлением, показывая настоящее лицо европейского Священного союза и прусской реакции.

В Берлине под влиянием своего учителя Ганса и друзей — студентов молодой Карл Маркс начинает, хоть и смутно еще, ощущать конвульсии одного общества, которое умирало, и противоречия другого общества, которое нарождалось.

В ряде эпиграмм, в которых он клеймит угнетение и бичует буржуазных филистеров, молодой студент Маркс вместе с тем выражает свой восторг и преклонение перед высоким гуманизмом Гете и Шиллера, перед благородными образами Валленштейна и Фауста.

Письма и стихотворения, которые он посылает своей невесте Женни, отчетливо выражают его романтическое чувство неудовлетворенности окружающим его миром, этим отвратительным обществом, которое не отвечает его стремлениям; они выражают его бунт против этого общества, его тревогу и, иной раз, надежду.

Он чувствует в себе силу, чтобы бросить вызов судьбе:

Поэтому я с презрением бросаю перчатку
В широкое лицо мира,
И ничтожный исполин рухнет со стоном,
Но мое пламя не погаснет под его обломками.

Подобный богу, я буду расхаживать,
Победоносно ходить по царству развалин.
Каждое мое слово станет огнем и действием...[1]
Но как вместить в слова то, что бесконечно,
Бесконечно, как порывы души, как ты сама, как вселенная?

Этот романтизм был выражением противоречий, с которыми сталкивались все величайшие буржуазные гуманисты, Гете в частности. В созданных им образах — от Вертера и Вильгельма Мейстера до Прометея и Фауста — Гете отразил главное противоречие, с которым встретился великий буржуазный гуманизм. Установившееся повсеместно разделение труда, толкающее к объединению всех людей в одну общую систему, к слиянию их в единое органическое целое, работающее как один человек, безгранично расширило власть человечества над природой и породило прометеевскую мечту о всемогуществе человека. Но в то же время общественный строй, основанный на частном присвоении богатств, так же как и этой достигнутой человеком власти над природой, посеял среди людей эгоизм и жадность, он толкнул их на отчаянную борьбу между собой, борьбу, с которой может сравниться лишь стихийное взаимоистребление всего живого в джунглях и в которой большинство из них гибнет или становится калеками. Тот же самый строй, который открывает безграничные горизонты перед честолюбивыми стремлениями человека, вместе с тем обрекает большинство людей на жизнь, недостойную человека.

Вот почему в этот период «причудливая, дикая мелодия» гегелевской диалектики внушает Марксу глубокое отвращение: чего он не может допустить, так это «примирения» Идеи с действительностью. Он писал своему отцу:

«От идеализма... я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее...

И вот я, неутомимый путник, принялся за дело, чтобы философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история. Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы, и эта работа... мое любимое детище... завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага»[2].

Но вот Маркс прочитывает Гегеля «от начала до конца», и тот, кого он прежде так не любил, становится, как он сам говорит, его «кумиром».

---

[1] К. Маркс, Из стихотворения «Человеческая гордость»; цит. по книге: П. С. Виноградская, Женни Маркс, М., 1964. — *Прим. ред.*

[2] К. Маркс, Из письма к отцу, 10 ноября [1837 г.]; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, М., 1956, стр. 12—13.

Но, по правде говоря, Маркс так никогда и не стал настоящим гегельянцем: во-первых, потому, что не допускал примирения Идеи с действительностью, и, во-вторых, по той причине, что даже тогда, когда он проникся философией Гегеля, он никогда не считал, что гегелевская абсолютная идея нашла свое завершение и полное воплощение в существовавшем в Германии строе, а видел в ней лишь далекий проект будущего строя, который человеку надлежит реализовать своей практикой, своим действием, своей борьбой. Для Маркса гегелевское учение не было истиной; оно лишь должно было ею стать. Это была еще не действительность, а только программа. «Так же как Прометей после того, как он похитил огонь с неба, начинает строить здания и обосновываться на земле, философия, объявшая в целом весь мир, восстает против мира явлений. Так обстоит теперь дело с гегелевской философией» [1].

---

[1] MEGA [Marx-Engels Gesamtausgabe], I, 1, S. 64.

МЕЧТА ФАУСТА

> Настало время доказать на деле, что достоинство человека ни в чем не уступит величию богов.
>
> (Гете, «Фауст»)

Для молодого Маркса, как и для всех младогегельянцев, философия Гегеля заключала в себе обещание, что мечта Фауста о том, чтобы человек мог «быть всеведущим, как бог», осуществится. Через «абсолютное знание» конечное «я» человека сравняется с бесконечным могуществом бога.

У Канта существовал еще дуализм: человек и бог, человек и природа. Это трагическое в философии Канта было преодолено учением Гегеля. Уже в своей критике религии Гегель рассматривает Иисуса больше как человека, ставшего богом, нежели как бога, ставшего человеком. Религия для него — это только «человек, возвысившийся от жизни конечной к жизни бесконечной».

Это прометеевское стремление и характеризует более всего гегелевский гуманизм, философию гордости человека собой и его веры в себя. Мораль — это обожествление человека. Наука же — это действие, через которое человек обретает себя во всякой вещи и весь мир становится вполне постижим, познаваем для его разума.

По смыслу этой философии человек и все бытие вообще превращаются в одно целое; вне человека нет ничего — ни трансцендентного божества, ни внешнего мира, — на что не распространялись бы суверенные законы его диалектического мышления.

Таков центральный тезис, ключ гегелевской философии.

Маркс и младогегельянцы, сделав эту грандиозную человеческую мечту отправным пунктом своего собственного мышления, выступили и здесь также как наследники Французской революции, ибо, как писал вскоре после этого Карл Маркс, философия Гегеля была всего лишь «немецкой теорией Французской революции».

Победоносная французская буржуазия, опрокинув преграды, стоявшие на пути к гигантскому развитию производительных сил, и дав мощный толчок научному и техническому прогрессу, чувствовала себя способной воплотить в жизнь идеал картезианцев: стать госпожой и повелительницей природы. А ее борьба против «божественного права», против

трансцендентного религиозного оправдания феодальных порядков и абсолютистской монархии привела ее к тому, что на место бога она поставила человека.

В такой стране, как Германия, где вследствие ее экономической отсталости и политической раздробленности революция практически не могла совершиться, немцы, в философском плане, размышляли над тем, что другие делали.

Гейне в своей работе «К истории религии и философии в Германии» совершенно сознательно проводил эту параллель: по его мнению, немецкие мыслители, а именно Кант, Фихте и Гегель, осуществили в духовном плане революцию, подобную той, какую в плане политическом совершили Дантон и Робеспьер. Дело, начатое Французской революцией и немецкой философией, надо было, по его словам, завершить более глубокой и полной революцией, притом революцией уже не только духовной и политической, но и социальной, которая бы радикально преобразовала общество, начиная с его экономической жизни и кончая жизнью религиозной.

Много лет спустя, в 1874 году, Энгельс в следующих словах подчеркивал важность такого наследия, как немецкая философия, для марксизма: «Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм» [1].

Хотя и в глубоко идеалистической еще форме, но философия Гегеля несла новое мировоззрение, отвечавшее духу его времени и стремлениям немецкой молодежи, мировоззрение, заключавшее в себе великую идею единства материального и духовного, их взаимодействия, их одновременного становления, а также идею суверенности разума, способного охватить и постигнуть всю совокупность реального мира в его движении и со всеми его противоречиями.

Правда, философская система Гегеля приводила в конечном счете к примирению с миром, каков он есть, и давала «рациональное» освящение буржуазным порядкам так же, как некогда теория «божественного права» освящала феодальный строй и абсолютистские монархии.

Но «правогегельянской» консервативной интерпретации, ставившей акцент на системе и на политике пассивности и бездействия, которой эта система могла служить, «левогегельянское» движение легко могло противопоставить другую интерпретацию; иначе говоря, сложившейся гегелевской системе оно могло противопоставить слагающий гегелевский метод и найти для себя в этом методе — диалектическом методе познания действительности и ее противоречий — лучшее крити-

[1] Ф. Энгельс, Добавление к предисловию к «Крестьянской войне в Германии»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 18, стр. 498. Об этом источнике марксизма см. Roger Garaudy, Dieu est mort (Etude sur Hegel) [Роже Гароди, Бог умер (исследование о Гегеле)], Paris, 1962.

ческое оружие против существующего строя, средство, способное, как скоро скажет молодой Маркс, «заставить плясать эти окаменелые порядки, напевая им их собственные мелодии»[1].

Эта «алгебра революции», хотя они и понимали ее еще несколько спекулятивно, полностью овладела умами младогегельянцев. Тем более что в эти годы господства Священного союза и прусской реакции они не прочь были облекать свои политические стремления в философскую форму.

Будущий соратник Маркса, Энгельс, в одной своей юношеской статье писал: «Вставал вопрос: что такое бог? И немецкая философия ответила на него: это человек»[2].

Но Энгельс тут же добавлял, что если человек — это бог, то остается лишь организовать мир так, чтобы он был достоин человека.

Такая позиция была характерна для младогегельянцев. Учение Гегеля стало для них евангелием торжества человека, возвеличиванием его фаустовского желания стать богом. «Философия этого не скрывает, — писал Маркс в 1841 году в предисловии к своей докторской диссертации. — Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу,

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества...

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»[3].

Но, хотя Гегель и давал в своем учении такое обещание, хотя он и мог пробуждать такие надежды, его система не могла долгое время удовлетворять младогегельянцев, потому что историческая действительность уже опрокидывала ее, уже заставляла ее трещать по всем швам.

После того как гегелевская система возвысила человеческое «я», приравняв его к абсолютному духу, то есть к богу, она вынуждена была прийти к выводу, что природа — это бог, развернувшийся в пространстве, а история — это бог, развернувшийся во времени. Так природу и историю оказалось возможным реконструировать совершенно определенным и спекулятивным образом.

---

[1] К. Маркс, К критике гегелевской философии права. Введение; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 417.

[2] Цитата, без точного указания источника, дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

[3] К. Маркс, Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Предисловие; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 24—25.

Но прогресс естественных наук вдребезги разбивал все спекуляции «философии природы», подобно тому как восстания рабочих шелкоткацких фабрик в Лионе и силезских ткачей или чартистское движение в Англии разбивали вдребезги спекуляции «философии истории». Эти первые глухие раскаты грома, предвещавшие новую классовую борьбу, свидетельствовали о том, что царство буржуазии еще не является царством разума, что ей, буржуазии, быть может, не придется царствовать вечно и что история вовсе на этом не кончается.

Первым, кто подверг всесторонней, основательной критике гегелевскую систему, был [Давид] Штраус, сделавший это в своей работе «Жизнь Иисуса», которая вышла в 1835 году.

Отправляясь от теологической проблемы: как примирить человеческий облик Христа и исторический характер его божественного откровения с гегелевской концепцией бога, отождествляемого со всей совокупностью Бытия, Штраус фактически разбил всю гегелевскую систему, которая основывалась на отождествлении бога, в рамках диалектического мышления, с природой и историей.

Совершенно вопреки первоначальным намерениям автора эта книга Штрауса имела глубокие последствия; отделив друг от друга философию и религию, Штраус привел «левых гегельянцев» к атеизму. А отделив друг от друга логику и историю и возвратив таким образом истории ее собственное реальное лицо и самостоятельность, он привел «левых гегельянцев» к признанию того, что задачу диалектики нельзя ограничивать «пониманием того, что есть», как того хотел Гегель, и что, наоборот, надо видеть ее задачу «в уничтожении противоречия между реакционной системой Гегеля и диалектическим пониманием исторического развития, в том, чтобы распространить движение идеи, которое Гегель считал прекратившимся в настоящее время, также и на будущее» [1].

С этих пор философия Гегеля стала для младогегельянцев — и это был первый большой шаг вперед в развитии философии после Гегеля — не самым решением, а только программой решения различных вопросов; их лозунгом отныне будет «проведение философии в жизнь». Философия уже не будет для них, как для самого Гегеля, согласием с собой и примирением с существующим миром, она превратится для них в бунт против этого мира.

---

[1] О. Корню, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, т. I, стр. 149. Для выяснения генезиса философии Маркса три вышедших в настоящее время тома [в русском переводе — два. — *Ред.*] этой большой работы Корню являются необходимым рабочим инструментом; к тому же это единственная работа на данную тему, автор которой ставил перед собой только научные цели.

Это и стало отправной позицией для молодого Маркса, как о том свидетельствуют подготовительные заметки к его докторской диссертации, написанные в 1839—1841 годах, в которых мы читаем:

«...ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как воля из царства теней Амента, обращается против земной, существующей помимо него действительности...

...в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской...

Освобождая мир от внефилософского состояния, они [отдельные самосознания] в то же время освобождают самих себя от философии, которая в качестве определенной системы держала их в оковах» [1].

С этого начинается критика или, говоря словами Маркса, «действие, с помощью которого философия поворачивается лицом к внешнему миру» [2].

Речь пока идет только о том, чтобы совершить революцию в сознании, уничтожить старые ценности в умах, прежде чем разрушить их в действительности.

Идеализм оставался: ибо тот факт, что действительность восставала против философии, силившейся увековечить отдельный, данный этап ее развития, в головах наших младогегельянцев фантастическим образом отражался как восстание идеи против мира, являющегося ее отражением.

Гегель привел их на порог Земли обетованной, но только в мыслях. Гегелевская идея остается, но уже как программа, и только. Эта спекулятивная иллюзия еще оставит свои глубокие следы и в произведениях Маркса этого периода, вплоть до его «[Экономическо-философских] рукописей 1844 года», в которых идея «целостного человека» в ее спекулятивной форме все еще будет служить для него мерилом и критерием при рассмотрении и оценке существующих «отчуждений» и при установлении конечной цели — коммунизма.

---

[1] К. Маркс, Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 77—78.

[2] Цитата, без указания автором источника, дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

«ОГНЕННЫЙ ПОТОК»: ФЕЙЕРБАХ

> Философия должна начать не *с себя самой,* но со своей *антитезы,* с того, что *не есть философия*... Мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления.
>
> (Л. Фейербах[1])

Маркс закончил свою докторскую диссертацию по философии «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» в 1841 году. В этой диссертации, опиравшейся на «Лекции по истории философии» Гегеля, Маркс не разделял, однако, враждебного отношения Гегеля к материализму Эпикура. Наоборот, Маркс выражал признательность Эпикуру за то, что он в отличие от детерминиста Демокрита сохранил возможность свободы, необходимой для действия, хотя вместе с тем и упрекал Эпикура в том, что он противопоставил свободу необходимости, не увидев их диалектической взаимосвязи. Проблема свободы, — доказывал уже тогда Маркс, — может быть разрешена лишь при условии более глубокого осмысления этой диалектической взаимосвязи между необходимостью и свободой, то есть, говоря более конкретно, взаимосвязей между человеком и миром, вместо рассмотрения человека в его изолированном состоянии и в его абстрактной автономии.

Уже в этой диссертации Маркс решительно утверждал, вопреки другим младогегельянцам, что диалектическое развитие имманентно всему существующему, а не отделимо от него. А в то же время вопреки Гегелю он старался поставить на место спекулятивных абстракций конкретную историю.

15 апреля 1841 года Маркс получил степень доктора философии. А спустя несколько месяцев вышла «Сущность христианства» Людвига Фейербаха — книга, ставшая крупнейшим событием в философии после смерти Гегеля. В течение последующих двух лет были опубликованы две другие работы Фейербаха: «Предварительные тезисы к реформе философии» (1842) и «Принципы философии будущего» (1843).

Фейербах, развивая и углубляя дальше штраусовскую критику Гегеля, сформулировал прежде всего антигегелевский

[1] «Предварительные тезисы к реформе философии»; см. Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 124, 128. — *Прим. ред.*

тезис о несовместимости философии и религии, разума и веры.

Затем, обобщая свои критические мысли, он развенчал попытки Гегеля свести воедино дух и материю, человека и мир, чтобы в конце концов отождествить всю совокупность действительного с абсолютным духом. «Путь, которым до сих пор шла спекулятивная философия от абстрактного к конкретному, от идеального к реальному, — извращенный путь... Бытие, с которого начинается философия, нельзя отрывать от сознания, сознание нельзя отрывать от бытия» [1].

Природа существует независимо от сознания; все, что находится вне природы и человека, что берется в отрыве от них, — это лишь фантастические и иллюзорные представления.

Гегелевская система была таким образом опрокинута: там, где у Гегеля был «дух», Фейербах поставил «материю»; там, где у Гегеля был «бог», Фейербах поставил «человека». Не бог перевоплощается в человека, а человек перевоплощается в бога.

Фейербах резюмировал свою философию в формуле, которую Маркс дословно привел потом в своей работе «К критике гегелевской философии права»: поставьте предикат на место субъекта, а субъект на место предиката. «Действительное отношение мышления к бытию таково: бытие — субъект, мышление — предикат» [2], то есть идея, по Фейербаху, есть отражение мира, а не наоборот.

Демонстрация этих истин, опрокидывавших всю систему Гегеля, произвела чудесное воздействие на младогегельянцев. «Все мы стали сразу фейербахианцами», — писал Энгельс [3].

Маркс возвещал тогда: «А вам, спекулятивные теологи и философы, я советую: освободитесь от понятий и предрассудков прежней спекулятивной философии, если желаете дойти до вещей, какими они существуют в действительности, т. е. до *истины.* И нет для вас иного пути к *истине* и *свободе,* как только *через огненный поток* [игра слов: «Фейербах» — «огненный поток». — *Прим. редакции Сочинений Маркса и Энгельса*]. Фейербах — это *чистилище* нашего времени» [4].

Но, как ни восторгался молодой Маркс этим переворотом в философии, который совершил Фейербах, это не должно привести нас к ошибочному выводу, будто Фейербах, опрокинувший гегелевскую систему, сделал то же самое, что и Маркс, поставивший с головы на ноги гегелевский метод.

Несомненно, однако, что философия Фейербаха явилась

---

[1] Там же, стр. 121—122.

[2] Там же, стр. 128.

[3] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 281.

[4] К. Маркс, Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 29.

решающим этапом в развитии послегегелевского мышления. До него, например, младогегельянцы, и в частности Бруно Бауэр и Карл Маркс, противопоставляли Гегеля христианской теологии; Фейербах же, напротив, охарактеризовал философию Гегеля как расшифрованную диалектикой христианскую теологию; вскрывая близкое родство между абсолютным идеализмом и религией, он писал: *«Философия Гегеля есть последнее убежище, последняя рациональная опора теологии»* [1].

Главной идеей Фейербаха была идея отчуждения.

Отчуждением, по Фейербаху, является факт принятия человеком за находящуюся вне его и возвышающуюся над ним действительность, независимую от него действительность того, что является его собственным произведением, плодом его творчества.

В «Сущности христианства» Фейербах так определяет отчуждение: «Человек трансформирует субъективное, то есть делает из того, что существует только в его мышлении, в его представлении, в его воображении, нечто такое, что существует вне его мышления, его представления, его воображения... Так христиане исторгают из тела человека дух, душу и делают из этого исторгнутого духа, лишенного тела, своего бога». И добавляет в лекции VII для характеристики этой инверсии: «Выводить из бога природу — это то же, что пытаться вывести из снимка, копии — оригинал, вывести вещь из идеи об этой вещи».

С точки зрения гегелевского идеализма весь материальный мир есть «отчужденный» дух. По Фейербаху же, идея бога есть «отчужденная» человеческая сущность: «Прежде чем искать свою сущность в себе, человек полагает ее *вне себя*... Противоположность между божественным и человеческим — только иллюзия... все *определения* божественной сущности относятся и к сущности человеческой» [2]. Одним словом, не бог создал человека по своему образу и подобию, а человек создал богов по образу и подобию своему [3].

По Гегелю, говорит Фейербах, человек является отчуждением бога. Но надо перевернуть эту формулу: бог является отчуждением человека. Человек — это субъект, бог — предикат. Человек — это не индивидуальное существо, это весь род человеческий, а бог — это идеал, который он проецирует за пределы самого себя, на небо. Это «отчуждение» является результатом расщепления человеком самого себя. Оно преодолевается познанием, которое растворяет трансцендентность бога по-

---

[1] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, стр. 128.

[2] Там же, т. II, стр. 42—43.

[3] О происхождении и смысле понятия отчуждения у Гегеля см. Roger Garaudy, Dieu est mort (Etude sur Hegel), p. 67—69.

добно тому, как у Гегеля оно растворяло находящийся вовне объект.

Цель истории таким образом изменилась: для Гегеля она заключалась в перенесении в человека божественной сущности, а для Фейербаха — в перенесении в человека его собственной сущности, когда она перестает переноситься в бога. Для Фейербаха задача заключалась в том, чтобы освободить человека от религии, достигнуть единства человека с человеком. Это тот гуманизм, который Фейербах называет коммунизмом: человек, отделенный от религии, обретет свое единство в коммунизме.

Этот философский «коммунизм» не стоит ни в какой связи с борьбой за интересы класса пролетариата, ни тем более с радикальным преобразованием буржуазного общества: он стремится к тому лишь, чтобы заменить в человеческом сознании традиционную религию материалистическим и атеистическим гуманизмом.

Таким образом, Фейербах лишь «переворачивает» гегелевскую систему. Но просто перевернуть гегелевскую систему еще не значит изменить ее существо: просто перелицевать идеалистическую систему — значит только создать догматический материализм, «симметричный» догматическому идеализму Гегеля. Вот почему на материализме Фейербаха осталась лежать печать идеализма Гегеля и почему материализм этот заслуживает название натурализованного гегельянства. Диалектика, которой Гегель наделял абсолютный дух, у Фейербаха привносится в догматической форме в природу. Метафизика Гегеля у Фейербаха становится антропологией, а реальный человек — отчужденным от религии человеком.

Эта антропология, по Фейербаху, и есть настоящая религия. Фейербаху так и не удается освободиться от теологии; он находит для нее гуманистическое оправдание: человек, говорит он, — это человеческий род; бог — это его идеал. Примирение человека с другими людьми, всеобщая любовь в обществе — это достигнутый, осуществленный гуманизм. Фейербах заменил таким образом одну религию другой, обожествив любовь, диалог между «мной» и «тобой».

Оставаясь на позициях Фейербаха, мы таким образом остаемся в рамках идеологии. Мы еще не выходим, даже «переворачивая» ее, из того, что Маркс называл «клеткой гегелевской идеи». Идеалистическая система Гегеля, перелицованная в материалистическую систему, приходит к теологии так же, как и эта система в ее первоначальном виде.

Настоящий переворот в философии должен носить другой характер, и такой переворот совершит Маркс. Ему потребуется для этого не просто «перевернуть» клетку, гегелевскую систему, а разбить ее, полностью отбросить и перенестись, перенести свое мышление в реальный мир людей, мир их труда и борьбы.

Как отмечал потом Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах», перейти от абстрактного человека Фейербаха к реальным, живым людям можно было только в том случае, если рассматривать этих людей в их деятельности в ходе истории.

Маркс не сразу придет к этому; он совершит даже длинный окольный путь, чтобы к этому прийти.

Он начал с того, что применил метод Фейербаха уже не только к критике религии, но и к критике государства.

Он сделал это в своих рукописях 1843 года, которые называют обычно «К критике гегелевской философии права» [1].

Религия, которую критиковал Фейербах, есть лишь теоретическая форма отчуждения. Но существуют и практические его формы. Маркс хочет поэтому перенести критику с неба на землю и переходит от религиозного отчуждения к отчуждению политическому («Рукописи 1843 года») и от политического отчуждения к отчуждению экономическому («Рукописи 1844 года»).

Но было бы глубокой ошибкой сводить все мышление Маркса только к этому — к переходу от одной формы отчуждения к другим: религиозной, политической, социальной, экономической, — как это делает, например, Р. П. Кальве в своей книге «Мысль Маркса» [2]. Все это было еще «домарксистское мышление» Маркса, то есть спекулятивное мышление; это было мышление, которое искало для себя в коммунизме философскую основу, но еще не нашло для себя историческую основу, свою научную, классовую основу.

«Рукописи 1843 года», посвященные «критике гегелевской философии права», являются лишь этапом на пути Маркса к материализму и политическому радикализму.

Метод, которому следует Маркс в этой работе, был заимствован им у Фейербаха. Он основан на материалистическом применении теории отчуждения.

Фейербах дал критику христианства с материалистической точки зрения, то есть он показал, что идея бога, потребность в боге являются перенесением на небо земной действительности человека, человека в его ощутимой, естественной реальности.

Обобщая свои рассуждения, Фейербах стал рассматривать идеалистическую и спекулятивную философию Гегеля как последнюю форму теологии: «Спекулятивная философия есть *настоящая*... теология» [3].

Философия, став материалистической, должна, следовательно, отправляться от природы, а не от идеи. Продолжая

---

[1] Автор называет эту работу Маркса «Критика гегелевской философии государства». Здесь сохраняется ее название, данное ИМЭЛ во втором издании Сочинений Маркса и Энгельса. — *Прим. ред.*

[2] R. P. Calvez, La pensée de Marx.

[3] Л. Фейербах, Избранные философские произведения, т. I, стр. 137.

традицию английских и французских материалистов, он провозгласил: «Действительное в *своей действительности* или *в качестве действительности* есть действительное в виде *чувственного объекта*, есть *чувственное*. *Истинность* есть то же самое, что *действительность, чувственность*... Только благодаря *чувствам предмет* дается в *истинном смысле*» [1].

Маркс, однако, с самого начала критиковал этот натурализм и этот эмпиризм. «Афоризмы Фейербаха, — писал он, — не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» [2].

Среда, продуктом которой является человек, — это, по Фейербаху, природа, а не общество. И, хотя к этому времени Маркс не смог еще ясно вывести и сформулировать одну из главных идей, которые он изложил потом в своих «Рукописях 1844 года», — идею о том, что связь между человеком и природой осуществляется не непосредственно, а через общество, посредством труда, — он уже тогда преодолел натуралистические, эмпирические, механистические формы материализма.

Фейербах усматривал непосредственную, прямую связь между человеком и природой и считал, что она создается не трудом, а созерцанием. Такой материализм не мог, разумеется, решить какие-либо исторические и социальные проблемы. «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист», — так отозвался о Фейербахе Маркс немного времени спустя, в 1845 году, когда он взялся за разработку общих основ своего исторического материализма [3].

Так, например, Фейербах представлял себе преодоление религиозного отчуждения не иначе, как в форме чисто естественного общения, всеобщей любви между людьми как представителями рода, в то время как, по Марксу, отчуждение может быть преодолено только путем активного воздействия человека на свою среду.

Фейербах не мог, следовательно, найти ключ к разрешению проблемы, стоявшей перед левыми гегельянцами: как сделать философию орудием политического и социального действия. «Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения... И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой

[1] Там же, стр. 182—183.

[2] К. Маркс, Письмо А. Руге, 13 марта [1843 г.]; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 257.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 44.

себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия...» [1].

Тем не менее труды Фейербаха дали первый толчок, продвинувший философию к материализму и к критике отчуждений, а это позволило и младогегельянцам перейти к материализму, политическому радикализму и «философскому» коммунизму. Энгельс охотно признавал за Фейербахом эту заслугу: он писал, что из всех немецких теоретиков социализма и коммунизма «едва ли кто пришел к коммунизму иначе, чем через фейербаховское преодоление гегелевской философии» [2].

В письме Фейербаху 11 августа 1844 года Маркс писал: «Вы — я не знаю, намеренно ли — дали социализму философскую основу» [3].

Идя именно в этом направлении, такой, например, философ, как Мозес Гесс, оказавший в 1843—1844 годах большое влияние на эволюцию мышления Маркса, разработал концепцию утопического коммунизма, основанную не на идее классовой борьбы и пролетарской революции, а на фейербаховской идее о том, что главный вопрос — это вопрос о преодолении отчуждения. Но для Гесса важнейшая форма отчуждения — это не религиозное отчуждение, а то, которое порождает система, основанная на частной собственности.

Эта спекулятивная концепция коммунизма наложила свой отпечаток на многие места марксовых «Рукописей 1844 года».

В своей работе «К критике гегелевской философии права» Маркс еще ограничивается только тем, что применяет к критике государства тот же метод, какой Фейербах применял к критике религии.

Но уже первые контакты Маркса с повседневной действительностью и его экскурсы в историю, о которых свидетельствуют его «Крейцнахские тетради», позволяют ему пойти дальше Фейербаха в своей критике Гегеля.

Став после защиты своей диссертации сотрудником, а потом главным редактором такой большой газеты, как «Рейнише цейтунг», молодой Маркс столкнулся с проблемами, для решения которых одного только философского образования, которое он получил, было недостаточно. Анализируя дебаты шестого Рейнского ландтага, происходившие с мая по июль

---

[1] К. Маркс, Тезисы о Фейербахе. Тезис 4-й; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 2.

[2] Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 239.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 381.

1841 года, Маркс в своей статье, посвященной дебатам о свободе печати, пришел к выводу, что депутаты буржуазии выражают вовсе не общие интересы, как они это утверждают, а частные интересы своего класса. В другой статье, посвященной дебатам по поводу закона о краже леса, молодой Маркс, хоть и не увидел еще в этом законе юридического отражения борьбы между старыми, феодальными социальными отношениями, при которых собирать дрова на старых общинных землях разрешалось, и аппетитами новых, капиталистических собственников, тем не менее вскрыл тот факт, что этот закон явился выражением частных интересов. Встав не на историческую и социальную, а на юридическую и моральную точку зрения, он выступил в защиту права, основанного на обычае, как права обездоленных и бедняков.

Именно с такими умонастроениями он приступил в 1843 году к написанию своей работы «К критике гегелевской философии права».

Проблема заключалась в том, чтобы определить характер государства и его взаимоотношений с «гражданским обществом», то есть со всей совокупностью экономических и социальных интересов.

Мозес Гесс уже распространил метод Фейербаха на исследование политической и социальной организации людей и показал, что люди, отчуждая свои родовые качества в пользу государства, как граждане, низводятся в гражданском обществе на положение изолированных и эгоистических индивидов.

Молодой Маркс разоблачил мистификацию государства Гегелем, который, возводя прусское государство в рациональную систему, объявляя его воплощением и развитием Логики, оправдывал таким образом монархию и ее институты. Вместе с тем государство, как создатель и распорядитель всего общества в целом, со всеми его реакционными политическими институтами, с частной собственностью, будь то в ее буржуазной форме или в такой, как майораты, получало у Гегеля оправдание в качестве «разумного» начала.

Подвергнув учение Гегеля детальнейшей критике, разобрав его положения пункт за пунктом, Маркс опрокинул гегелевскую схему, доказав, что не гражданское общество является порождением государства, а, наоборот, государство является порождением гражданского общества. Отнюдь не витая где-то над классовыми интересами, государство само является выражением этих классовых интересов. «Государственный строй является здесь, таким образом, *государственным строем частной собственности*» [1], — писал он.

---

[1] К. Маркс, К критике гегелевской философии права; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 346.

Продолжая дальше «ставить вещи на свое место», Маркс доказал, что спекулятивный метод Гегеля представляет в перевернутом виде не только соотношение между «гражданским обществом» и государством, но и соотношение между субъектом и объектом. По поводу параграфа 262 «Философии права», в котором Гегель утверждал, будто семья и частнособственнический строй являются продуктами государства, а не наоборот, Маркс писал: «В этом параграфе дан сгусток всей мистики этой философии права и гегелевской философии вообще» [1].

Это значит, что Маркс опроверг не только тезис Гегеля о созидательной роли государства по отношению к гражданскому обществу, но и его тезис о созидательной роли идеи по отношению к внешней действительности. Вот почему эта работа Маркса знаменовала собой важный этап на его пути от идеализма к материализму, на пути к созданию им исторического материализма.

Пятнадцать лет спустя Маркс подвел итог этим своим научным изысканиям. «Моим специальным предметом, — рассказывал Маркс, — была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг. мне как редактору «Rheinische Zeitung» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение». И далее он писал: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права... Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [2].

Эти методологические выводы — первый шаг к историческому материализму — были гораздо шире и глубже тех политических выводов, к которым в то время пришел Маркс: установив, что система частной собственности с порождаемой ею войной всех против всех не дает человеку возможности жить в коллективе, что соответствует его «истинной природе», он тогда вовсе и не думал еще о преодолении этого отчуждения путем классовой борьбы и пролетарской революции; он

---

[1] Там же, стр. 226.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии. Предисловие; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 5—6.

считал, что для этого достаточно будет установить «подлинную демократию», заменить монархию республикой и ввести всеобщее избирательное право.

Чтобы пойти дальше этих перспектив, которые были перспективами буржуазного радикализма, надо было встать на другую классовую точку зрения.

Молодой Маркс сделает этот решающий шаг, который и приведет его на порог марксизма, тогда, когда придет к пониманию того факта, что только пролетариат своей борьбой и революцией способен положить конец этому отчуждению через ликвидацию частной собственности.

Преодолеть этот этап Марксу позволит не просто углубленная теоретическая работа, а прямой контакт с пролетариатом.

НАСЛЕДИЕ ФИХТЕ И ЕРЕСЬ ПРОМЕТЕЯ

...весь человеческий род избавится от слепого случая и от власти судьбы. Все человечество получит свою судьбу в свои собственные руки.

(И. Г. Фихте[1])

Одной из ошибок, могущих повести к догматической и доктринерской интерпретации марксистской философии, было бы сводить все наследие немецкой философии только к Гегелю и Фейербаху и недооценивать значение того, что Маркс воспринял у Канта и Фихте, что он из их мышления перенес в свое собственное мировоззрение.

Между тем Маркс уже в своем письме отцу 10 ноября 1837 года говорит о том, что его первые философские размышления питались «кантовским и фихтевским идеализмом»[2]. И это не было лишь «мимолетным увлечением» его интеллекта, поскольку Энгельс в конце своей жизни, в 1891 году, еще раз напомнил о том, что одним из источников научного социализма была философия Фихте. «Мы, немецкие социалисты, — писал он, — гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»[3].

Огюст Корню в своем большом труде о Карле Марксе [и Фридрихе Энгельсе] показал, какие основные положения почерпнул для себя Маркс в немецкой классической философии: единство духа и конкретной действительности; внутренняя связь духа и материи в их взаимодействии, в их взаимоотношениях и в их становлении; радикальная имманентность духа в истории; идея становления, противоречие как двигатель этого становления[4].

Фихте, как никто другой, тесно соединял человека с миром, поскольку человек у него мог прийти к самосознанию и к своему полному развитию не иначе, как созидая будущее это-

---

[1] «Ясное как солнце сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии», Соцэкгиз, М., 1937, стр. 88.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 12.

[3] Ф. Энгельс, Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 323. Слово «Фихте» было добавлено Энгельсом в 4-м издании 1891 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 625). — *Прим. ред.*

[4] О. Корню, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, т. I, стр. 61—62.

го мира. Маркс, начиная со своих первых исследований, старался придать конкретный характер этому миропониманию: «От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника, — я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее» [1].

Интеллектуальная среда, в которой Маркс разрабатывал свое мировоззрение, была пронизана философией Фихте.

Характерно, например, что понятие «практики», которому Маркс придал потом конкретное, историческое, социальное, материалистическое значение, берет свое начало, несомненно, у Фихте. В своих «Пролегоменах к философии истории», написанных в 1838 году, фон Цешковский разработал философию практики, главную идею которой он позаимствовал у Фихте; это была идея о том, что действие определяет будущее, противопоставляя бытию, то есть существующему миру, идеал, который оно, это действие, должно осуществить, то есть бытие, каким оно должно быть.

У фон Цешковского философия принимает, таким образом, в утопической форме характер оружия для политической борьбы, даже если цели этой борьбы определяются только в соответствии с принципами буржуазного рационализма. Это был первый шаг вперед от гегелевской философии, которая до этих пор вскрывала лишь законы прошлого исторического развития. Философия действия, выработанная фон Цешковским, требовала, чтобы эти законы были применены для строительства будущего.

Этот переход от спекулятивной философии к философии действия нашел еще более четкое выражение у Мозеса Гесса, который тесно увязал фихтевский примат действия и человеческой личности с фейербаховской концепцией об отчуждении и необходимости его преодоления для того, чтобы человек не был отделен от общества, поскольку настоящая автономия человека сможет быть достигнута только при коммунизме.

Бруно Бауэр воспринял, минуя Гегеля, фихтевскую идею, согласно которой сознание развивается лишь путем непрерывного преодоления созданной им самим действительности, и таким образом отбросил консервативные стороны гегелевской концепции духа. Но эта критика была критикой в чисто духовном плане и потому оставалась абстрактной и бессильной; дух, оторванный от материального мира, противопоставляющий бытию, как оно есть, бытие, каким оно должно быть, — вот что, по Бауэру, является двигателем истории.

Тем, что Маркс внес нового по сравнению со всеми этими идеалистическими и утопическими концепциями коммунизма,

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 12.

была прежде всего идея неразрывного единства духа и материального мира. За Фихте он признавал ту заслугу, что, защищая принцип автономии человеческой личности, тот отверг всякий авторитет религии и заложил основы — атеистические и прометеевские основы — того великого буржуазного гуманизма, преемником которого, с точки зрения нового класса, должен был стать коммунизм [1].

Маркс относился к Канту и Фихте как к представителям великого буржуазного гуманизма, основным принципом которого было всегда видеть в человеке цель и никогда — средство, хотя эта аксиома еще оставалась у них абстрактной, не связанной с историей.

Ни к кому лучше, чем к Фихте, не подходит данное Марксом определение немецкой философии как «немецкой теории Французской революции».

Французская революция представлялась Фихте как попытка великого народа положить в основу своей политической жизни разум, а не традицию и авторитет, как это было раньше. Фихте задался целью систематизировать скрытую философию этой революции, выявлявшую динамические аспекты существования: первостепенную роль свободной и созидательной деятельности человека, независимость разума. «Моя система, — писал он, — это первая система свободы. Так же как французская нация вызволит человечество из материальных цепей, моя система вызволит его из-под ярма «вещи в себе», внешних влияний, и ее основные принципы сделают человека независимым существом. [Мое] «Наукоучение» родилось в годы, когда французская нация благодаря своей энергии добилась торжества политической свободы... и это завоевание свободы помогло появиться на свет [моему] «Наукоучению»... Еще когда я писал труд о революции, в моем мозгу зародились первые предчувствия, первые контуры моей системы как своего рода компенсация» [2].

В философии Фихте, хотя и в мистифицированной, идеалистической и метафизической форме, заключался источник трех

---

[1] Таким образом, влияние, которое оказал Фихте на мышление Маркса, было влиянием в плане философской трактовки, философской концепции человека и его практики, а не в плане коллективистской теории, как полагал Жорес в написанной им по-латыни диссертации на тему «Происхождение немецкого социализма» (1890). Именно «Наукоучение» Фихте с его размышлениями о созидательных действиях человека, о примате деятельности, о необходимости перерастания индивидуального «я» в рациональное всеобщее «Я» наложило отпечаток на молодого Маркса. Напротив, государственный капитализм, относительно которого Фихте теоретизировал в своей работе «Замкнутое торговое государство», добиваясь проведения в Пруссии некоторых экономических мероприятий, осуществленных буржуазной революцией во Франции, не имеет ничего общего с марксистским социализмом, основанным на истории и борьбе классов.

[2] И. Г. Фихте, Письмо Баггесену, апрель 1795 г.

больших философских тем, которые марксистам, развивая дальше указания Маркса, надлежало «поставить с головы на ноги»: теория свободы, теория субъективного, теория практики.

1. Свобода — это краеугольный камень системы Фихте, источник всякой деятельности и всякой действительности. Маркс очень рано распознал то, что было глубоко прогрессивным в этом утверждении величия человека и в этой оптимистической концепции мира. В 1843 году в своих «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс ссылался на «героев мысли в области морали, вроде Канта, Фихте, Спинозы... Все эти моралисты исходят из принципиального противоречия между моралью и религией, ибо мораль зиждется на *автономии* человеческого духа, религия же — на его *гетерономии*» [1].

Восстав против всех традиционных концепций теологии, феодального и монархического режима, Фихте провозгласил, что свобода — это право не признавать никакой закон, кроме того, который люди устанавливают для себя сами, и что такая свобода должна существовать в каждом государстве.

Маркс расценил такую позицию как подлинно коперниковскую революцию в морали и политике: это значило, что законы должны исходить теперь не от бога или короля, а от человека, каждого человека. Говоря об этом «законе тяготения государств», открытие которого он сравнивает с открытием, сделанным Коперником, Маркс писал в своей передовой статье в № 179 «Нейе Рейнише цейтунг» в 1842 году [2]: «Но уже Макиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии. Они следовали примеру Коперника...» [3]

Главной идеей в системе Фихте была идея человека-созидателя, идея о том, что человек есть то, чем он сам себя делает. Впервые в истории философии примат «определяемой» априорно теологической или антропологической сущности человека был подвергнут сомнению и на первое место поставлена свободная созидательная деятельность. Несомненно, именно в этом заключается исходный принцип экзистенциализма [4]: в человеке существование предшествует сущности; и

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 13.

[2] Здесь у автора неточность. Приводимая ниже цитата взята из статьи Маркса «Передовица в № 179 „Кельнише цейтунг"», напечатанной в приложениях к газете «Рейнише цейтунг» (№№ 191, 193, 195; 10, 12 и 14 июля 1842 г.). — *Прим. ред.*

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 111.

[4] Сошлемся, разбирая этот вопрос, на неопубликованное исследование Геру «Фихтевские антецеденты экзистенциализма» [Gueroult, Les antécédents fichtéens de l'existentialisme]. (Сообщение на Международном философском конгрессе в Мехико, 1963 г.)

отсюда же идет формула фихтевца Лекье, столь часто повторяемая экзистенциалистами: делай, и, делая, делай сам себя, и не будь ничем, кроме сделанного тобой. Но в этом вопросе марксизм следует ближе учению Фихте, чем экзистенциалисты, ибо для рационалиста Фихте (в противоположность иррационалисту Кьеркегору, отцу экзистенциализма) связь между сущностью и существованием является диалектической. Существовать для него — это действовать, созидать. Это действие, это созидание постоянно выходят за пределы того, что уже создано и подчинено законам сознания, которое является отражением и которое вторично по отношению к первичному — человеческой деятельности, созиданию, но которое, однако, не аннулирует это предшествующее действие; оно составляет сумму условий, которыми обставляется действие и которые оказывают сопротивление действию, точно так же, как оно составляет сущность человека — не априорного и даже не «застывшего», а находящегося в становлении, в непрерывном обогащении человека. Рационализм Фихте, придав существенность и реальность тому рациональному следу, который оставляет созидательная деятельность человека, открыл, по крайней мере в абстрактной форме, то, что станет потом, конкретизируясь в социальной и исторической практике, принципом самого исторического материализма: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [1].

Вобрав в себя это открытие Фихте, но прежде «поставив его с головы на ноги», переработав в материалистическом плане, марксизм вместе с тем включил в себя и развил тот же тезис, который очень убедительно звучит и у экзистенциалистов, хотя они разработали его односторонне, отбросив при этом не только марксистский материализм, но и фихтевский рационализм: человеческое существование не есть нечто *данное,* это есть *деяние.*

Существование не является *данным* ни в смысле «природном», как это полагали эмпирики и домарксистские материалисты, ни в смысле «сущностном», как считали догматический рационализм и домарксистская диалектика.

Именно потому, что существование — это *деяние,* созидание, у нас есть история, смена старого новым. А так как это созидание рационально, так как свобода не вступает в противоречие ни с разумом, ни с необходимостью, эта история не носит произвольный характер, а имеет определенный смысл.

Несомненно, что фихтевская концепция истории, так же

---

[1] К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

как и лежащая в ее основе концепция свободы, является идеалистической и метафизико-идеалистической в силу той *цели,* которую она ставит перед историей (реализация свободы и разума), и метафизической в силу тех *средств,* какими мыслится эта реализация (двигателем человеческой эволюции, по Фихте, является чисто рациональный прогресс сознания).

Тем не менее Фихте принадлежит та заслуга, что он, восстав против всякой теологии и против всех форм политического, религиозного или метафизического гнета, провозгласил свою «прометеевскую ересь»: «Одним словом, благодаря принятию и всеобщему распространению наукоучения... весь род человеческий избавится от слепого случая и от власти судьбы. Все человечество получит свою судьбу в свои собственные руки, оно станет подчиненным своей собственной идее, оно с абсолютной свободой сделает отныне из себя самого все, что только оно из себя пожелает сделать» [1].

2. Концепция субъективного у Фихте вытекает из его концепции свободы. В «Святом семействе» Маркс [и Энгельс] противопоставили абстрактное фихтевское «Я» эгоистическому индивидуализму Штирнера. Провести такое различие было необходимо, дабы понятие «Я» Фихте не приобрело противоположного смысла. Ни то «Я», от которого Фихте отправляется, ни то «Я», к которому он приходит, не следует смешивать с «я» эгоистического индивидуализма.

«Я», от которого Фихте отправляется, не есть индивидуалистическое «я» потому, что это не «данное», а деяние; это действующий субъект, который несет в себе, в скрытой форме, закон разума. Этот субъект есть, следовательно, абстракция, представить которую в изолированном виде, как чистую форму субъективного, можно только мысленно.

«Я», как идеальная категория системы,— это субъект, который полностью реализовал в себе и вовне (то есть в природе и в обществе) совершенно прозрачный, постижимый для разума мир и который поэтому перестает быть отдельным индивидом.

В обоих случаях «Я» у Фихте — это закон разума, выступающий сначала в зачаточной форме, в форме обещания, а потом в виде идеала, рациональной всеобщности. В принципе, как и по смыслу самого термина, «Я» у Фихте отнюдь не довольствуется самоизоляцией в пределах своей чувственной обособленности, наоборот, в этом «Я» заключено требование реализации или сама реализация рациональной всеобщности. Это акт участия во всеобщей истории. В этом «Я» вначале незримо присутствует все человечество. Оно — образ всего человечества, притом не только его прошлой культуры, но и

[1] И. Г. Фихте, Ясное как солнце сообщение..., стр. 88.

того, чем эта культура призвана стать в ходе всей своей истории. Отнюдь не стремясь воспитать в человеке экзистенциалистский индивидуализм со всеми теми одиночеством, бессилием, отчаянием, абсурдной и никому не нужной «фальшью», которые внесли в него все философы этого толка, от Штирнера до Хейдеггера, Фихте постулирует «Я» в качества самого акта перехода от частного к общему, от конечного к бесконечному.

В «Немецкой идеологии» Маркс подчеркивает этот переход от индивидуального к всеобщему у Фихте: «Святой Макс [Штирнер] признает в одном позднейшем, мирском месте, что Я получает от мира (фихтевский) «толчок». Что коммунисты намерены взять под свой контроль этот «толчок», который (если не ограничиться пустой фразой) становится, правда, крайне сложным и многообразно определенным «толчком», — это, конечно, для святого Макса слишком дерзновенная мысль, чтобы он мог остановиться на ней» [1].

Характерным для этой фихтевской концепции «Я» является то, что это «Я» постоянно превозмогает, преодолевает, опережает самое себя. В каждый данный момент «Я» ставит себе границу и в то же время переходит ее, как бы откликаясь на зов бесконечного; его настоящее всегда находит свое определение не иначе, как в функциональной зависимости от его будущего, развивающегося по восходящей линии. «Я» — это всегда проект: то, чем я был и что я есть сейчас, получает свой полный смысл только для того, чем я буду. Существование, следовательно, никогда не есть какое-то застывшее данное, оно есть созидание. Оно все время в процессе самостановления. Но в отличие от экзистенциализма небытие у Фихте не есть свобода; оно, наоборот, есть «не-Я», в то время как свобода образует одно целое с подлинным бытием, то есть с актом созидания.

Существование у Фихте — это не преисполненное одиночества и отчаяния соединение субъективного с трансцендентным, как у Кьеркегора и его экзистенциалистских последователей, это свободный и созидательный акт.

Вот почему такая теория свободы и такая теория субъективного выливаются у Фихте в теорию практики.

3. Практика у Фихте имеет прежде всего историческое измерение; поскольку каждый частный субъект является в потенции абсолютным субъектом, то существование субъективного, как и человеческая история, заполняются этим противоречивым единством. Все, что ни делается, все, что ни со-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 254. Приведенная цитата — текст, перечеркнутый авторами и воспроизведенный на указанной странице в сноске. — *Прим., ред.*

вершается в мире, представляет собой переход от индивидуального к всеобщему человеческому, возвышение от конечного к бесконечному, превращение необходимости в свободу.

Задача философии, как ярчайшего выражения самосознания, состоит в том, чтобы возвышать каждого человека на уровень полностью рациональной и свободной человеческой жизни. В своем «Наукоучении» Фихте учит нас, что цель нашего существования — в установлении царства рационального в нас и вне нас, в природе и в обществе.

Кантовское понятие практического разума было превзойдено Фихте. У Канта «поле» практического разума — это поле поединка между долгом, который каждый открывает в тайниках своего сознания, и природой (частью которой является наше тело). Фихте пошел дальше этого: в понятие практического разума он включил всю созидательную деятельность человека. Разум является теоретическим, когда он дает себе представление о вещах, и он является практическим, когда подчиняет вещи своим концепциям, когда он формирует или создает их в соответствии со своими законами.

Таким образом, в зародыше и в абстрактной форме мы находим у Фихте идею единства теории и практики, а также идею свободы как осознанной необходимости.

Идеализм Фихте — это философия действия. Подлинная действительность заключается для него в Действии, а не в Бытии. Вот почему он не представляет себе историю как законченное целое; он, этот идеализм, чтобы сделать понятным акт, посредством которого каждый из нас участвует в коллективном созидательном труде рода, чтобы без конца преступать, вырываться за его собственные пределы, не обязательно должен ставить себя в конце истории и иметь полную панораму Бытия, развернутую перед сознанием. Каждый из нас в силу своего участия в общем деле способен на «интеллектуальную интуицию», которая не есть, как у Канта, гипотетический божественный акт постижения абсолютного как полного постижения бытия, а есть чисто человеческий акт постижения абсолютного как постижения свободы, созидательного действия. Таким образом, Фихте уходит от выбора между догматизмом и скептицизмом, восстанавливая, правда в идеалистической форме, единство теории и практики.

В этом диалектическом, противоречивом единстве рассудок познает «не-Я», а воля утверждает «Я». Противоречие непреодолимо, поскольку разрешение его проецируется в бесконечность. Этот мир есть образ, выражение формальной свободы, поле битвы между Бытием и Небытием, абсолютное внутреннее противоречие.

Сама религия является для Фихте, по крайней мере согласно философии его «Наукоучения», лишь обещанием, описанием идеальной цели прогрессивного развития, в конце ко-

торого практику ждет окончательная победа. Но, поскольку борьба бесконечна, интеллектуальная интуиция всегда только борется и никогда не побеждает: она есть раскрытие смысла того, что навсегда остается абсолютным противоречием, постижением значения всякого внешне видимого данного, всякого достигнутого предела, как временного отрицания созидательной деятельности. Такая теория познания в идеалистическом плане покончила с мифом «вещи в себе», при всех условиях непознаваемой и полагавшей вовне абсолютный предел для человеческого познания и человеческой деятельности. Абсолютное, переносившееся Кантом за пределы человеческого мира, у Фихте отождествляется с историческим развитием, с движением к прогрессу, с усилиями, что подтачивают изнутри и опрокидывают всякий предел. Так философ становится неотделим от человека действия, борца, пример которого не раз на протяжении своей жизни являл сам Фихте. Практика у Фихте, несмотря на его кантианскую терминологию, несмотря на его идеализм, есть в конечном счете включение человека, всего человека, в коллективные усилия, направленные на то, чтобы творить историю, преобразовывать природу и строить общество.

Фихте не только выявил «активную сторону познания», но и выдвинул на первый план человеческую деятельность и, в частности, превращение с помощью человеческой деятельности субъективного в объективное. Он открыл диалектическую связь между субъективным и объективным, эту важнейшую диалектику исторического и социального развития, хотя природа, в согласии с идеалистической мистикой, остается у него порождением «Я», субъект, в согласии с метафизической мистикой, помещается вне времени и истории, а объективация смешивается с отчуждением.

Но так как Фихте удалось преодолеть метафизический дуализм Канта, отделявший непроницаемой стеной дух от материи, он разглядел в практическом разуме завершающий этап того медленного восхождения — от инертной материи к живому существу, потом к существу мыслящему, — в результате которого человек возвышается до осознания им собственного действия, отодвигающего до бесконечности границы, которые ставит для свободы «не-Я».

Фихте увидел также, — хотя он и сформулировал эту идею в духе самого крайнего идеализма, то есть так, что вся природа становится у него объектом, который «Я» придает себе в качестве опоры своей деятельности, — что важнейшим фактором исторического развития является не природа, как считал старый «созерцательный» материализм, а создаваемая человеком «вторая природа», в которую он объективирует свои собственные силы и которая составляет для человека, как это подчеркнул Маркс в «Немецкой идеологии», находя-

щуюся в непрерывном становлении среду, где протекает его деятельность, его труд, его практика.

Фихте пошел дальше Канта и еще в одном отношении: практический разум имеет у него не только моральный, но и социальный характер. Человеку предназначено жить в обществе; если он живет изолированно, он не является в полном смысле человеком, и в нем возникает противоречие. Индивид только тогда человек, когда он живет среди людей.

«Человек, который самоизолируется, — писал Фихте, — отрекается от своей судьбы; он становится равнодушным к моральному прогрессу. С моральной точки зрения думать только о себе даже и не значит думать о себе, ибо абсолютная цель индивида заключается не в нем самом; она лежит во всем человечестве. Человек, вопреки тому, что он слишком часто склонен думать и даже ставить себе в заслугу, отнюдь не выполняет своего долга, если ведет жизнь анахорета и витает в облаках чистых абстракций и спекуляций; долг надо выполнять не мечтой, а делом, действиями, совершаемыми в обществе и для общества»[1]. Таким образом, кантианской морали мораль Фихте противостоит так же, как воля создавать в ходе истории, усилиями, опирающимися на природу, человечество противостоит субъективным усилиям, направленным к достижению личной святости.

«Отрицание отрицания», акт преодоления природы, которая есть не что иное, как первый предел, установленный для «Я», — это акт коллективный; все человечество участвует в этом усилии — реализации абсолютного, то есть безграничной свободы в нас самих и во всем мире; это проект, который выдвигает перед собой человеческий род.

К тому же, преодолев дуализм Канта, Фихте расправился и с аскетической концепцией кантианской морали; тело необходимо вдвойне: так как, во-первых, в нем выражается действие субъекта на вещи, и, во-вторых, оно дает каждому возможность общаться со всеми.

Фихте сразу преодолел таким образом и кантовский идеализм, и кантовский аскетизм.

А из всего этого следовало, что всякое право должно вырабатываться применительно не к нуждам индивида, а только к нуждам общества. Никакой индивид не обладает, например, абсолютным правом собственности, что, конечно, вовсе не означало, что Фихте намечал создание социалистического общества. Он лишь выступал против абсолютизма феодальной собственности, и те экономические мероприятия, которые он предлагал, не шли дальше того, что запланировала и совершила Французская революция, включая сюда и те перемещения собственности, которых требовали национальные интересы и которые осуществили якобинцы.

[1] Fichte, Sittenlehre, IV, § 18.

И тем не менее Фихте в соответствии со своей теорией государства и договора и несмотря на широту власти, которую он признавал за государством, считал, что любой человек, страдающий от голода или нищеты, тем самым освобождается от всякого социального долга. Фихте преодолел таким образом концепцию формальной свободы и склонялся к тому, чтобы требовать реального права.

Несомненно, что, как воспитанник Французской революции, Фихте оставался в плену буржуазной исторической концепции собственности и наделял собственность метафизическим статутом, рассматривая ее как необходимое поле применения свободы и необходимый для действия материал; но, увлекаемый движением самой истории, которая радикальным образом ограничила феодальную форму собственности, он не хотел отождествлять понятие собственности с обладанием определенными богатствами. Здесь также, верный духу всей своей философии, он вещи противопоставлял акт. Субстанцией собственности оставался, по его мнению, труд; а, согласно фихтевской теории права, человеку может законно принадлежать только тот кусок материи, на который распространяется его свобода.

Надо, несомненно, абстрагироваться от той части учения Фихте, в которой прометеевский титан «Наукоучения» превращается в покорного субъекта, провозглашающего, что философия «признает всякую вещь необходимой и полезной, она примиряет нас со всем существующим в том виде, как оно существует, ибо это так должно и быть в соответствии с конечными целями» [1].

Несомненно, наконец, что утверждать, подобно Лассалю, будто диалектический материализм как научная основа социализма должен быть заменен философией Фихте, значит полностью отрекаться от марксизма.

И все же для всякого философа-марксиста остается необходимым выявлять «рациональное зерно» в философии Фихте, «ставить с головы на ноги» его великие мысли о созидательном акте человека, вносить в марксистское мышление этот «критический» момент — не для того, чтобы на нем и остановиться, а для того, чтобы не остаться односторонним, не исказить эту мысль о масштабах субъективного, — и, наконец, усваивать, ассимилировать важные темы философии существования, выраженные у Фихте в рационалистической перспективе.

---

[1] Фихте, Характерные черты нашей эпохи (1805).

ТРИ ИСТОЧНИКА

> Учение Маркса... есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.
>
> (Ленин[1])

Разрыв Маркса с младогегельянцами обозначился уже в конце 1843 года. Статья Маркса «К еврейскому вопросу» была в этом отношении показательна. Как и в работе «К критике гегелевской философии права», Маркс в этой статье главное внимание уделил анализу буржуазного общества и политического государства, раздвоению человека на эгоистического индивида и абстрактного гражданина. Но этот анализ привел к практическим выводам: как обеспечить человеческую эмансипацию? И ответ на этот вопрос был у Маркса прямо противоположен тому, какой давали на него младогегельянцы, и особенно Бруно Бауэр, утверждавший, что для освобождения человека достаточно развеять его религиозные иллюзии и сменить политический строй. Для Маркса подлинная человеческая эмансипация — это не только религиозная и политическая, но также и социальная эмансипация. «Политическая эмансипация есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к *эгоистическому, независимому* индивиду, с другой — к *гражданину государства,* к юридическому лицу...

...Лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»[2].

[1] «Три источника и три составных части марксизма»; см. Полное собр. соч., т. 23, стр. 43.

[2] К. Маркс, К еврейскому вопросу; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 406.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Выдвигая, таким образом, в качестве необходимого условия человеческой эмансипации отмену частной собственности, Маркс и переходил от буржуазного демократизма к коммунизму.

Но, хотя он и ставил теперь новую цель, он еще не указывал на средства ее достижения.

На этом этапе, когда никем пока не было установлено, какие реальные силы способны создать на земле коммунизм, еще можно было строить всякие утопии.

По этому, второму, пункту Маркс порвал с младогегельянцами еще более решительно. После 1840 года младогегельянцы потеряли одну за другой все свои «литературные позиции»: перед лицом насильственных и репрессивных мер государства чистая теория оказывалась бессильной. Заниматься журналистикой в Германии стало совершенно невозможно. Поэтому Бруно Бауэр и его друзья решили просто отвернуться от этой абсурдной, как они считали, действительности и стали превозносить индивидуальное сознание как святое и нерушимое убежище для критики. Такая позиция привела их к индивидуалистическому анархизму, самым радикальным (хотя по существу и самым безобидным) выражением которого явилась книга «Единственный и его собственность» Штирнера — одного из предтеч экзистенциализма.

Маркс и некоторые из младогегельянцев (Руге, Гесс) избрали другой путь: материальная сила государства может побеждать потому, говорили они, что философия, оставаясь уделом кучки интеллигентов, не может отвечать на насилие насилием. Вот почему задача, которая встает сейчас перед философией, — это идти в массы. Маркс определенно извлек этот вывод уже в начале 1844 года: «Материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1].

Но, для того чтобы теория овладела массами, надо, чтобы она давала ответ на насущные для них проблемы, чтобы она была не утопией, а выражала их глубокие чаяния: «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей... Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» [2].

Но то, что является необходимым условием эмансипации человека, это категорическое отрицание собственности, — оно как бы уже воплощено в одном определенном классе: «Тре-

---

[1] К. Маркс, К критике гегелевской философии права; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 422.

[2] Там же, стр. 423.

буя *отрицания частной собственности,* пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что́ общество возвело в *его* принцип, что́ воплощено уже в *нем,* в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества» [1].

А отсюда напрашивался и вывод: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие... Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» [2].

Но, чтобы продвинуться по этому пути, надо было еще иметь возможность обращаться к массам и печатать для этого свои работы за границей, чтобы избежать прусской цензуры и репрессий, — подобно тому, как в прошлом столетии французские энциклопедисты издавали свои труды в Амстердаме или в Лондоне.

Надо было также узнать у самых сознательных и самых активных пролетариев, в чем заключаются самые сокровенные чаяния пролетариата, с тем чтобы слить самую передовую теорию с самой передовой практикой.

Маркс вполне отдавал себе отчет в том, что для такого радикального преобразования философии нужна иная классовая позиция, другой классовый подход и что только это и позволит философам приподнять завесу нового мира. В мае 1843 года он писал Руге: «Филистерский мир — это *мир общественных животных... обесчеловеченный мир...* Предоставим мертвым хоронить и оплакивать своих мертвых. Завидна зато участь тех, кто раньше других с живыми силами начинает новую жизнь; пусть это выпадет нам на долю» [3].

У Маркса не было никаких сомнений насчет выбора места, где он мог встретиться и познакомиться с самой передовой революционной практикой; это был Париж. Он назвал свой журнал «Немецко-французским ежегодником» и объявил, что задача этого издания — научить немцев «говорить по-французски», то есть действовать по-революционному. Свою работу «К критике гегелевской философии права» Маркс закончил выражением уверенности в том, что, «когда созреют все внутренние условия, *день немецкого воскресения из мертвых* будет возвещен *криком галльского петуха*» [4].

Париж представлялся в то время центром революционного движения. Энгельс писал: «Одна лишь Франция имеет Париж — город, в котором европейская цивилизация достигла

---

[1] Там же, стр. 428.
[2] Там же, стр. 428—429.
[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. I, стр. 354, 353.
[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 429.

своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир; город, население которого сочетает в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию, жители которого умеют жить, как самые утонченные эпикурейцы Афин, и умирать, как самые бесстрашные спартанцы...»[1]

В свете такой характеристики нетрудно понять, с какой радостью Маркс обосновался в 1844 году в Париже, на улице Вано, чтобы руководить изданием «Немецко-французских ежегодников».

Именно в Париже молодой Маркс стал марксистом.

Здесь, в Париже, он не только вскрыл и четко сформулировал исторические законы классовой борьбы и необходимости пролетарской революции для установления коммунизма, но и, что особенно важно, стал подводить под коммунизм не «философскую основу», как он это делал прежде, а историческую основу, то есть выводить его из науки, которая черпает свои «истины» не из спекулятивного мышления, а из опыта, борьбы, практики.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» носят сложный и двойственный характер, а потому и позволяют нам в какой-то мере проникнуть в тогдашнюю лабораторию творческой мысли Маркса, где живучие остатки гегелевских философских спекуляций соседствовали уже с научными требованиями политической экономии в истории.

Три главных источника марксизма: немецкая философия, английская политическая экономия, французский социализм — впервые обнаруживаются, слитые воедино, уже в этих марксовых рукописях 1844 года.

Вся работа пронизана одной главной идеей — идеей отчуждения труда и преодоления, ликвидации этого отчуждения при коммунизме. Тема отчуждения развита здесь полностью и со всех точек зрения: религиозной, политической, экономической, не без темных пятнышек спекулятивности, но и при наличии также признаков, что эта тема находится уже на пути к своей «реконверсии»; в самом деле, после «Рукописей 1844 года» эта категория — отчуждение — утратит свою философскую всеобщность (всеобщность, еще отмеченную печатью спекулятивности) и, разделившись на ряд специальных категорий для каждой дисциплины в отдельности, — в политической экономии, например, это будет «товарный фетишизм» — станет выполнять более скромную, но в научном отношении более полезную роль.

---

[1] Ф. Энгельс, Из Парижа в Берн; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 500.

Что же нового нашел для себя Маркс в Париже в смысле источников знания?

Это, во-первых, был опыт великой социальной революции — революции, которая началась во Франции в 1789 и закончилась в 1830 году. Маркс изучает Французскую революцию на месте, у самого ее источника, черпает знания о ней у людей и из книг. Он думает даже написать историю Конвента. С жаром набрасывается он на труды французских историков периода Реставрации: Огюстена Тьерри, Минье, Тьера, Гизо, которые, изучая борьбу французской буржуазии против феодальных порядков в средние века, — а они делали это, чтобы подкрепить и оправдать либеральные требования современной им буржуазии, — вскрыли и показали, какую важнейшую роль в истории играет классовая борьба. Маркс воздал потом должное этим историкам, признав, что именно им принадлежит заслуга открытия классовой борьбы: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства,* 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата,* 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» [1].

Пребывание в Париже позволило также Марксу — и это самое главное — усвоить опыт революционной борьбы: революционных боев, которые французский народ вел уже полвека под руководством буржуазии, и боев, которые вот уже несколько лет, начиная с 1831—1834 и 1839 годов, вел французский пролетариат, вел в своих собственных интересах и обладая уже и классовым сознанием, и знакомством с социалистическими и коммунистическими учениями, представлявшими в то время смесь самых различных теорий, таких, как теории Кабе, Теодора Дезами, Бланки, Прудона и других [2].

В Париже Карл Маркс завязал связи с революционными немецкими ремесленниками и с французскими тайными обществами. Полиция в своих донесениях сообщала, что Маркс присутствовал на собраниях революционных рабочих у одной из парижских застав, недалеко от Венсенского замка.

---

[1] К. Маркс, Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 424, 427.

[2] Об этом источнике марксизма и об этих различных теориях см. нашу работу «Французские источники научного социализма» (Roger Garaudy, Les sources françaises du socialisme scientifique, Paris, 1949).

Тогда же Маркс хорошо узнал прекрасные человеческие качества этих революционеров. Он писал: «Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жаждой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о человеческом благородстве этого движения» [1].

После Венского конгресса тайные общества, ставившие своей задачей борьбу против реакционной политики Священного союза, стали возникать всюду в Европе. «Карбонарии» оставались верны идеалам якобинцев, а общества бланкистов были французской формой «карбонаризма». Маркс не был согласен с конспиративными методами таких небольших активных групп, но он ценил в этих коммунистах то, что они решительно критиковали существующий порядок и были исполнены воли к его насильственному свержению. И после Французской революции находились люди, от Бабефа (которого Маркс назвал «основателем первой активной коммунистической партии» [2]) до Бланки (которого Маркс считал «мозгом и сердцем пролетарской партии во Франции» [3]), выступавшие хранителями и продолжателями традиции насильственной революции: только народ, восстав, может завоевать свою свободу.

Маркс водил также знакомство с французскими социалистами и изучал их труды; и, хотя он считал иллюзией их веру в возможность преобразования буржуазного общества путем постепенных реформ и их надежду добиться уступок у правящих классов одной лишь силой своего убеждения, он находил полезной их критику буржуазного строя. Поэтому он встречался с Прудоном и Луи Бланом, с Гейне и Гервегом, с Бакуниным и Пьером Леру.

А главное, он встречает Энгельса и завязывает с ним дружбу, которая будет продолжаться всю их жизнь.

Поразительно, как сошлись их пути.

Энгельс, как и Маркс, пришел к коммунизму, начав с немецкой классической философии, особенно философии Гегеля. Он был сыном фабриканта, и годы, проведенные им в Англии, на ткацких фабриках его отца, имели для него такое же большое значение, какое для Маркса имело пребывание в Париже: здесь, в стране, экономически гораздо более развитой, чем его собственная, он не только осознал всю бесчеловечность капиталистического строя, обрекающего трудящихся на деградацию и нищету, но, что самое важное, понял великое

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 92.

[2] K. Marx, Gesamtausgabe, IV, 1, S. 308.

[3] К. Маркс, Из неизданного. [Парижская] Национальная библиотека, Рукописи Бланки, 9594, лист 310. Цитируется нами в нашей работе: R. Garaudy, Les sources françaises du socialisme scientifique, p. 218.

значение борьбы, уже тогда начатой рабочим классом и принявшей в Англии форму чартистского движения. Еще раньше, в своих «Письмах из Вупперталя», Энгельс гневно изобличал эксплуатацию капиталистами рабочих своей страны — в Бармене, Эльберфельде. А его книга «Положение рабочего класса в Англии» явилась беспощадным обвинительным актом против самого передового в то время капитализма. С чартистским движением в Англии, которое придало требованиям рабочего класса политическую форму, Энгельс связывал свою надежду на освободительную революцию: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты... представляют... решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, ...в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории» [1].

Итак, именно опыт борьбы пролетариата, участие в борьбе пролетариата, переход на классовые позиции пролетариата позволили Энгельсу, как и Марксу, прийти от буржуазного демократического радикализма к коммунизму, притом не к прежнему «философическому» коммунизму, в основе которого еще лежало спекулятивное мышление, а к коммунизму как научно-исторической концепции. Этот совместный опыт они выразили в «Немецкой идеологии» в виде следующей аксиомы: «Существование революционных мыслей в определенную эпоху уже предполагает существование революционного класса» [2].

Первым вкладом Энгельса в «Немецко-французский ежегодник», а вместе с тем и в научный социализм были его «Наброски к критике политической экономии», которые Маркс назвал «гениальными набросками». Энгельс доказывал в них, что все категории политической экономии являются лишь различными аспектами частной собственности, противоречия между которыми порождают кризисы и социальную революцию.

В 1844 году Маркс со своей стороны погрузился в изучение трудов разных экономистов. Это были книги и французских экономистов, таких, как Жан-Батист Сэй, Скарбек, Дестют де Траси, Буагильбер, и, во французских переводах, работы знаменитых английских экономистов — Адама Смита, Рикардо, Мак-Куллоха, Джемса Милля.

---

[1] Ф. Энгельс, К истории Союза коммунистов; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 220.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 46—47.

Из изучения классиков политической экономии Маркс вынес главную идею о решающей роли труда. В труде человек овеществляет свою собственную созидательную силу. Товар и его стоимость — это лишь кристаллизовавшийся человеческий труд. Но в свете опыта, а также социалистических учений Маркс в отличие как от Гегеля, так и от буржуазных экономистов пришел к выводу, что мир, созданный человеком, становится чуждым и враждебным человеку не в силу того, что человек в труде овеществляется, а потому, что в условиях общественного строя, основанного на разделении труда и вытекающей из этого частной собственности на средства производства, человек овеществляется бесчеловечным образом. Его труд — это отчужденный труд. Частная собственность родилась именно из этого отчуждения труда.

В результате такого экономического и социального отчуждения (у Фейербаха — это религиозная форма отчуждения, при которой все, что отдается богу, отнимается у человека), чем больше растет капитал, тем больше деградирует как человек трудящийся.

Так, напитав свою мысль из этих трех богатых источников, какими были немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм, Маркс в своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» решил подвести итог своим исследованиям. Краеугольным камнем его мышления стало в то время понятие отчуждения труда, к которому вели все три источника.

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА

> Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*,— его упразднение охватывает поэтому обе стороны.
>
> (К. Маркс[1])

Проблема отчуждения у Маркса — это проблема отношения человеческой деятельности к предметам и институтам, которые она создает.

Можно установить, что концепция отчуждения имела четыре главных источника.

1. Экономический источник. Для экономистов отчуждение—это передача чьей-нибудь собственности другому лицу. В товарном обществе самой распространенной формой отчуждения является продажа.

2. Юридический источник. Для теоретиков естественного права термин «отчуждение» обозначал утрату первоначальной свободы, передачу ее обществу по общественному договору. Именно в таком смысле употреблял этот термин Руссо в своем «Общественном договоре».

3. Философский источник. Для Фихте отчуждение — это акт, посредством которого субъект полагает объект. Объект, «не-Я» во всей его совокупности, есть отчуждение духа, «Я».

4. Теологический источник. По смыслу гностической теологии отчуждение означает сотворение мира богом. В традициях гностицизма было сближать это понятие с понятиями «процесса», а также «падения».

Маркс заимствовал понятие «отчуждение» у Гегеля и Фейербаха, но коренным образом его видоизменил.

У Гегеля отчуждение заключается в том факте, что дух не признает больше за свое произведение то, что он создал, и рассматривает свой собственный продукт как существующую вовне реальность. Это, как и у Фихте, типично идеалистическая концепция отчуждения; она определяет главный исходный тезис идеализма, согласно которому дух первичен и

---

[1] «Экономическо-философские рукописи 1844 года»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 589.

порождает природу как момент своего становления. Проблема, стоящая перед Гегелем, — та же, что стоит перед всеми теологами: «Дух должен сперва создать себя, а потом — из себя создать нечто иное» [1]. С этой точки зрения сама природа, материальная действительность вообще есть форма отчуждения: «отчуждение самосознания есть то, что полагает вещность» [2].

У Фейербаха термин «отчуждение» приобретает уже материалистический смысл. Прежде всего, источником, первопричиной отчуждения становится уже не абсолютный дух (то есть бог), а, напротив, человек. Применяя эту концепцию отчуждения к критике религии, Фейербах пришел к выводу, что человек, «отчуждая» свои собственные качества и освобождая их от всяких ограничений, объективирует их от себя и переносит на бога. (Так, например, человеческая любовь, доведенная до абсолютного совершенства, становится атрибутом бога.) Бог — это только мнимое отображение сущности человека, ставшее независимым (отчужденным) от него и господствующим над ним.

Маркс, применивший, как мы видели, к критике государства и политики метод, который Фейербах использовал только для критики бога и религии, не упрекал Фейербаха за такую материалистическую перелицовку гегелевской мысли; он упрекал его лишь за то, что, поставив на место абсолютного духа вечную, неизменную природу человека, тот мыслил как метафизик: «Ошибка Фейербаха состоит не в том, что он установил этот факт [отчуждение], а в том, что он на идеалистический лад наделил его самостоятельностью, вместо того чтобы рассматривать его как продукт определенной, преходящей ступени исторического развития» [3].

Чтобы исправить эту ошибку, Маркс взял у Гегеля его главные идеи о человеке как своем собственном создателе и о становлении, истории, диалектике этого создания. В «Феноменологии духа» Гегеля Маркс обратился сразу к самому главному — к центральной идее, заключавшейся в главах этой книги о господине и рабе и о культуре:

«Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, ...как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 138.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 629.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 87.

в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает... человека как результат его *собственного труда*» [1].

Характерно, что Маркс больше всего ценил в Гегеле именно «фихтевские» черты его мышления.

Вся история есть не что иное, как непрерывный процесс этого самосоздания человека в его диалектическом развитии. Маркс писал, что, рассматривая «отрицание отрицания... как единственно истинный акт и акт самоосуществления всякого бытия», Гегель нашел *«абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для движения... истории» [2].

Но при всей важности этого открытия Гегеля Маркс не мог не видеть, в чем заключалась ограниченность его философии.

Она, во-первых, заключалась в том, что «Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный* труд» [3], а не конкретный, чувственный, материальный труд — реальную практику людей, посредством которой они формируют и трансформируют природу, общество и свое собственное существование.

И, во-вторых, она была в том, что «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает *труд* как *сущность*... человека; **он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную.** [Подчеркнуто Р. Гароди. — *Ред.*] Труд есть *для-себя-становление человека* в рамках *самоотчуждения,* или в качестве *самоотчужденного* человека» [4].

Здесь и лежал узел всех противоречий как гегелевской философии, так и классической политической экономии. Его нельзя было развязать, оставаясь на точке зрения класса буржуазии. Разрешить эту философскую и экономическую проблему можно было, лишь встав на позицию другого класса — пролетариата.

Почему это было так?

Маркс говорит нам, что Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии (то есть буржуазной политической экономии в лице ее главных представителей — Адама Смита и Рикардо). Он говорит также (и это та же самая идея, только выраженная в другой форме): *«Философ* — сам абстрактный образ отчужденного человека — делает себя *масштабом* отчужденного мира» [5]; и еще: «Политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда» [6].

---

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 627.
[2] Там же, стр. 623—624.
[3] Там же, стр. 627.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 625.
[6] Там же, стр. 570.

Маркс параллельно разрабатывает критику английской политической экономии и критику немецкой классической философии, философии Гегеля, имеющих между собой то общее, что и та и другая вращаются в рамках отчуждения. Но эта их общая черта есть классовая черта: быть отчужденным — это свойство буржуазного общества, критерий отчуждения — это критерий буржуазии. Вот почему «разрешение теоретических загадок есть задача практики» [1].

Почему классовый критерий, классовая точка зрения буржуазии неизбежно имеют в своей основе отчуждение?

Изучая классическую политическую экономию, Маркс вскрыл источник этого отчуждения. Он убедился, что буржуазные экономические теории есть не что иное, как приведение в ту или иную систему внешней видимости явлений, как они представляются капиталисту. «Политическая экономия видит лишь *внешнее проявление*» [2]. «Даже лучшие из ее [классической политической экономии] представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными... миром видимости» [3]. Но в чем же заключается эта видимость, о которой Маркс нам говорит: «В мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений»? [4]

Маркс приводит два ярких тому примера: Адам Смит, по его словам, не видит разницы между «постоянным капиталом и переменным капиталом» и между «основным капиталом и оборотным капиталом», а «Рикардо смешивает *стоимости* и *цены издержек*» [5]. Эти ошибки объясняются иллюзиями, а положение капиталиста таково, что он склонен питать иллюзии. Маркс дает этому такое определение: «Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно сохраняла смитовское смешение категорий «постоянный капитал» и «переменный капитал» с категориями «основной капитал» и «оборотный капитал» и без всякой критики в течение почти целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее капитал, затраченный на заработную плату, уже совершенно не отличается от той части капитала, которая затрачена на сырые материалы... Таким образом одним ударом разрушается основа, необходимая для понимания дейст-

---

[1] Там же, стр. 605.

[2] К. Маркс, Капитал, т. II; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 143.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 398.

[4] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 560.

[5] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 2 августа 1862 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 30, стр. 218.

вительного движения капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации»[1].

В самом деле, в бухгалтерских книгах капиталиста разница между этими двумя категориями издержек производства — выплаченная заработная плата и закупленное сырье — никакого отражения не находит, в этих книгах ее по существу нет. «Капитальные стоимости, авансированные для производства в виде средств производства и жизненных средств, здесь одинаково вновь появляются в стоимости продукта. Таким путем счастливо достигается превращение капиталистического процесса производства в совершеннейшую мистерию, и происхождение прибавочной стоимости, заключающейся в продукте, оказывается вне поля зрения.

Далее, тем самым завершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который превращает общественный экономический характер, придаваемый вещам общественным процессом производства, в некий естественный характер, вытекающий из самой природы этих вещей»[2].

Труд, таким образом, не отличается от всякого другого товара. В буржуазной политической экономии точно так же, как и в бухгалтерских книгах капиталиста, он предстает лишь в той единственной форме, какую он принимает при капиталистическом строе: не как созидательная деятельность человека, а как деятельность, предназначенная для принесения капиталисту денег. «Политическая экономия представляет себе общественный строй людей, или их человеческую сущность в действии, их взаимоотношения с жизнью рода, с подлинно человеческой жизнью, в форме обмена и торговли... Поэтому политическая экономия рассматривает отчужденную форму общественных отношений как форму основную, изначальную и соответствующую предназначению человека»[3].

Да иначе и быть не может, если только *не вырваться* из условий, присущих буржуазному строю, в рамках которого внешняя видимость явлений все время именно такова. Избавиться от этих иллюзий можно не иначе, как выйдя из этих рамок, встав на точку зрения другого класса, того класса, для которого этот строй не является ни вечным, ни «естественным», а временным, преходящим: когда-то существовали другие системы, при которых труд имел другое значение; в будущем также возникнет другой строй, другая система, при которой труд приобретет еще другое значение.

Гегель разделял эти иллюзии в силу тех же классовых причин и переносил их в сферу философии. Ту историческую

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. II; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 247.

[2] Там же, стр. 254.

[3] К. Marx, Notes de lecture sur James Mill; MEGA, p. 536—537. [Цитата дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*]

форму, какую принимает отчуждение труда в условиях капиталистического строя, он принимал за вечную и единственную форму объективации человеческого труда, хотя эта объективация в других социальных условиях вполне может и не быть отчужденной.

«Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает»[1]. Исходя, таким образом, из эмпирических «данных», выше которых она не смеет подняться, буржуазная политическая экономия не в состоянии поэтому вскрыть за всем тем, что ей представляется «фактами» или «вещами», человеческие отношения, которые их порождают и за них отвечают. Буржуазная политическая экономия обрекает себя на позитивизм, на установление законов, формулируемых только как постоянные взаимосвязи между явлениями[2].

Марксистская теория отчуждения — это не только теория об этих иллюзиях, но и метод критики позитивизма.

Благодаря классовой точке зрения, на которую он встал и которая позволила ему поставить себя вне *рамок* капиталистической системы, Маркс избежал иллюзий, которые создает отчуждение. Его метод заключался в том, чтобы искать и находить за так называемыми «данными» опыта человеческие отношения, скрывающиеся под внешней видимостью вещей.

С этим же самым методом он подошел и к критике гегелевского идеализма.

Отчуждение философа имеет те же классовые корни, что и отчуждение экономиста.

Разделение труда, классовое господство и эксплуатация играют определяющую роль в генезисе идеалистической мистики. Начиная с того момента, когда возникло разделение труда на физический и умственный, «сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного»[3].

Таковы социальные корни идеализма.

Во всяком классовом обществе деление между отдающим приказания мышлением и материальным производством создает иллюзию не только независимости мышления, которое витает над материальной действительностью и практической деятельностью, но также и примата мышления.

---

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 559.

[2] Далее, в главе, посвященной политической экономии, мы увидим, как Маркс преодолел эту позитивистскую концепцию науки.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 30.

Для класса, который уже не находится в прямом контакте с вещами и который воздействует на мир с помощью символов мысли и языка, когда он замышляет какой-нибудь труд, и с помощью приказаний, когда он руководит его исполнением, мысль оказывается в плену иллюзии, будто она и есть верховная и указующая сила мира.

Здесь также аналогия между философией и политической экономией напрашивается сама собой. Внешняя видимость, рожденная классовым опытом, представляется в качестве истины в последней инстанции. Так же как при системе товарного хозяйства самое абстрактное, но вместе с тем и самое универсальное выражение товара, деньги становятся «отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущностью* человека... отчужденной *мощью человечества*» и «*божественной силой*» [1], так в буржуазном обществе и в разработанной на базе его абстрактной концепции мышления разум находит свое самое совершенное выражение, как двигатель всей вселенной, природы и истории, в системе гегелевской «Логики»: «Философский дух есть не что иное, как отчужденный дух мира, мысленно, т. е. абстрактно, постигающий себя внутри своего самоотчуждения. *Логика — деньги* духа... *отчужденное... мышление*» [2].

Отсюда мы можем увидеть все значение марксистской критики. Она уже не ограничивается только рамками мышления, ее цель заключается уже не только в том, чтобы изменить представление о мире, которое составили себе прежние философы, оставляя мир таким, как он есть, а в том, чтобы изменить сам этот мир, который порождает иллюзии. В таком вот глубоком смысле «разрешение теоретических загадок есть задача практики».

Именно в этом и заключалась та подлинно «коперниковская революция», которую Маркс совершил в философии.

Эта коперниковская революция стала возможной только благодаря тому, что Маркс встал на точку зрения другого класса; марксизм есть философия труда прежде всего потому, что это философия трудящихся, тех, для кого природа является не порождением или отчуждением духа, а материалом труда [3].

Если размышлять над миром, каким он является и как он воспринимается в повседневной практике трудящегося, а не только в спекулятивном философском мышлении, то проблемы будут вставать материалистически: «Эти *массовые* коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона, не думают, что можно «*чистым мышле-*

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 619.

[2] Там же, стр. 624—625.

[3] См. там же.

нием», при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения... Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в *мышлении*, в *сознании*, но и в массовом *бытии*, в жизни» [1].

Так испаряется иллюзия, будто достаточно изменений в сознании, чтобы перевернуть мир, так исчезает вера в приоритет мысли.

«Для *практических* материалистов, т. е. для коммунистов, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его» [2].

А стоит только понять, что философские иллюзии порождаются противоречиями реально существующего мира, как становится очевидным, что эти иллюзии нельзя рассеять одной только философской критикой, что для этого нужно практически ниспровергнуть социальный строй, который их породил.

Рабочий имеет дело не только с символами, но и с конкретными вещами. Он стоит на точке зрения практики, а не отчуждения [3]. Таким образом, только встав на точку зрения рабочего класса и сойдя с точки зрения буржуазии, философия может перейти от борьбы «идеальной» к борьбе реальной.

Только так «перевернутый вверх ногами» мир буржуазной действительности и буржуазного мышления может быть «поставлен с головы на ноги».

Отчуждение — это не только явление, относящееся к сфере духа; оно имеет свою объективную основу в самих условиях существования трудящихся.

В своих «Рукописях 1844 года» Маркс различает три основных момента отчуждения труда.

1. Отчуждение продукта труда. С появлением разделения труда, когда продукт путем его продажи поступает в сферу

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 58.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 42.

[3] Хотя это вовсе не исключает того, что и отдельный рабочий тоже, в условиях капиталистической экономики, частью которой он является, и под воздействием идеологии господствующего класса, которому он подвергается, становится жертвой иллюзий, порождаемых отчуждением. Сознает он это или нет, он всегда жертва отчуждения; пробуждение в нем сознания освобождает его не от отчуждения, а от порождаемых им иллюзий.

обращения, он уходит от своего собственного производителя, становится товаром, то есть вещью, подчиняющейся законам, которые не имеют ничего общего с законами производства продукта, то есть обезличенным законам рынка.

Отчуждение труда есть частный случай этого отчуждения всего и вся путем продажи. Это продажа рабочей силы, ставшей товаром и превратившейся, как всякий товар, в нечто безличное, анонимное.

Когда с появлением частной собственности на средства производства человек, то есть производитель, трудящийся, ставший рабом, крепостным или пролетарием, перестает владеть этими средствами производства, органическая связь между сознательной целью, которой задается человек в своем труде, и средствами, которые он употребляет для достижения этой цели, порывается. Производитель оказывается таким образом отделенным, оторванным от продукта своего труда, который отныне принадлежит уже не ему, а владельцу средств производства: рабовладельцу, феодальному сеньору или капиталистическому хозяину. Следовательно, его труд уже не есть больше осуществление его собственных целей, его личных замыслов; он осуществляет цели другого. Таким образом, человек в своем труде перестает быть человеком, то есть тем, кто ставит сам перед собой свои цели, и становится средством, частицей объективного процесса производства, средством производства товаров и прибавочной стоимости.

«Самоотчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается... Труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего... Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину...»[1] Отчуждение есть здесь обнищание, пауперизация.

2. Отчуждение акта труда. Во всяком обществе, где существует частная собственность на средства производства, трудящийся отделен не только от продукта своего труда, но и от самого акта своего труда. Хозяин предписывает ему не только цели, но также средства и методы его труда. Движения рабочего, ритм этих движений подчинены приказам извне, передаваемым на то место, которое ему отведено в системе производства. Они предвосхищаются, предначертаются заранее в самой обесчеловечивающей форме, а инструмент или машина заставляют трудящегося работать таким головокружительным темпом, что он, по выражению Маркса, превра-

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 562.

щается в «телесный придаток стальной машины»[1]. Отчуждение принимает здесь форму обезличивания.

3. Отчуждение родовой жизни. Совокупность средств производства, существующих в данную историческую эпоху, совокупность научных и технических средств, соответствующих определенному уровню культуры, и той силы, которую они в себе заключают, являются плодом труда и мысли всех предшествующих поколений людей. Когда человек работает, в его деятельности как бы представлено все жившее прежде человечество; его труд есть выражение «родовой жизни» человека, всех достижений, накопленных родом человеческим. Но, когда средства производства являются частной собственностью, все это наследие, в которое вложен созидательный труд всего предшествующего человечества, человечества как «родовой сущности», по выражению Маркса, оказывается в руках нескольких лиц, которые, таким образом, и распоряжаются, как хотят, всеми изобретениями, накопленными за тысячелетия труда и творческого мышления людей.

Таким образом, частная собственность есть высшая форма отчуждения. «Сила всего общества становится частной силой нескольких»[2], — скажет потом Маркс в «Капитале». Капитал — это отчужденная сила человечества, встающая над людьми как чуждая им, нечеловеческая сила. Отчуждение принимает здесь форму обесчеловечивания.

Подлинное бытие человека, его созидательная деятельность (накопленные за всю историю результаты его созидательных актов) аккумулируются в собственности. «Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое *имущество,* тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности»[3]. Такова «мораль» буржуазного общества.

Живой труд человека, кристаллизованный в товаре, становится в руках владельца средств производства мертвым трудом, аккумулированным в форме капитала, превращается в собственность, которая с этих пор становится чуждой бытию, ее создавшему, стоящей над ним и господствующей над ним, подчиняющей его своему безличному и бездушному закону.

Это отношение между мертвым трудом и живым трудом, между *быть* и *иметь* является глубоким законом капиталистического общества и его становления. Чем больше *собственности* накапливается в руках капиталиста, тем все более нищен-

---

[1] Цитата, без точного указания на источник, дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

[2] То же. — *Прим. ред.*

[3] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 602. См. далее, часть III, глава «Прибавочная стоимость и обнищание рабочего класса».

ской становится *жизнь* рабочего, его создателя. Это то, что Маркс сформулировал в «Капитале» как «всеобщий закон капиталистического накопления».

Вот почему отношения между людьми превращаются в отношения между вещами. В силу законов конкуренции и законов рынка, где сравниваются, сопоставляются между собой лишь вещи и их товарная стоимость и где судьбы людей зависят от этого столкновения вещей, люди, их труд, их замыслы и предприятия, их взаимоотношения становятся моментами объективного развития вещей.

Человек, отчужденный в нечеловеческие законы собственности, утрачивает в них свою сущность, свое бытие, заключающееся в сознательной постановке целей, которые он осуществляет в своем труде. Он становится вещью.

Это отчуждение совершается во всех сферах жизни, и во всех сферах оно обесчеловечивает человека и раскалывает общество.

В экономическом плане — это то, что Маркс назвал потом «товарным фетишизмом». В джунглях капиталистической конкуренции, сталкивающей друг с другом алчных охотников за наживой, побеждает кучка самых крупных предприятий, давящих и пожирающих все другие.

В политическом плане — это мистификация государства, в котором провозглашенное равноправие служит маской, лицемерно прикрывающей фактическое неравенство между имущими и неимущими.

В обществе, где деньги закабаляют всех неимущих, заставляя их продаваться или продавать свою рабочую силу, свобода становится поэтому ложью, мифом.

В духовном плане — это мир раздвоенных людей. В самом деле, как только в результате отчуждения замысел перестает быть моментом реального творчества, он становится уже не моментом развития моей деятельности, а иллюзорной компенсацией, которую я получаю взамен ускользающей от меня действительности, калечащей меня вселенной.

Мысль, попавшая в тиски отчуждений, уже перестает быть тем, чем она является в своей сущности, и становится средством фабрикации новых средств. Или же, если она пытается вырваться из этих тисков, в которые превратился для нее реальный мир, попадает в иллюзорный потусторонний мир, в область бесплодных утопий и грез.

Отчуждение есть противоположность созиданию. Вот почему отчуждение труда, хоть оно и не является единственным видом отчуждения, есть первопричина всех остальных. Именно это отчуждение извращает в самой его основе созидательный труд — эту сущность человека.

А отчуждение труда — Маркс подчеркивал это не раз — является порождением частной собственности на средства

производства. И оно может исчезнуть только с исчезновением этой последней.

Такова основа марксистской морали, которую Маркс резюмирует так в своих «Рукописях 1844 года»:

«*Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения* человека — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному,* т. е. человечному... Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, т. е. как целостный человек» [1].

Для того чтобы преодолеть отчуждение, недостаточно, как у Гегеля или у Фейербаха, осознать факт его существования; сначала надо переделать мир, который его порождает, то есть общество, основанное на частной собственности на средства производства. Уничтожить отчуждение — это, следовательно, дело уже не одной только философской критики, но и классовой борьбы.

Таким образом, выполнение задач, указываемых философией, берет на себя пролетариат.

Эта историческая эстафета стала возможной, когда с полной победой капитализма, в середине XIX века, отчуждение приняло всеобщий характер. Все вещи поступили в обращение, и все ценности деградировали в меновые стоимости.

Ибо в этом мире рабочий класс в силу своего исторического положения радикальным образом лишен собственности на средства производства, и единственное, что ему принадлежит, — это его рабочая сила.

В отличие от всех других общественных классов рабочий класс выступает, как говорит Маркс, «лишь в своем человеческом звании» [2], ибо он низведен до голого человеческого существования, сведен к его глубочайшей сущности, каковой является именно труд, акт преобразования природы, созидательная деятельность, но в то же время он лишен по-настоящему человеческих атрибутов этого труда, поскольку не может делать со своей рабочей силой ничего другого, кроме как продавать ее собственнику средств производства, то есть отчуждать ее в пользу этой посторонней силы.

Рабочий класс радикально отличается от всех других общественных классов. Так, например, бедный крестьянин, мелкий ремесленник или лавочник, даже если они находятся фактически в еще худшем положении, чем рабочий, выдвигают

---

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 588, 589.

[2] Цитата в переводе с французского. — *Прим. ред.*

требования, связанные со средствами производства, которыми они владеют и которые ими владеют: своим клочком земли, своей мастерской, своей лавкой.

Это значит, что их требования подсказываются им извне. Они отчуждают себя в пользу своей собственности. Их поведение каким-то образом определяется, диктуется этой *собственностью,* в то время как борьба пролетариата диктуется в основном простыми требованиями *существования* [1].

Действительно, поскольку его рабочая сила дает ему возможность существовать только в том случае, если ему удается продать ее собственнику средств производства, все его возможности существования связаны с классовой борьбой против капитала.

Как таковой, человек может *существовать,* только разбив железные законы *собственности.*

Таково, если говорить языком древней философии, «онтологическое» значение революционных требований пролетариата.

Именно в этом, глубоком смысле рабочий класс является единственным классом, революционным до конца. Его классовая борьба ставит под сомнение — неотделимо одно от другого — и весь существующий социальный порядок, и действительную судьбу человека, всех людей.

Коммунизм — это не дарование *собственности* всем и каждому при сохранении отчуждения, как это представляли себе сторонники примитивного и грубого «уравнительного социализма», вроде Сильвена Марешаля во Франции, выступавшего за «раздел собственности».

Коммунизм, как это особенно подчеркивал Маркс в своих «Рукописях 1844 года», — это не наделение всех *собственностью* в рамках отчуждения, а реализация *сущности* человека, всех людей, потому что только уничтожение отчуждающих структур классового общества обеспечит подлинное освобождение и возможность безграничного развития всем людям, включая и бывших эксплуататоров, которые также были отчуждены в пользу обладания своим имуществом, в то время как трудящиеся были отчуждены в пользу имущества, которое у них было отнято.

Для Маркса путь к свободе и к подлинной духовности проходил обязательно через диктатуру пролетариата.

В нашу эпоху первое правило марксистской морали для каждого — это участвовать всеми своими силами в борьбе пролетарских классов, классовые цели которых сливаются с такой целью, как освобождение целостного человека.

---

[1] Это хорошо показано в книге Андре Горжа «Мораль истории» [André Gorz, La morale de l'histoire, Paris, 1959].

ПРАКТИКА И «РЕКОНВЕРСИЯ» СПЕКУЛЯТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

> Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.
>
> (К. Маркс[1])

На том этапе, к которому относятся «Рукописи 1844 года», мышление молодого Маркса еще не совсем освободилось от спекулятивной философии. Критика буржуазного общества и концепция коммунизма еще имеют под собой спекулятивную основу; суждения о современном обществе, так же как и о будущем обществе, выносятся, исходя из некоей философской концепции человека. Буржуазное общество не соответствует «истинной» природе человека, его «сущности». Коммунизм будет «подлинным воскресением природы»[2]. На такой же спекулятивной основе формулируется задача революционеров: уничтожить противоречие между реальной действительностью и сущностью человека путем «реализации гуманизма» через коммунизм. Социальная революция и коммунизм еще не осмыслены, не понимаются научно, как исторический момент развития человечества.

Теория отчуждения и его преодоления носит телеологический и спекулятивный характер.

Чтобы прийти к научному социализму, стала нужна подлинная «реконверсия» этих философских концепций. Маркс тем более сознавал эту необходимость, что некоторые младогегельянцы, в прошлом его соратники, в частности Мозес Гесс, поворачивают в сторону чисто моральных и утопических теорий, теорий так называемого «истинного социализма», которые Маркс наголову разгромил.

Возвращаясь к «гуманизму» Фейербаха, Гесс, а за ним Карл Грюн стали подменять реальных людей с их классовы-

---

[1] «Тезисы о Фейербахе. Тезис одиннадцатый»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 4.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 590. Об этой двойственности «Рукописей 1844 года» см. наводящую на некоторые размышления статью Мориса Годелье «Политическая экономия и философия» [Maurice Godelier, Economie politique et philosophie; «La Pensée», № 111, d'octobre 1963].

ми антагонизмами человеком вообще, абстракцией человека и, критикуя в духе поучений дегуманизацию человека в буржуазном обществе, проповедовать «истинный социализм», который, дескать, будет достигнут не в результате классовой борьбы и социальной революции, а в результате реформ, какие наступят благодаря всеобщему распространению образования. Эта смесь спекуляций, моральных проповедей, утопизма и реформизма имела тоже свой классовый смысл. Таким образом, установление коммунизма переставало быть задачей пролетариата. Этот «истинный социализм», отрицавший необходимость настоящей революции, был, как писал Маркс, «немецкой философией», которая облеклась «в социалистические одежды» [1].

Чтобы пойти дальше такого «философического коммунизма», еще недостаточно было поставить на первое место «практику», после того как на первое место ставилось «отчуждение».

Ибо «практика» отнюдь не позволяет еще уйти от идеализма и спекуляций, если понимать ее — а Маркс именно так еще понимал ее в своих «Рукописях 1844 года» — как единство отчуждения и его преодоления, а не как труд и классовую борьбу. Если все дело только в «самосознании» человека в смысле, близком к тому, какой вкладывал в это понятие Гегель, то «философии практики» суждено остаться всего лишь вариацией немецкого идеализма, которому, начиная с Канта и Фихте, принадлежала та заслуга, что он делал упор на «активную сторону познания». Вся разница заключалась в том лишь, что на место познания было бы поставлено действие, на место познающего субъекта — субъект действующий, а основная «аксиома» такого идеализма — нет объекта без субъекта — была бы сохранена.

Но уже в «Рукописях 1844 года» можно найти в зародыше (и в этом не последняя причина всей сложности и двойственности этого произведения) попытку подвергнуть «реконверсии» эти центральные понятия — отчуждение и практика, преодолеть их изначально спекулятивный характер. Социальная революция в «Рукописях 1844 года» рисуется одновременно и как результат противоречия между буржуазной действительностью и «подлинной сущностью человека» (спекулятивная основа), и как продукт самого развития частной собственности (историческая и научная основа).

«Реконверсия» понятий отчуждения, практики, целостного человека [2], коммунизма будет завершена, когда необходи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 462.

[2] Сравните, например, понятие целостного человека, как оно сформулировано в «Рукописях 1844 года», с тем, как Маркс формулирует его в «Ка-

мость революции будет ясно понята (независимо от всяких спекуляций насчет «подлинной сущности» человека) единственно как историческая необходимость, порождаемая противоречием между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями. Только тогда будет преодолена та стадия философии истории, которая основывается на спекулятивной концепции «сущности человека» и на представлении, будто метафизический «смысл» истории, ее конечная цель существуют вне человека и не зависят от него.

Как шел Маркс к этому преодолению и к этой «реконверсии»?

К понятию практики, так же как и к понятию отчуждения, имеют отношение все три основных источника марксистской философии.

Немецкая философия, от Канта до Фихте и Гегеля, выявила роль человеческой деятельности, вскрыла и показала не только активную сторону познания, но и «самосоздающую» роль человека.

Английская политическая экономия, от Адама Смита до Рикардо, установила конкретное значение этой созидательной деятельности, этой практики; показала конкретную роль труда, создающего путем преобразования и очеловечивания природы все ценности; доказала, что само человеческое общество — это прежде всего трудовой коллектив.

Французские социалистические учения, учение Сен-Симона в особенности, выработали идею, что общество существует «в действии», то есть что оно представляет собой коллективный трудовой организм, основанный на единстве материального и духовного производства.

И второй идеей, заимствованной у французских коммунистов, была идея о том, что эта практика есть практика какого-нибудь класса — буржуазии во время Французской революции, а после нее — пролетариата. Этот пролетариат борется если еще и без ясного понимания своей исторической миссии, то по крайней мере сознавая уже свои классовые цели, выдвигая свои классовые лозунги.

питале»: «Крупная промышленность... делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства... Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» («Капитал», т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 499).

Маркс смог преодолеть спекулятивную концепцию отчуждения и продвинуться дальше, подняться выше только благодаря тому, что он встал на классовую точку зрения, на точку зрения пролетариата. Практикой, которая помогла ему преодолеть эту концепцию, была революционная практика рабочего класса, пролетариата.

Эта практика есть одновременно и труд, поскольку коммунистическая революция возможна лишь при достижении определенного уровня развития производительных сил, и классовая борьба, поскольку она требует изменения производственных отношений. Отныне отчуждение в системе мышления Маркса будет означать уже не раздвоение человека, не разрыв его с самим собой, а деление общества на классы и классовые антагонизмы, и пути преодоления этого отчуждения будут для него все больше отождествляться с конкретной революционной борьбой пролетариата.

И само это выражение «отчуждение» он будет употреблять все реже и реже (хотя и не откажется от него совсем), по мере того как, заменив спекуляции конкретным историческим анализом, он будет вкладывать в понятие «отчуждение труда» научное содержание: в этом смысле теория стоимости и теория прибавочной стоимости явятся преодолением теории отчужденного труда, ее реконверсией. А следствием отказа, хотя бы и частичного, от слова «отчуждение» (обозначающего состояние человека) будет все более частое использование термина «фетишизм» (обозначающего структуры, порождающие отчуждение).

В «Немецкой идеологии» Маркс подчеркивал, что, хотя он и пользуется еще терминологией, заимствованной у немецкой философии, он вырабатывает и вкладывает в нее новое содержание: понятие отчуждения служит для того, чтобы, беседуя с философами на их языке, разъяснить им противоречие между производительными силами и производственными отношениями и смысл возникающей из этого противоречия классовой борьбы.

Практика, как отправной пункт и назначение марксистской философии, получает свое определение как общественная деятельность, как деятельность, направленная на преобразование мира и обнимающая все формы труда и борьбы: технику, материальное производство, научные исследования и опыты, революционную борьбу, художественное творчество.

После этого нам становится ясно, в чем состояла коперниковская революция, совершенная в философии Марксом: в переходе от спекулятивного мышления к практике. «Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей... Изобра-

жение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды» [1].

Эта освобожденная от мистических покровов концепция практики и привела Маркса к открытию исторического материализма как конечного результата всех его философских раздумий. А исторический материализм сделается научной основой его экономической теории и его практики революционера, борца.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 26.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

> Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.
>
> (К. Маркс[1])

Мир человека — это творение человека. Эта главная идея немецкой философии, особенно Фихте, находит в историческом материализме свое освобожденное от мистики научное и революционное выражение. Первое систематическое исследование практики во всех ее исторических измерениях Маркс и Энгельс сделали в «Немецкой идеологии» (1846). Речь для них шла тогда, по их словам, о том, чтобы «сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью»[2].

Это «сведение счетов» они начали годом раньше в «Святом семействе», где в противоположность «младогегельянцам», с головой ушедшим в чистую критику, они доказывали, что *«идеи* никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»[3]. «Критика не создает ничего, рабочий создает все... Рабочий создает даже *человека...»*[4]. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс возвращались к этой же теме: не критика, а революция является двигателем истории и культуры.

Между тем немецкая философская критика ограничивалась до тех пор критикой религиозной и боролась также только против иллюзий сознания, отказываясь от борьбы против существующего устройства мира, а это означало, что она хотела не перестроить мир, а оставить его как он есть и изменить лишь представление о нем.

---

[1] «К критике политической экономии. Предисловие», см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 132.

[4] Там же, стр. 21.

Первой задачей Маркса было установить связь идей с действительным миром. И уже в том, как он ее разрешил, нашла свое выражение та революция в философии, которую совершил Маркс, эта великая инверсия: от спекуляции к практике. «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе» [1]. Иными словами, чтобы объяснить жизнь людей, надо отправляться не от сознания, не от мышления людей, а от их существования, от их реальной практики, которыми и определяется их сознание, их мышление. Сознание есть осознание того, что существует и что делается. «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием» [2].

Центральный тезис исторического материализма гласит: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [3].

Человеческая история качественно отличается от биологической эволюции, но своими корнями уходит в нее.

Человек, как и животное, имеет потребности, которые одновременно и роднят, и сталкивают его с природой. Но в отличие от животного, вместо того чтобы просто приспосабливаться к природе, он ее переделывает своим трудом. Человеческая история начинается с изобретения первого орудия, с тех пор, как впервые были произведены средства, позволяющие удовлетворять потребности человека. Поэтому человеческая среда — это не просто «элемент» природы, это всегда в какой-то мере преобразованная, очеловеченная природа. Так, например, в меньшей степени география определяет историю, чем история — географию. Связь человека с природой — это активная связь. Пока будут существовать люди, подчеркивает Маркс, история природы и история людей всегда будут взаимно обусловливать друг друга. Состояние производительных сил, производства и обмена есть такой важнейший элемент, необходимый для познания истории людей.

Но, удовлетворяя свои потребности и производя технические средства для их удовлетворения, человек создает для себя новые потребности. Это создание все новых и новых потребностей отличает человека от всех других живых существ. В то время как круг желаний животного остается почти неизменным, потребности человека непрерывно расширяются. Че-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 25.

[2] Там же.

[3] К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

ловек склонен производить сверх того, в чем он непосредственно нуждается. Преобразуя природу, он преобразует самого себя и настолько утончает свои чувства, что они становятся способными к восприятию всего, что было создано предшествующими поколениями людей. Его чувства вмещают в себя всю прошлую цивилизацию и культуру человечества. Поэтому в каждом акте его труда, его творческой деятельности незримо присутствует все человечество: «Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека*... Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты» [1].

После удовлетворения потребностей с помощью своего труда и создания новых потребностей третьим элементом, характерным для человеческой истории, является установление общественных отношений между людьми. Завоевание и укрощение природы требуют разделения труда. Уровень развития производительных сил выражается степенью сложности разделения труда. Отделение города от деревни, отделение промышленного труда от труда торгового в пределах города, отделение умственного труда от труда физического — таковы важнейшие вехи, какими отмечен прогресс этого разделения труда. Существование общественных классов связано с различными фазами этого исторического развития производства.

В понятие общественного класса входит прежде всего место, занимаемое данной группой людей в определенной системе общественного производства, ее роль в общественной организации труда, а точнее говоря, ее отношение к средствам производства. В определении класса пролетариата, например, главным является то, что он не владеет средствами производства. А отсюда вытекает и его общественная функция: он является производителем прибавочной стоимости для капиталистов, то есть владельцев средств производства. Третьим элементом, который входит в определение пролетариата как класса, является, помимо двух первых, объективных элементов (не владелец средств производства, производитель прибавочной стоимости), элемент «субъективный» — сознание своей классовой принадлежности и понимание исторических задач, лежащих на классе, к каковым относятся классовая борьба, завоевание политической власти через диктатуру пролетариата и коммунистическое преобразование об-

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 566.

щества. Это осознание своей исторической миссии превращает пролетариат из класса «в себе» в класс «для себя».

Таким образом, вся история, как это провозгласит вскоре Коммунистический манифест, была историей борьбы классов. «В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали... практические производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других... Таким образом, общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» [1].

Диалектика этих антагонистических противоречий и является двигателем истории. Основной закон исторического развития — это, следовательно, закон необходимого соответствия между уровнем производительных сил и производственными отношениями. Он и представляет собой научное выражение того, что Маркс называл до сих пор отчуждением: общественное могущество, то есть производительная сила, намного возросшая в результате сотрудничества, обусловленного разделением труда, представляется людям в качестве внешней, посторонней силы, и каждая революция есть не что иное, как попытка укротить эту силу, то есть установить между людьми такие общественные отношения, которые соответствовали бы уровню развития этих производительных сил. «Это противоречие между производительными силами и формой общения... должно было каждый раз прорываться в виде революции, принимая, вместе с тем, различные побочные формы... как коллизии между различными классами, как противоречия сознания, идейная борьба и т. д.» [2]. Таким образом, исторические коллизии возникают из противоречия между состоянием производительных сил и формой производственных отношений.

Для иллюстрации этого огромной важности открытия Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» постарались коротко, но ярко обозначить переломные пункты истории и определить главные характерные черты важнейших стадий ее развития.

Так, они набросали схему последовательно сменяющих друг друга форм собственности: первобытная коммуна, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм, коммунизм.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 433.

[2] Там же, стр. 75.

Нет нужды возводить в догмат эту схему, о которой сам Энгельс сорок лет спустя писал, что она «показывает только, как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории» [1].

Впрочем, и в самой «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, сразу же после того как они дали эту свою схему стадий развития, добавили, что «[эмпирическое] наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством» и, переходя от изучения структур к изучению их движения, развития, сказали по поводу «сведения воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей»: «Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи» [2].

В этом конкретном вопросе Маркс сам дал пример подлинно научного исследовательского труда и глубокого теоретического мышления, свободного от всякого догматизма; мы имеем в виду его работу 1857—1858 гг. «Формы собственности, предшествующие капиталистическому производству», которая составляла часть первой редакции «Капитала» и в которой им была дана картина, гораздо более сложная, с большим числом нюансов, нежели та, какая была набросана в «Немецкой идеологии»; так, например, он подверг здесь анализу «азиатский способ производства».

«Азиатский способ производства», являющийся одной из форм перехода от бесклассового общества к обществу классовому, носит, как отмечал Маркс, противоречивый характер; хотя собственность остается общей, обнаруживаются специфические формы эксплуатации человека человеком, а также деспотическим государством.

Этот способ производства нельзя приравнять ни к первобытной коммуне, ни к рабовладельческому строю, ни к феодализму. Он развился во многих азиатских, африканских, доколумбовских обществах. В «Капитале» (том I) Маркс описывает, в каком виде он существовал в Индии; а в своей работе 1858 года, озаглавленной «Формы собственности, предшествующие капиталистическому производству» и опублико-

[1] Ф. Энгельс, Предисловие к книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 371.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 24, 26.

ванной только в 1939 году[1], он исследовал этот вопрос шире.

Проведенные с тех пор исторические и этнографические исследования показали всю справедливость и плодотворность этой концепции Маркса.

Но после продолжительной дискуссии «Об азиатском способе производства», состоявшейся в Ленинграде в 1931 году, марксизм оказался изуродованным, так как из него выбросили важную для науки гипотезу о возможности такого способа производства, который не укладывается в жесткую схему исторического развития, всегда и всюду проходящего через эти пять стадий: первобытное общество, рабство, феодализм, капитализм и социализм. В работе Сталина «Диалектический материализм, исторический материализм» эта схема приняла форму настоящей «философии истории», то есть метафизической спекуляции, подчиняющей все развитие истории своего рода внешней необходимости и старающейся (тщетно) во что бы то ни стало подогнать все факты под эту концепцию (в чем как раз и состоит «спекуляция», метод, наиболее чуждый мышлению Маркса).

Исследователь, если он будет идти по такому пути, может совершать лишь подобные же манипуляции, какими до Коперника занимались упрямые ученики Птолемея, вычерчивавшие на своих картах небосвода «эпициклы», то есть пути движения звезд, не совпадавшие с их гипотезой и потому казавшиеся им аберрацией. Историк, придерживающийся схемы пяти стадий, при изучении общественного строя древних индийцев, инков или некоторых африканских народов тщетно будет стараться втиснуть все явления под рубрику «рабства» или под рубрику «феодализма», ибо историю всех народов нельзя свести к одной, типичной линии развития, идущей от античной Греции к «западному» капитализму.

Маркс в своем письме Вере Засулич 8 марта 1881 года дал блестящий пример конкретного анализа, противоположного всяким спекуляциям, показав, что переход от земледельческой общины к частной собственности мог совершаться различными путями: «a priori возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда»[2]. Другой пример научного при-

---

[1] Русское издание см.: К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940. Об «азиатском способе производства» см.: Советская историческая энциклопедия, т. I, М., 1961, стр. 267—268. — *Прим. ред.*

[2] Цитируется Морисом Годелье в его еще не изданной работе, в которой он очень ясно для нынешней стадии исследования этого вопроса ставит проблему «азиатского способа производства» и которой во многом обязан автор этих строк.

[В действительности цитируемое высказывание Маркса взято не из самого письма его Вере Засулич, а из первого чернового наброска этого

менения марксизма дал Ленин, когда он опроверг взгляды народников на экономическое развитие России, базируясь не на абстрактной схеме исторической эволюции, а на конкретном анализе русской экономики.

Поэтому отказ от догматической схемы Сталина является отнюдь не «ревизией» марксизма, а, наоборот, возвращением к научному духу марксизма, как его понимал сам Маркс.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс — и это было пятой темой их исследований — наметили также в первых общих чертах свою теорию государства. Еще в своих работах «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу» Маркс пришел к выводу, что не государство создает буржуазное общество и правит им, а буржуазное общество создает государство и правит им. Он проанализировал также политическое отчуждение и порождаемую им иллюзию, когда государство представляется в таком виде, что кажется, будто коллективные интересы принимают в нем независимую форму, стоящую отдельно от частных интересов. Маркс еще тогда установил, что все формы политической борьбы внутри государства, борьбы между демократией, аристократией и монархией, — это лишь иллюзорные формы, под которыми скрывается борьба классов. Он показал, как каждый класс старается овладеть политической властью, маскируя свои классовые интересы заверениями, будто он выражает общие интересы. Содержание права «всегда дается отношениями... класса» [1], и Маркс дал такое определение государству: «государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы». Для буржуазии, как частного случая, «государство есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы» [2].

Наконец, и само сознание является общественным продуктом. Люди производят свои философские, политические, религиозные, эстетические идеи так же, как они производят свои средства существования и свои общественные отношения. Из этой концепции вытекает тройное следствие. Во-первых, гос-

---

письма; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 404—405. Кроме того, автор так цитирует Маркса, что неясно, какие же именно «и тот, и другой исход» Маркс имел в виду. В том же первом наброске письма Вере Засулич Маркс писал: «Ее («земледельческой общины») конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится...». — *Прим. ред.*]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 322.

[2] Там же, стр. 62, 63.

подствующие идеи — это всегда идеи господствующего класса. Во-вторых, наличие революционных идей в определенную эпоху предполагает уже наличие революционного класса[1]. И, в-третьих, — и это то, что отличает марксизм от идеалистического и механистического «социологизма» Дюркгейма, — следствие реагирует, оказывает влияние на причину, и между сознанием и условиями, в которых оно родилось, существует взаимодействие.

В историко-материалистической перспективе «реконверсия» основных концепций Маркса была на этом закончена: «Коммунизм для нас... не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой»[2].

Необходимость коммунистической революции — это лишь частный случай действия закона о необходимости соответствия между производственными отношениями и состоянием производительных сил. Эта революция необходима потому, что на нынешней стадии прогресса техники и экономической организации производственные отношения, система капиталистической собственности становятся тормозом развития производительных сил: на данной стадии обобществления производства частная форма присвоения превращается в анахронизм, чреватый катастрофами.

Так как уже существуют технические возможности для общемировой организации потребностей, ресурсов и труда, то тем самым становится возможным отныне и уничтожение классов.

Само понятие «целостного человека», хоть оно и возникло из спекулятивной философии, приобретает конкретный исторический смысл. «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств». В изменившихся условиях выковывается таким образом новый человек. Если справедливо, что «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений»[3], то овладение общественным могуществом, «ликвидация отчуждения», как результат установившейся гармонии между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями, кладут конец тому положению, которое отделяет индивида от общества, которое отстраняет от индивида все богатства и все творческие

---

[1] Там же, стр. 46—47 и др. Для полного ознакомления с историческим материализмом Маркса см., помимо «Немецкой идеологии», письмо Маркса Анненкову, 28 декабря 1846 г., и предисловие к работе «К критике политической экономии» (1850).

[2] Там же, стр. 34.

[3] Там же, стр. 36, 201.

силы, накопленные предшествующими поколениями человечества. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»[1]. Свобода в полностью человеческом смысле этого слова. Не смешной каприз случайности и отрицания, а действительная способность вобрать в себя всю культуру и мощь прошлого и современного человечества, способность также создать что-то сверх того, что создано человечеством, внести благодаря этому «присутствию» в каждом всего человечества и его достижений свой творческий вклад в будущее всех. Коммунизм, писал Маркс, создает условия не для того, чтобы каждый мог стать Рафаэлем, но для того, чтобы «каждый, в ком сидит Рафаэль», имел «возможность беспрепятственно развиваться»[2].

«Целостный человек» в этой конкретной исторической перспективе — это не только не отчужденный более человек, а человек, живущий универсальной жизнью. «Уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на созданной современными производительными силами и мировыми отношениями основе.

В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обусловливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил»[3]. Когда в обществе без классов жизнь индивида и жизнь общества перестают противостоять друг другу в каждом человеке, то это создает реальные, конкретные условия для расцвета целостной человеческой личности.

Исторический материализм позволяет нам также избавиться от эмпиризма истории как простой хронологии событий, а также от идеалистических и теологических спекуляций всяких «философий истории».

Эта историческая методология диаметрально противоположна всякому догматизму.

Что касается структурного анализа, то тут Маркс и Энгельс сами пересмотрели свои взгляды, отказавшись от всяких детерминистских, антидиалектических крайностей. Они отказались от некоторых формулировок «Немецкой идеологии» и «Нищеты философии». После того, как Маркс в «Ни-

[1] Там же, стр. 75.
[2] Там же, стр. 392.
[3] Там же, стр. 441.

щете философии» сформулировал основной принцип: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства... они изменяют все свои общественные отношения», он проиллюстрировал его далее таким схематическим и механистическим образом: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [1].

Точно так же и в «Немецкой идеологии», изложив основной принцип: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание», Маркс и Энгельс далее комментировали это так: «Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития» [2].

Эти формулировки, которые вели в общем к толкованию явлений в духе механицизма, Маркс и Энгельс потом сами откровенно раскритиковали и исправили.

В письме Иосифу Блоху 21 сентября 1890 года Энгельс писал: «Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придавала больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки» [3].

Работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» явилась ярким примером анализа исторических событий во всей их диалектической сложности.

Что касается форм сознания, а также государства, то в письме Конраду Шмидту 27 октября 1890 года Энгельс, исправляя прежнюю формулировку, что они «утрачивают видимость самостоятельности», уже прямо говорит об их «относительной самостоятельности» [4]. Маркс в своей работе «К критике политической экономии», подчеркивая эту «относительную самостоятельность» надстройки, писал: «Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 133.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 25.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XXVIII, стр. 246—247.

[4] Там же, стр. 257.

доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом»[1].

Показав таким образом, как некоторые ценности живут дольше, чем исторические условия, их породившие, Маркс дает хороший пример разрыва, несоответствия между базисом и надстройкой, чтобы исключить всякую механистическую интерпретацию. В третьем томе «Капитала» он, сделав особый упор на то, что «это отношение [между материальным и духовным производством] совсем не так просто», далее писал: «Не учитывая этого, можно прийти к иллюзии французов XVIII века, так хорошо высмеянной Лессингом. Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен «Илиады» появляется «Генриада»[2].

А если говорить о динамическом анализе, анализе явлений в движении, то мы уже видели, как Маркс исправлял и приводил «в соответствие с диалектикой» свою схему «пяти стадий», которая была дана в «Немецкой идеологии». В уже упоминавшейся работе об «азиатском способе производства» он показал, как переход от одной социальной и экономической формации к другой, совершаясь отнюдь не автоматически, требует наличия и совпадения целого ряда внутренних и внешних условий и вовсе не исключает возможности стагнации, загнивания, даже регресса.

Таким образом, просто «выводить» стадии [исторического развития] так же невозможно, как «выводить» надстройку из базиса. «Наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»[3].

Эта сложная историческая диалектика, сложная, поскольку она не позволяет нам все сводить к экономике или все выводить из экономики и поскольку ее нельзя превращать, как это делали, впрочем, многие вульгаризаторы или поверхностные критики, в «экономический детерминизм», тем не менее вовсе не отдает историю во власть случайностей, не подчиненных никакому закону. Она лишь исключает концепции, склонные подчинять историю какой-то находящейся вовне, мистической и абстрактной необходимости, вроде той, что мы находим в различных «философиях истории». История развивается, не «руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом»[4]. Открытие законов внутренней необходимости требует

[1] К. Маркс, К критике политической экономии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 737.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. I, стр. 280.

[3] Ф. Энгельс, Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XXVIII, стр. 233.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 38.

терпеливого и тщательного изучения всех детерминирующих факторов, а не отражения априорной схемы. Такому исследованию необходимо вновь и вновь подвергнуть hic et nunc (здесь и теперь) каждый частный случай.

В этом вопросе Маркс тоже поставил гегелевский метод с головы на ноги.

Не определив точно, в чем заключаются характер и смысл этой «переделки» Марксом гегелевской философии, мы не сможем определить характер и смысл марксистского материализма.

МАТЕРИАЛИЗМ МАРКСА

> Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно.
>
> (К. Маркс[1])

Решительный поворот, который Маркс сделал в философии, переработав концепцию «практики», позволяет дать характеристику этого «переворота».

Маркс не переворачивал гегелевскую *систему*, как это сделал Фейербах; он отверг ее.

Маркс не сохранил, как таковой, гегелевский *метод*; он перевернул его.

Он отверг систему. А это значит, что он отверг идеализм, но не остановился там, где Фейербах, то есть не заменил идеалистическую онтологию материалистической онтологией, или метафизику — антропологией, или, наконец, одну религию — другой, получившей название «гуманизма», или религии человека.

Марксизм не есть «натурализованное» гегельянство, он не просто поставил «материю» на место гегелевского «духа», чтобы придать этой материи незыблемые законы диалектики, которые Гегель придавал духу. Марксизм — это не спекулятивный материализм, который бы догматически поместил себя в бытие, чтобы в последней инстанции и «в себе» определять его сущность и законодательствовать над абсолютным во имя спекулятивной диалектики гегелевского типа.

Излагать материализм Маркса, не отправляясь от практики, непременно значило бы излагать его недиалектически и возвращаться к домарксистскому, догматическому пониманию философии.

Существует коренное различие между материализмом Маркса и, например, французским материализмом XVIII века. Маркс признавал роль французского материализма как оружия критики феодального абсолютизма, теологии, мета-

[1] Тезисы о Фейербахе. Тезис первый; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

физики. Но характерно, что эта философия оказала влияние на Маркса главным образом через Гегеля и Фейербаха. Хотя Дидро был любимым прозаиком Маркса и хотя Маркс именно у материалистической «школы», от Демокрита до Дидро и Фейербаха, взял основное положение о первичности материи относительно сознания, все же главным философским источником марксизма остается классическая немецкая философия, философия Канта, Фихте, Гегеля; о самом Фейербахе Маркс и Энгельс не раз говорили, что он «неизмеримо слабее» Гегеля.

Когда Маркс в «Святом семействе» кратко излагал историю французского материализма, он главным образом упирал на *практические* заслуги этого материализма, на его моральные и политические уроки, непосредственно связавшие его с социализмом и коммунизмом: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» [1], — писал Маркс и в связи с этим подробно цитировал Гельвеция и Гольбаха.

С теоретической точки зрения французский материализм, ведущий свое происхождение от Декарта,— это борьба против религии и метафизики, в пользу развития естественных наук.

Этому материализму Маркс предъявил два упрека.

Во-первых, приняв материю в том виде, в каком ее изображала механистическая наука, домарксистский материализм имел слишком скудное представление о материи, от которой оставался только абстрактный призрак, повинующийся одним лишь законам механики. После Бэкона «в своем дальнейшем развитии материализм становится *односторонним*... Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*. *Физическое* движение приносится в жертву *механическому* или *математическому* движению» [2].

Во-вторых, и это самое главное, он стремился проникнуть внутрь вещей, *вместо того чтобы начинать с практической деятельности людей:* «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 145—146.

[2] Там же, стр. 143.

[3] К. Маркс, Тезисы о Фейербахе. Тезис первый; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

Французский материализм XVIII века, материализм Гольбаха, Гельвеция, Ламетри стал жертвой двойной иллюзии: *«сиентистской»* иллюзии, заключающейся в том, что научные законы переносят на природу в таком виде, в каком они известны на определенном, данном этапе развития естественных наук, словно они являются ее окончательной сущностью. Тем самым представление о материи обедняется до такой степени, что оно превращается в скелет геометрии или механики, в то время как каждое великое *научное* открытие обогащает *философское* понимание природы, как это подчеркивал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», где он бичевал «ту опошленную, вульгаризированную форму, в которой материализм XVIII века продолжает теперь существовать...» [1]

Эта первая иллюзия была лишь следствием второй, более существенной иллюзии — *догматической.* Догматическая иллюзия заключалась в стремлении абстрагироваться от практики, от деятельности познания, а следовательно, от ее исторического и исторически относительного характера, и базироваться, по примеру эмпириков, на мнимых «данных», словно каждый факт, каждое *деяние* не является именно тем, что *сделано,* что было создано техникой и мышлением людей в ходе их продолжавшейся многие тысячелетия деятельности по преобразованию природы.

Всякий материализм, который не исходит из осознания этой «активной стороны» познания, этой «гуманизации» современной природы и пытается говорить о вещах, абстрагируясь от человека, есть докритический материализм. Главное достоинство материализма Маркса в том, что Маркс не трактовал материализм так, словно Канта, Фихте и Гегеля не существовало.

Маркс писал, прибегая к формулировке, которая может быть неправильно понята, только если ее произвольно вырвать из контекста: «Последовательно проведенный натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их истиной обоих. Мы видим в то же время, что только натурализм способен понять акт всемирной истории» [2].

В этих словах нет ни попытки компромисса или синтеза между материализмом и идеализмом, ни мнимого «преодоления» того и другого, хотя иные и пытались в них это увидеть.

Существовавший ранее материализм, от Демокрита до Гассенди и от Ламетри до Фейербаха, стремился избежать суда практики, не понимая, что именно она является его ис-

---

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 286.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 631.

точником и критерием; он относился к природе абстрактно, лишая ее связи с человеком, его практикой и познавательной деятельностью.

Выдвигая на первый план среднее звено между началом познания и его концом, то есть момент деятельности познания, идеализм, от Канта до Фихте и Гегеля, стремился все сконцентрировать в субъекте и изолировать его деятельность, забывая о том, с чего она начинается и что служит для нее проверкой.

Маркс преодолел эту двойную абстракцию, не отказавшись от материализма. Но он органически включил в материализм, преломив его через человеческую практику, всю «деятельную сторону», развитую до тех пор абстрактно, только идеализмом.

Поэтому только его мировоззрение свяжет «начало с концом», без того чтобы абстрагировать, как это делали древние материалисты, природу в ее первозданном виде, словно мы можем познать ее иначе, а не только через наше познание, нашу практику, нашу технику и наши понятия, всегда исторически относительные и временные; и без того, чтобы абстрагировать, подобно идеалистам, субъективный момент познания или «практики», субъект в его чистой субъективности, непостижимо развивающий в пустоте деятельность, которая якобы рождает мир и о которой невозможно сказать ни что является ее полем, ни почему она наталкивается на сопротивление, ни чем она подтверждается. Ленин следующими словами резюмировал этот шаг Маркса: «Первое начало» забыто и извращено идеализмом. А *диалектический* материализм один *связал* «начало» с продолжением и концом»[1].

Марксистский материализм основывается, таким образом, на двух основных положениях, дающих оригинальное решение проблемы взаимоотношений субъекта и объекта: на положении о гуманизации природы, показывающем, что познание природы и управление природой нельзя абстрагировать от «практики», от субъекта; и на положении о примате материи, показывающем, что если очевидной истиной будет сказать, что объект не может быть *познан* без субъекта, то будет абсурдом утверждать, что он не может *существовать* без субъекта.

Гуманизация природы — это истина, устанавливаемая опытом. Маркс упрекал материализм Фейербаха в том, что он «понимает чувственность не как практическую деятельность»[2]. «Он не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»; см. Полное собр. соч., т. 29, стр. 264.

[2] К. Маркс, Тезисы о Фейербахе. Тезис девятый; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений» [1]. Фейербах, как и все предшествовавшие ему материалисты, «никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной *деятельности* составляющих его индивидов... Материализм и история у него полностью оторваны друг от друга» [2].

Поскольку мир, в котором мы сейчас живем, — это мир продуктов и институтов, созданных человеком, он исполнен человеческих значений; он не только соткан из каузальных законов, но в нем заключены конечная цель и смысл. Замыслы и предприятия многих поколений человечества, живших на протяжении тысячелетий, выкристаллизовались в вещах. «Пресловутое «единство человека с природой» всегда имело место в промышленности» [3].

«История *промышленности* и возникшее *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил,* чувственно представшей перед нами человеческой *психологией... Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно и естествознания, к человеку... Становящаяся в человеческой истории — этом акте возникновения человеческого общества — природа является *действительной* природой человека... Сама история является *действительной* частью *истории природы,* становления природы человеком» [4].

Марксистский материализм дает, таким образом, решение проблем феноменологии путем разработки конкретного метода, позволяющего перейти от созданного объекта к созидающему действию и субъекту. Это — материалистический метод, позволяющий понять генезис, «значение» вещей, так же как «намерений» людей, и их взаимосвязь. «Понимание» «смысла» является одновременно осознанием с помощью исторического анализа преднамеренных действий человека-творца, человека-производителя и идеальным воспроизведением в их генезисе и в их систематической связи различных моментов создания продуктов и институтов.

Это освоение объекта путем познания легко порождает идеалистическую иллюзию, противостоять которой не смогли ни Гегель, ни Гуссерль. Маркс разрушил ее механизм: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих опреде-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 42.

[2] Там же, стр. 44.

[3] Там же, стр. 43.

[4] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 594—596.

лений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат... мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»[1].

Этот отрыв мысли, приводящий к тому, что в познании видят только деятельность, порождающую гипотезы и понятия, забывая об исходной точке, о встреченном сопротивлении, о практической проверке, и в конце концов смешивают научное воспроизведение реального с настоящим производством, в процессе которого объект целиком становится творением субъекта, является главным гносеологическим корнем идеализма. Это иллюзия, которая каждый раз возникает вновь даже среди самых великих рационалистов — от Фихте до Гегеля и от Гуссерля до Башляра.

Маркс не поддался такому искушению.

Показав, что практическая и умственная деятельность, труд, непрерывное материальное творчество людей очеловечели природу и что «*природа,* взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*»[2], Маркс не сделал сальто-мортале идеалиста, которому всегда кажется, что он может перешагнуть через собственную тень; признать, что мы познаем природу только через то воздействие, которое она оказывает на нас, и через воздействие, которое мы оказываем на нее, вовсе не значит отрицать, что она *существует* помимо нас, независимо от нас, раньше нас и после нас.

«...Свойства данной вещи, — писал Маркс, — не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»[3].

Тот факт, что свойства вещи проявляются только через ее отношения к другим вещам, ни в какой степени не объясняет, почему по отношению к одному и тому же объекту, выбран-

---

[1] К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 727.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 640.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 67.

ному, чтобы сослаться на него — например, к нашему телу с его органами чувств и присущей ему деятельностью, — данная вещь выглядит иначе, чем другая. Это верно и на самом примитивном уровне: если один камешек красный, а другой белый, я должен искать причину этого в различии структуры или состава, которыми обладают эти вещи «в себе», то есть независимо от того факта, что я на них смотрю. Это верно и на уровне самой сложной науки: тот факт, что существует взаимодействие между измерительным прибором и микрообъектом и что я могу постичь микрообъект только с помощью этого прибора и только односторонне и частично, вовсе не означает, что микрообъект создан измерительным прибором: если мы *ничего не можем познать* без измерительного прибора, то сделать из этого вывод, что вне прибора *ничего не существует,* можно только в том случае, если воспретить себе понимание того, что прибор может *быть нацелен* на какую-то вещь и придать ей размер.

Подчеркнув, что природа, существующая в «наши дни» и «для нас», всюду носит на себе следы человеческой деятельности и что поэтому человек отныне окружен, «кроме разве отдельных австралийских коралловых островов новейшего происхождения», только продуктами и институтами — «природной» средой, созданной человеком, Маркс добавлял: «Конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы, и все это, конечно, неприменимо к первичным, возникшим путем generatio aequivoca [самопроизвольного зарождения] людям»[1]. (Возникшим путем «самопроизвольного зарождения» — это значит путем становления, свойственного природе, независимо от всякого внешнего вмешательства.)

Маркс напоминает, что если только не игнорировать науку, то геология, палеонтология, трансформизм, вопреки всяким креационистским, теологическим или идеалистическим спекуляциям, установили, что материя существовала раньше сознания, а земля — раньше человеческого рода.

«Представление о сотворении *земли* получило сокрушительный удар со стороны *геогнозии,* т. е. науки, изображающей образование земли, становление ее как некий процесс, как самопорождение. Generatio aequivoca [самопроизвольное зарождение] является единственным практическим опровержением теории сотворения»[2].

На вопрос: «Кто же породил первого человека и природу вообще?» — Маркс отвечает: «Самый твой вопрос есть продукт абстракции. Спроси себя, как ты пришел к этому вопросу... Задаваясь вопросом о сотворении природы и человека,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 43—44.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 597.

ты тем самым абстрагируешься от человека и природы. Ты полагаешь их *несуществующими* и тем не менее хочешь, чтобы я доказал тебе их *существование*. Я говорю тебе: откажись от своей абстракции, и ты откажешься от своего вопроса... ибо, как только ты начинаешь мыслить и спрашивать, твое *абстрагирование* от бытия природы и человека теряет всякий смысл»[1]. Всякий вопрос о бытии исходит из бытия; противоречием является поэтому, если в самом этом вопросе содержится утверждение о несуществовании этого бытия. Понятие небытия может быть создано только бытием и путем абстракции, исходя из бытия, которое воображают себе лишенным всякого содержания.

Осознание абсурдности этого вопроса, этой лишенной смысла формулы «сотворения», которое было якобы переходом от небытия к бытию, есть акт создания самого материализма.

На страницах знаменитого «Святого семейства» Маркс разрушил механизм спекулятивных иллюзий идеализма: исходя из реальных вещей, например яблок, груш, земляники, миндаля, мы формируем понятие «плод». Затем я объявляю яблоко, грушу, миндалину простыми формами существования «плода», который является их «субстанцией». «Но насколько легко из действительных плодов создать абстрактное представление «плод», настолько же трудно из абстрактного представления «плод» создать действительные плоды. Больше того, перейти от абстракции к тому, что является *прямой противоположностью* абстракции, просто невозможно, если не *отказаться* от абстракции»[2].

Философ придает, таким образом, своей абстракции таинственные свойства, жизненную деятельность, подобную способности творить, присущей самому богу. С этого момента понятие развивается у него из самого себя, и, чтобы перейти от абстрактного к понятию, он попутно прибавит в качестве моментов развития понятия все, что нужно для этого построения, заимствуя у реального его элементы. «На спекулятивном языке эта операция обозначается словами: пони-

[1] Там же, стр. 597—598. Примечательно, что Маркс здесь переставляет аргументацию Фихте о «Я» в обратном порядке. Параллелизм, вплоть до выбора терминов, слишком явный, чтобы это не напомнило нам о Фихте. Фихте писал по поводу сознания: «Представляют себе подобное состояние и спрашивают: кем же было прежде Я, то есть каков же субстрат сознания? Но тогда, не обращая на это внимания, мысленно добавляют абсолютный субъект, который предугадывает этот субстрат, то есть именно то, от чего предполагалось абстрагироваться; следовательно, противоречат самим себе. Нельзя мыслить ни о чем, не добавляя в мысли свое Я, как сознающее самое себя; никогда нельзя абстрагироваться от своего собственного самосознания. Поэтому не приходится отвечать на все вопросы, подобные предыдущему, так как перестаешь ставить их, как только начинаешь «сознавать самое себя». (Fichte, Grundlage, I, p. 97—98.)

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 63.

мать *субстанцию* как *субъект*, как *внутренний процесс*... Такой способ понимания составляет существенную особенность *гегелевского* метода»[1]. Он, этот метод, по-прежнему путает *вос*произведение предмета с производством его; а с помощью такой путаницы идеализм выворачивает вещи наизнанку и заставляет их ходить на голове.

Маркс признавал за материализмом Фейербаха то достоинство, что он «поставил на ноги» гегелевскую систему, то есть восстановил истинный порядок вещей, положив конец спекулятивному отчуждению. «Великий подвиг Фейербаха, — писал он, — заключается... в основании *истинного материализма* и *реальной науки*... Отрицанию отрицания, заявляющему, что оно есть абсолютно положительное, он противопоставляет покоящееся на самом себе и основывающееся положительно на самом себе положительное»[2].

Абстрагирование понятия было первым отрицанием (и первым отчуждением) чувственного. Чувственное, «произведенное», исходя из понятия (в действительности «*вос*произведенное»), было отрицанием отрицания. Материализм водворяется в полной позитивности реальной природы, которая в такой же мере не является отчуждением духа и отрицанием его, в какой человек не является отчуждением бога. «*Противоположность* между бытием [бытием вообще, каким его рассматривает гегелевская «Логика»] и ничто существует лишь в представлении; в самом деле, бытие существует в действительности... [оно] само есть нечто действительное, а ничто, небытие, существует только в представлении»[3],— писал Фейербах. Атеизм не является отрицанием религии: он представляет собой позитивный взгляд, простое подтверждение и признание человека и природы такими, как они есть, без всяких посторонних примесей или мистификаций.

Фейербах, таким образом, «проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которое *вовсе не обходится без предпосылок,* а эмпирически изучает как раз действительные материальные предпосылки как таковые и потому является впервые *действительно* критическим воззрением на мир»[4].

«*Человек* является непосредственно *природным существом*... деятельным природным существом»[5] со своими потребностями, со своими желаниями и, сверх того, с предметами

---

[1] Там же, стр. 66.

[2] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 623.

[3] Л. Фейербах, К критике философии Гегеля; см. Избранные философские произведения, т. I, стр. 94.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 224.

[5] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 631.

своих потребностей и желаний, как и само животное. «Поэтому человек, как предметное, чувственное существо, есть *страдающее* существо» [1], и он действует, трудится, чтобы преодолеть свои страдания и удовлетворить свои потребности. «Когда действительный, телесный *человек,* стоящий на прочной, хорошо округленной земле, вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы, *полагает* благодаря своему отчуждению свои действительные, предметные *сущностные силы* как чужие предметы, то не *полагание* есть субъект: им является субъективность *предметных* сущностных сил, действие которых должно поэтому быть тоже *предметным.* Предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только потому творит или полагает предметы, что само оно полагается предметами и что оно с самого начала есть *природа.* Таким образом, дело обстоит не так, что оно в акте полагания переходит от своей «чистой деятельности» к *творению предмета,* а так, что его *предметный* продукт только подтверждает его *предметную* деятельность, его деятельность как деятельность предметного природного существа» [2].

Материализм, к которому пришел Маркс, после того как он «поставил с головы на ноги» гегелевский идеализм, — это не просто «декларативный» материализм. Это не «постулат» в смысле произвольного выбора перспективы мысли и действия. Практика устраняет его гипотетический характер. В этом необходимое условие рациональности мысли и ответственности действия. Подобный материализм, который не ждет иного подтверждения, кроме подтверждения практикой, который ждет от практики и только от нее своих «верительных грамот», не может быть подвергнут сомнению практикой, поскольку сам он является предпосылкой всякой действительной практики.

---

[1] Там же, стр. 632.

[2] Там же, стр. 630—631. Здесь также следует подчеркнуть и то, насколько мысль Маркса является мыслью *критической,* после-кантовской и после-фихтевской, и отметить разницу между нею и классической немецкой философией. Для Фихте, например, реальность внешнего мира является в конечном счете постулатом практического разума: исполнение закона долга требует реальности того мира, на которое оно распространяется. У Маркса также нет «данного» мира в догматическом смысле эмпирика Локка или французского материализма XVIII века. Но «практика», на которой основывается материалистическое утверждение, не ограничивается, как у Фихте, моральным законом: она включает в себя техническое воздействие человека на природу и все формы его исторической практики. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркнул антидогматический характер теории познания Маркса, отметив то, что коренным образом противопоставляет ее идеализму Фихте, и то, что отличает ее от всякого догматического материализма, ищущего для истины иную основу и иной критерий, чем практика.

У Гегеля мышление исходит из незыблемых принципов. Оно приводит к завершенному в себе единству противоположностей.

Оно развивается совершенно самостоятельно, независимо от внешней действительности, нисколько не обогащаясь за счет этой действительности, на которую нацелено понятие и которая не является понятием.

Но мышление, не являющееся догматическим или спекулятивным, не может исходить из незыблемых принципов — ни из вечных различимых интуиций, как, например, «простые свойства» Декарта, ни из готовых чувственных «данных», подобных «данным» французских эмпириков XVIII века. Ибо в обоих случаях мы остались бы в пределах познания. Одна только практика дает нам возможность выйти из этой сферы.

Такой «переворот» в философии устраняет как идеализм, так и спекуляцию. Человеческая практика, даже если она создает ныне почти полностью очеловеченный мир, в котором любая вещь может представляться нам как продукт или институт, не способна дать отчет ни о своем происхождении, ни о своем развитии, не признав материализм в качестве своей основной предпосылки.

Во-первых, она не может *дать отчет о своем происхождении.* Мир не начинается с человеческого познания (постулат древнего идеализма), но он не начинается и с человеческой практики. Истории человечества предшествовала биологическая эволюция. Практика поэтому не сможет дать отчет о самой себе и о своей исходной точке, если она не исключит идеализм.

Практика не сможет также *дать отчет о своем развитии,* если она не исключит идеализм. То, к чему прилагается человеческая практика, не может быть «непознаваемой вещью в себе» Канта. Вещью в себе — да, потому что она существует независимо от нашей практики и раньше нее, но непознаваемой — нет.

Это значит, что структура вещи в себе не является случайной, в противном случае ее «сопротивление» некоторым научным гипотезам и подтверждение ею других гипотез были бы необъяснимы.

Практика не может, стало быть, дать отчет о своем развитии, о своих успехах и неудачах, не отвергая агностицизм, прагматизм и все попытки, будь то позитивистские или феноменологические, найти третий путь в философии.

Как же материализм может определить материю?

Когда материалист определяет философское понятие материи, заявляя: материя — это то, что существует независимо от нас и что, воздействуя на нас, рождает наши ощущения, — тогда идеалист или позитивист, пользуясь аргументом Фихте, который действительно был опасным в полемике против Кан-

та, может объявить, что эта «материя» или «вещь в себе» является чисто метафизической сущностью и играет поэтому совершенно излишнюю роль. Им хотелось бы вынудить материализм трактовать материю как гомогенный и бесформенный субстрат блестящего разнообразия конкретных явлений.

Какая, действительно, польза от утверждения, что существует «вещь в себе», отличная от моих галлюцинаций или сновидений, от моих познавательных или математических фантазий, если эта «вещь в себе» непознаваема и недифференцирована, как «вещь в себе» Канта? Этот праздный фантом был бы бесполезен для нас, и Фихте был бы прав, если бы стал острить на его счет. Было бы так же невозможно извлечь из этой абстрактной «материи» все богатство видимостей, как заставить, по примеру идеализма, это богатство родиться, исходя из единства действия и духа. Энгельс отлично выразил эту мысль: «Материя, как таковая, это — чистое создание мысли и абстракции. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи» [1].

Это было развитием замечательного положения Фейербаха: «Материя — это свет, электричество, воздух, вода, огонь, земля, растение... Нельзя представить себе материю как нечто бесформенное, застывшее. Бытие без качества — химера, призрак» [2].

Исходя из этого живого и разностороннего понимания материи, полный свой смысл приобретает диалектика.

---

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 570.

[2] L. Feuerbach, Oeuvres, t. III, p. 142.

ДИАЛЕКТИКА У МАРКСА

Для Гегеля противоречие является моментом единства противоположностей. Для Маркса единство противоположностей является моментом противоречия.

Верно ли, что для Маркса нет диалектики без человека, его мышления, его деятельности? Является ли для него диалектика только соотношением между субъектом и объектом или также соотношением между объектами? Иными словами, является ли диалектика в применении к вещам продуктом отчуждения, через которое разум переносит свое движение в вещи, «диалектизирует» действительность и предается иллюзии, будто он говорит о природе, в то время как говорит о самом себе?

По правде говоря, эта проблема возникла раньше марксизма. В своих «Лекциях по истории философии» Гегель сделал следующий упрек Канту: «Трансцендентальный идеализм оставляет существовать указанное [объективное] противоречие, а только принимает, что «в себе» не страдает таким противоречием, что это противоречие имеет свой источник исключительно в нашем мышлении». И он иронизирует по этому поводу: «Кант... обнаруживает здесь слишком большую *нежность* к вещам: было бы-де жалко, если бы они противоречили себе» [1].

В действительности мышление было вынуждено открыть диалектику и прибегнуть к ней только для того, чтобы подчинить рациональности те аспекты природы, которые не подчиняются другой логике. Диалектика является попыткой рационализировать сложные аспекты действительности: движение, противоречие, единство противоположностей.

Таким образом, по самому своему происхождению диалектика не только не ограничивает мышление, а, напротив, по существу открывает путь к новым аспектам действительности.

Английский материализм и французский материализм XVIII века отводили диалектике второстепенную роль, потому что их понимание материи было ограниченным, абстрактным. Маркс писал: «Первым и самым важным из прирожденных свойств *материи* является *движение*, — не только как *ме-*

[1] Гегель, Лекции по истории философии. Книга 3; см. Соч., т. XI, М.—Л., 1935, стр. 437.

ханическое и *математическое* движение, но еще больше как *стремление, жизненный дух, напряжение,* или, употребляя выражение Якоба Беме, *мука* [Qual] материи» [1].

Диалектика — это метод исследования, позволяющий включить в рациональное мышление становление и те противоречия, которые являются его двигателем.

Диалектика не могла поэтому остаться в материалистическом учении Маркса тем же, чем она была у Гегеля.

Маркс не сохранил в неприкосновенности гегелевский метод, он перевернул его.

И здесь примат практики является ключом к этой инверсии.

В идеалистической, теологической гегелевской системе всякая действительность сводилась к познанию. Это был шаг назад по сравнению с Фихте.

1. Понятие является в конечном счете сущностью мира.

2. Система понятий, из которых состоит мир, является законченным целым, абсолютом.

3. Диалектика, над которой главенствует именно эта категория абсолютного, внутри системы сводится к изучению законов, которые связывают каждый момент с целым (конечное с бесконечным, как говорил Гегель).

Перевернуть *систему* означало бы поэтому заменить такой догматический и теологический идеализм догматическим, и в конечном счете теологическим материализмом, который привнес бы в завершенную систему природы завершенную систему диалектических законов.

Перевернуть *метод* значило пойти гораздо дальше. Маркс порвал с гегелевским догматизмом, перейдя от идеализма к материализму через практику. Уже тот факт, что диалектика прилагается к реальному миру, что этот мир является ее исходной точкой и что она стремится дать отчет о мире, а не навязать ему себя a priori, неизбежно делает эту диалектику «открытой», всегда незавершенной. В незавершенном мире не может быть завершенной философии.

Опрокинуть «клетку гегелевской идеи», как говорил Маркс, было недостаточно. Опрокинуть ее означало бы все же остаться в ней. Материализм позволил выйти из нее, то есть не только опрокинуть, но и сломать ее, чтобы проникнуть в реальный мир, где продолжали рождаться неизвестные прежде реальности (именно в ту эпоху такими реальностями были подъем рабочего движения, борьба рабочего класса: чартизм в Англии, восстание лионских ткачей во Франции, восстание силезских ткачей в Германии), которые не умещались в завершенную всеобщность гегелевской идеи.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 142.

История не завершена. Гегелевскую систему, как таковую, нужно было поэтому сломать и выбросить.

Что же в таком случае оставалось от гегелевского метода? Ведь Гегель поставил его на службу своей системе. Он запер его в ней, запретив выходить за ее пределы.

Диалектика у Гегеля была под властью категории абсолютного.

Для Гегеля единство противоположностей, абсолютная идея не существуют вне их моментов и не могут воздействовать на них в качестве внешней движущей силы. В теологической перестановке, которой Гегель подвергает свою систему, бог, присутствующий в каждый момент, умирает в каждый из них, и эта смерть бога является в то же время вечным бытием бога. Бог умер, и сама эта смерть в каждый момент подтверждает его присутствие и его бытие. Таков центральный образ гегелевской системы [1]. Развитие абсолютной идеи во времени приводит к преодолению каждого момента. Так каждый момент отождествляется с абсолютом и представляет собой его проявление, поскольку выражает необходимую его определенность и в то же время отрицает его, поскольку считает себя самодовлеющим. Это оригинальное соотношение, которое нельзя свести к классической логике, и является диалектикой.

У Гегеля отношения между единством противоположностей и противоречием являются лишь частным случаем этого основного соотношения.

Для конечного бытия единство противоположностей живет в противоречии; или, чтобы избежать языка субъективности: единство противоположностей переходит в противоречие.

Имманентное присутствие бесконечного в каждом конечном бытии является источником его становления, его конца, его преодоления и проявляется как противоречие.

Диалектика является прежде всего логикой отношения. Отношение даже в самой своей элементарной форме — отношение тождества к различию — уже является диалектикой.

Установив это диалектическое единство, эту противоречивую, чувственную, живую всеобщность, в рамках которой тождество и различие являются лишь моментами, абстрактными благодаря внешнему отражению, Гегель как бы водворял мышление в подвижную суть вещей: тождество существует не в вещах, а только в мышлении, которое сопоставляет его с различием и разнообразием; в реальной действительности каждый из этих терминов существует не в отдельности, а только через свою противоположность.

То, что для внешнего отражения, для абстрактного мышления означает всего лишь разность (altérité), является в жи-

[1] См. Roger Garaudy, Dieu est mort.

вой действительности противоречием. Эти два термина, которые на уровне внешней видимости были только неодинаковыми, в то же время состоят между собой в неразрывном соотношении: каждый отражается в другом; каждый исключает другой и в то же время содержит его в себе, и это и есть внутренний источник его движения.

Для Гегеля мир является единством противоположностей и истина есть воспроизведение этого целого. Поэтому всякое реальное соотношение есть противоречие, каждая часть определяется лишь в той самой форме, в какой она является реальной, то есть по отношению к целому. Каждая вещь есть то, что она не есть, ибо все остальное является ее условием, тем, благодаря чему только она становится необходимой.

Эта взаимная обусловленность вещей порождает их «свойства»: вес или цвет иллюстрируют эту идею. Не только невозможно *постичь* абсолютно изолированную вещь, отрезанную от всякого соотношения с чем бы то ни было, но такой вещи не может быть. Всякая вещь, как в природе, так и в мышлении, требует существования другой, чем она, вещи, такой, какой она сама не является, ее противоположности, которая необходимо соотносится с ней.

Диалектика — это логика борьбы противоположностей. Это сложное отношение каждой вещи ко всему, что не есть она, это ее противоречивое отношение к целому, устанавливающее ее пределы, определяется как борьба противоположностей. Вещи, взаимно ограничивая друг друга, устанавливая пределы своего распространения, находятся в отношениях противоположности, иногда даже антагонизма. Каждая законченная реальность, таким образом, помещается или, вернее, оттесняется в свои границы другой реальностью, совокупностью других реальностей, которые мешают ей стать целым. Квантовая физика на современном этапе своего развития дает на уровне самой материи очень яркую иллюстрацию этому аспекту гегелевской диалектики.

Диалектика — это логика движения. В этом мире, наполненном противостоящими друг другу силами, движение является неизбежным следствием универсальной взаимозависимости. Если все зависит друг от друга, то все движется. Гегель доказал, что покой — это абстракция, что нигде не существует абсолютного покоя, существуют только более или менее стабильные равновесия и что поэтому вопрос о том, каким образом существа, находившиеся первоначально в неподвижном состоянии, были приведены в движение, является ложной проблемой. Подлинная проблема в том, как объяснить, исходя из реальности движения, что покой есть видимость.

Только движение реально, в то время как покой — лишь абстракция. Все развитие наук со времени Гегеля, от ядерной

физики до астрофизики, подтвердило эту точку зрения. Если бы глаз мог сжать сотни тысячелетий до нескольких мгновений, горы поднимались бы, как волны, и, как волны, рушились бы. Лишь несовершенство моего зрения мешает мне увидеть за кажущейся неподвижностью моего стола кишение составляющих его атомов.

Гегель, таким образом, устраняет одновременно и механицизм, для которого движение было явлением внешним по отношению к вещам, считавшимся независимыми друг от друга и, стало быть, неподвижными, и деизм, который является его следствием, так как если движение не является имманентным свойством вещей, идентичным с ними понятием, и если покой есть нечто первичное, то поневоле придется прибегнуть к «первоначальному толчку», чтобы привести вселенную в движение.

Диалектика — это логика жизни. Она является движущейся совокупностью внутренних соотношений органического целого в его становлении.

Конечность вещей как раз и есть то движение, которое они несут в себе; это тенденция, родившаяся из противоречия между их конечной природой и несущая их за пределы самих себя, в бесконечность. Как подчеркивал Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля, свойство конечного бытия состоит в том, что оно движется к своему концу [1].

Формальная логика отделяла мышление от вещей.

Логика Гегеля выражала высшее требование разума: сделать всю реальность природы и истории постижимой для разума; дать нам возможность рационального познания бытия.

Раскрыть в нашем разуме смысл вещей, воспроизвести и восстановить в идеальном виде то, что чувственное восприятие представляет нам как совокупность плохо связанных между собой эмпирических и случайных фактов, чтобы осознать их внутреннюю необходимость, — таково стремление всякой науки, которая не ограничивается позитивизмом, и всякой философии, которая не впадает в иррационализм.

Не подлежит сомнению, что если сохранить от гегелевского мышления только закрытую систему, к которой оно приходит, а не живой метод, который одушевляет ее, то противоречие, его универсальное присутствие в природе, в истории, в мышлении приобретет теологический характер.

У Гегеля противоречие и единство противоположностей противостоят друг другу и содержатся друг в друге, как конечное и бесконечное: то, что является единством противоположностей с точки зрения бесконечного, есть противоречие с точки зрения конечного. Конечное бытие воспринимает проти-

[1] В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 98—99 («Конечный? значит, *двигающийся* к концу»).

воречие как единство противоположностей. Или еще: *противоречие* есть центральная категория гегелевского *метода, единство противоположностей* есть центральная категория гегелевской *системы.*

В этом причина столь разнообразного использования гегелевского наследия в зависимости от того, что берется односторонне в качестве важнейшего в диалектике, единство противоположностей или противоречие, и от того, какое определение дается тому и другому, подменяется ли, например, гегелевское мышление «гештальтистской» (от немецкого слова «Gestalt» — образ. — *Прим перев.)* концепцией единства противоположностей или концепцией Кьеркегора о противоречии.

Если бесспорно, что у Гегеля диалектика с ее основными категориями единства противоположностей и противоречия имеет универсальное значение и охватывает всю природу, историю и мышление, то не менее бесспорно, что она выражает у него теологическую концепцию мира. Прежде всего потому, что противоречие является лишь моментом единства противоположностей. Оно есть единство противоположностей в пути, некоторым образом воинствующее, но еще не победоносное, единство противоположностей.

В каждый момент единство противоположностей определяет всякое становление: оно действует с самого начала, наличествует в каждом отдельном объекте как его му́ка: его несовершенство как абсолютного является двигателем развития. Но это несовершенство существует только по отношению к единству противоположностей. Гегель, впрочем, говорит совершенно недвусмысленно: «Проникая в глубь вещей, обнаруживаешь, как в зародыше, все развитие»[1]. Итак, единство противоположностей предшествует моментам становления и обусловливает их; противоречие является лишь разменной монетой единства противоположностей.

Это гегелевское понятие единства противоположностей содержит в себе, таким образом:

1. Существование мира и истории, которые завершают свое развитие.

2. Осознание такого развития, без чего необходимая для абсолютного знания всеобщность не может быть реализована.

При этом двойном условии действительность может стать вполне постижимой для мышления, потому что в своей сущности она идентична разуму.

В своей «Логике» Гегель хочет подвести нас к тому, чтобы стать едиными с совершающимся актом сотворения мира. Этот творческий акт, который присущ всем существам и который мы претворяем в абсолютной идее, подобен возникновению произведения искусства: в художественном творчест-

[1] Гегель, Наука логики.

ве свобода сама создает свою материю и свое содержание, и эта творческая свобода отождествляет себя с внутренней необходимостью создания данного произведения. Религия также дает в мифологическом плане пример диалектического становления: универсальный субъект подобен богу — творцу неба и земли, а становление противоречит его воплощению.

Но эта двойная аналогия — эстетическая и религиозная — лишь средство понять спекулятивный характер гегелевской системы.

Отделим ли диалектический метод от этой идеалистической и спекулятивной системы и ее эстетических и теологических аналогий?

Материалистическое переосмысление гегелевской философии и переход от спекуляции к науке позволили Марксу разработать диалектический метод, который тождествен подлинно научному методу, такому методу, который не ограничивается позитивизмом, то есть лишь поисками постоянных взаимоотношений между явлениями, но отыскивает «внутреннюю и необходимую связь между явлениями» (Маркс).

Само развитие наук заставило прибегнуть к диалектике, чтобы осмыслить природу и историю. Существование диалектики природы и истории вовсе не означает принятия теологического постулата Гегеля об имманентном природе и истории и заранее существовавшем мышлении или его постулата о предшествовавшей природе логике. Говорить о диалектике природы просто означает признать: структура материи такова, что понять ее можно только при помощи диалектического метода.

Диалектика — не априорная схема, которую налагают на вещи и которую навязывают вещам, заставляя их уложиться в это прокрустово ложе. Такую спекулятивную концепцию разделял Гегель, который в соответствии с теологическими постулатами своей системы перевернул реальный порядок вещей: современная ему наука, включая астрономические гипотезы Канта — Лапласа, геологию Хаттона и Лайелла, предвосхищения трансформизма у Дидро и Ламарка, биологический органицизм Гете, пробила брешь в механицизме картезианцев и материалистов XVIII века и дала ему экспериментальную основу для открытия некоторых великих законов диалектики. Гегель кодифицировал и систематизировал эти законы, чудесно обновив тем самым дух науки. Он сделал попытку подвести окончательный итог истории мышления. Он стал жертвой иллюзии, подобной иллюзии Канта: тот, исходя из логики Аристотеля, геометрии Евклида и физики Ньютона, попытался раз и навсегда установить *априорные* формы чувственности и мыслительной способности. Гегель тоже принял новую стадию научного понимания мира за извечную структуру природы, истории и мышления.

То, что Маркс материалистически «перевернул» философию Гегеля, представляло собой, в сущности, осознание того факта, что Гегель, после Канта, переставил реальный порядок вещей и что поэтому диалектику надо было «поставить с головы на ноги». Особенность материализма Маркса в отличие от идеализма и спекуляции заключается в том, что Маркс отказался от тщеславного стремления сообразовать вещи с нашими понятиями, а, напротив, задался скромной целью сообразовать наши понятия с вещами. А это означало прежде всего признание того, что ни одно понятие не является вечным и окончательным, что философии нельзя придать форму завершенной системы, что список категорий диалектики не может быть законченным списком.

Диалектический метод в его материалистической, то есть открытой, интерпретации ломает, таким образом, догматическую систему.

Вся история наук показывает, что под воздействием опыта и практики наши всегда слишком скудные понятия непрерывно изменяются.

Ниспровержение гегелевского и всякого иного идеализма, превращение спекулятивной и догматической диалектики в метод экспериментальных исследований и открытий требуют, стало быть, инверсии перспективы, выдвигающей на первый план не единство противоположностей, а противоречие. У Гегеля единство противоположностей ограничивает самое себя, и это рождает противоречие. Для Маркса, напротив, новые единства противоположностей возникают из развития противоречий, из перехода отрицания в отрицание отрицания: не абсолютное первично и ограничивает самое себя, а частное, которое неизбежно преодолевает себя, потому что оно не несет в себе условий своего существования. Диалектика есть одновременно и эта ограниченность бытия, и этот призыв мышления.

Для Гегеля противоречие — момент единства противоположностей.

Для Маркса единство противоположностей — момент противоречия.

Поэтому неверно, что диалектика является своего рода антропоморфическим отображением на природе моделей, пригодных только в рамках истории человечества, познания, «практики».

Материальное есть не только отрицание, предел, сопротивление по отношению к акту человеческого разума или человеческой практики.

Потому что это отрицание не является случайным, анонимным, абстрактным, всегда идентичным самому себе.

«В себе» говорит *«нет»* в ответ на такую гипотезу. А иногда и *«да»*. Этот отрицательный ответ носит практический ха-

рактер. Это своего рода податливость: природа повинуется, позволяет управлять собой. Действуя согласно этой гипотезе, я получаю власть над ней. Правда, эти гипотезы разрушаются, и ни одна из них не может поэтому претендовать на раскрытие до конца структуры бытия. Но каждая умершая гипотеза завещает нам новую власть над природой, потому что она жила. Эта власть переживает ее; новая гипотеза наследует ее у той, которую она заменила. В результате власть накапливается и мои сегодняшние действия, использующие эту накопленную власть, чтобы управлять природой, намечают по меньшей мере набросок ее структуры, которую мы узнаем все лучше и лучше.

Мы не можем довольствоваться лишь подтверждением голого существования этой первозданной природы. Если она проявляется как сопротивление, как предел, но также как податливость, это позволяет предполагать, что у нее есть структура и что познание с помощью гипотез, опытов, ошибок моделирует контуры ее на вещах, с движением и ритмом которых она так или иначе согласуется.

Являются ли это движение и этот ритм диалектическими? Ответ может дать только история наук. Факт тот, что требования объекта сломали и сделали неприменимыми схемы механики и древней логики. Естественные науки, от физики до биологии, оказывают на наше привычное мышление непрерывно растущее воздействие, вплоть до того, что на определенном уровне оно заставляет нас отказаться от традиционной логики.

Оно, это воздействие, уже заставило исследователей прибегать к иным моделям, чем те, что повинуются законам традиционной логики и принципам механики.

Но если какая-либо гипотеза структуры подтверждается, если она оказывается действенной, если она позволяет нам постигнуть вещи, то как можно допустить, что не существует никакого реального отношения между этой умозрительной структурой и «в себе»?

Как диалектическая мысль позволила бы нам постигнуть бытие, которое вовсе не было бы таковым?

Вот почему сам Маркс пришел к мысли о существовании в самой природе диалектических отношений. Когда он, например, анализирует производство прибавочной стоимости и зарождение капиталистических отношений, он указывает: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»[1]. В примечании к этому месту он

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 318.

ссылается на явления в области химии. Это сравнение не было случайным, потому что в период, когда Энгельс изучал на различных науках диалектику природы, Маркс, внимательно следивший за этой его работой и одобрявший ее (о чем, в частности, свидетельствуют его письма 1873—1874 гг.), настаивал на диалектическом характере явлений природы и истории. Он писал Энгельсу: «Из заключительной части моей III главы [первого тома «Капитала»], где указывается на превращение ремесленника-мастера в капиталиста в результате чисто *количественных* изменений, ты увидишь, что я там в *тексте* привожу открытый Гегелем *закон превращения чисто количественного изменения в качественное,* как закон, имеющий силу в истории и в естествознании» [1].

Означает ли такое признание диалектики природы произвольную экстраполяцию и недооценку специфичности ее уровней и планов? Ни в коем случае. Хотя законы природы и законы нашего мышления относятся к одной и той же вселенной, не следует представлять себе первые в качестве овеществленного отражения вторых. Это было бы теологической или по меньшей мере гегелевской концепцией, полагающей существование — в природе — из абсолютного духа.

Утверждать, что существует диалектика природы, еще не значит утверждать, что мы заранее и непременно знаем основные законы развития природы. Это, напротив, означает, что под воздействием неоспоримых научных открытий мы расцениваем аристотелеву логику и принципы механики лишь как частный случай в рамках диалектического мышления, значительно более широкого и учитывающего новые аспекты природы, открытые различными науками.

Не существует завершенного, законченного, окончательного списка законов диалектики. Известные сегодня законы являются временным итогом наших знаний; только общественная практика и научные исследования позволяют обогащать их.

Утверждать, что существует диалектика природы, значит утверждать, что структура и движение реального мира таковы, что только диалектическое мышление позволяет нам понимать явления и управлять ими.

Вот почему диалектика природы, если не толковать ее вопреки Марксу в мистическом духе, не только не угрожает свободе людей, а, напротив, является орудием их освобождения.

---

[1] К. Маркс, Письмо Энгельсу, 22 июня 1867 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 260.

ДИАЛЕКТИКА И СВОБОДА

Свобода — это преодоление отчуждения.

Диалектика природы не довлеет над человеческой свободой как некая судьба: человеческая свобода не обязательно должна протекать по руслу, заранее проложенному природой.

Признание законов диалектики, существующих вне человека и его истории, не превращает человеческую историю в придаток к более обширной истории — истории природы.

Природа имеет историю. Человек — тоже. Тот факт, что каждая наука стремится стать исторической и открывает законы развития, тот факт, что существует историческое единство знаний, ни в коей мере не исключают неприводимости изучаемых секторов к одному знаменателю, не исключают специфичности уровней. Специфические формы движения проявляются на каждом уровне развития материи, и диалектика приобретает в связи с этим специфическую форму.

Существует одновременно и неразрывная связь, и разрыв между природой и человеком.

Если признается только неразрывная связь, значит, мы имеем дело с механистическим материализмом.

Если признается только разрыв, значит, перед нами спиритуализм.

Для Маркса существуют и неразрывная связь, и разрыв. Человек — это часть природы. Но история человечества подчинена специфическим законам. Приведем лишь один пример: отчуждение и его преодоление существуют и мыслимы лишь на уровне становления человека.

Человека нельзя сократить до совокупности условий его существования. Его нельзя вычесть как механическое производное из этой совокупности.

Исторический материализм не допускает ни такого сокращения, ни вычитания.

Сведение высшего к низшему было только одной из особенностей механистического материализма. Особенность диалектики и основанного на ней материализма в том, что они учат нас именно тому, что совокупность отлична от суммы составляющих ее элементов. Это верно на любом уровне.

Главную мысль, что именно люди творят свою собственную историю, но творят ее в конкретной среде, которая ставит их в определенные условия, нельзя смешивать — и на

этом в конце своей жизни настаивал еще Энгельс — с мыслью, что в истории существуют лишь эпифеномены (сопутствующие, побочные явления) экономики, будто вся она есть некое «автоматическое действие экономического положения» [1]. Эта концепция характерна для вульгарного, механистического материализма — антипода диалектики.

Внутренняя необходимость может проявляться только через бесчисленное множество случайностей, которые в истории являются единственной формой существования необходимости. «История, — писал Маркс, — носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли» [2].

Маркс продолжил, таким образом, традицию великого немецкого гуманизма, который основывал реальные возможности человека и его свободу на познании необходимости. Гете, вдохновляясь «хитростью разума» Гегеля, выразил это наиболее ярко: «Наш мир соткан из необходимости и случайностей. Разум человека становится между тем и другим и умеет над ними торжествовать. Он признает необходимость основой своего бытия; случайности же он умеет отклонять, направлять и использовать. И человек заслуживает титула земного бога лишь тогда, когда разум его стоит крепко и незыблемо» [3].

По Марксу, необходимость в истории человечества носит две основные формы: внешней необходимости, выражающей отчуждение, и внутренней необходимости, в которой выражается борьба за преодоление отчуждения.

В отчужденном мире, где по большей части господствует внешняя необходимость, человек имеет тенденцию стать лишь звеном в сцеплении вещей и событий. Человеческая история, как писал Маркс, имеет тенденцию уподобиться естественной истории.

Этот вид необходимости командует, например, развитием капитализма — строя, при котором люди по причине отчуждений, вытекающих из частной собственности на средства производства, низводятся на положение вещей и человек является *объектом* истории.

Напротив, когда Маркс говорит о *необходимом* наступлении эпохи социализма, это — необходимость более глубокая: речь уже идет не о *внешней* необходимости развития системы, в которой человек, низведенный до положения вещи, отсутствует, а о *внутренней* необходимости, когда человек является одной из данных проблемы: победа социализма не придет сама собой, как некая необходимость вещей, словно рабочий

---

[1] Ф. Энгельс, Письмо Г. Штаркенбургу, 25 января 1894 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XXIX, стр. 283—285.

[2] К. Маркс, Письмо Л. Кугельману, 12 апреля 1871 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 175.

[3] Гете, Годы учения Вильгельма Мейстера; Собр. соч., т. VII, стр. 81.

класс толкает на борьбу только сила инерции механизмов капитала. Такой механический детерминизм всегда приводил к реформизму, к идее постепенного и автоматического врастания социализма в капитализм.

Диалектическая необходимость революционного отрицания является полным противоречием механической необходимости. Последняя действует без меня, первая требует моего участия. Одна учит пассивности и покорности, другая вселяет дух энергии и исторической инициативы.

Собственно внешняя необходимость намечает определенный круг возможностей; она категорически исключает некоторые возможности: так, например, исключен возврат от капитализма к феодальному строю и даже возврат от монополистического к либеральному капитализму. Но она не навязывает никакого определенного выбора: утверждать, что на данном этапе капитализма приход социализма является *необходимым,* вовсе не означает, что он будет установлен независимо от того, что́ мы будем делать. Это означает, что противоречия капитала носят такой характер, что их можно разрешить только путем отмены капиталистической собственности на средства производства и перехода к социализму. Но если мы не осознаем эту необходимость или если мы уклонимся от выполнения задач, которые на нас возлагает эта необходимость, или даже если мы, осознав эту необходимость и взявшись за выполнение связанных с ней задач, станем допускать многочисленные стратегические и тактические ошибки, то противоречие может остаться неразрешенным, и это приведет к «загниванию» истории, отмечаемому конвульсиями и катастрофами — кризисами, войнами и т. д., — неизбежно проистекающими из этого неразрешенного противоречия.

Как происходит переход от внешней необходимости к внутренней? При первой полностью отчужденный человек приравнивается к вещи или к животному; при второй история подчинена вполне сознательной конечной цели людей. Это два крайних, чисто идеальных случая. В действительности между этими двумя крайностями существуют многочисленные степени свободы, эффективного вмешательства человека в историческое развитие — начиная с описанных Марксом джунглей, где человеческие замыслы взаимно уничтожаются, аннулируются и где возникает механическая равнодействующая сила, которой никто не хотел, и кончая бесклассовым обществом, развивающимся по продуманному плану благодаря дружным усилиям всех людей.

При переходе от одной формы необходимости к другой возрастает роль субъективного фактора, роль сознания. Человек, прежде *объект* истории, становится *субъектом* истории.

Как, например, этот переход происходит в сознании рабочего класса?

Необходимость, толкающая рабочего на борьбу против капиталистического строя, — это не внешняя необходимость: он не воспринимает ее пассивно, как толчок самой истории. Это не необходимость животного инстинкта и не «стихийность»: стихийность есть не что иное, как регистрация внешних необходимостей, пассивное отражение объективного положения, существующего в данный момент. Приняв господствующие идеи, то есть, как это отметил Маркс, идеи господствующего класса, трудящийся может добиться для себя тех или иных непосредственных выгод, просто приспосабливаясь к существующему социальному строю: он может стать шпиком хозяина, или попытаться «основать свое дело», чтобы бежать из своей среды, или заняться классовым сотрудничеством, а то и попросту смириться со своим положением, как с роковой необходимостью или велением бога. Приспособление, бегство, сотрудничество, смирение — вот сколько существует вариантов принятия непосредственных видимостей строя и его идеологических оправданий.

Но это сознание может также реагировать на существующее положение не пассивным приспособлением, а мятежом. Такая реакция тоже имеет разные степени своего проявления. В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс описал ее этапы, начиная с индивидуальных покушений и преступлений, вроде разрушения машин, и вплоть до согласованной борьбы путем проведения стачек и организации профсоюзов. Перемены в положении трудящихся играют большую роль в переходе от слепых мятежей к организованным формам классовой борьбы. Рост концентрации промышленности создает особенно благоприятные объективные условия для сознательных солидарных действий рабочих. Но если рабочие, приобретя опыт прямых отношений с хозяевами, на этом и остановятся, они не смогут подняться выше определенного уровня сознания: уровня экономической борьбы и создания профсоюзов.

Чтобы перейти к подлинной революционной борьбе, то есть к борьбе, целью которой является не добиться лучших условий продажи рабочей силы, а установить строй, при котором рабочая сила перестанет продаваться как товар, — надо подняться до высшей ступени сознания, то есть выйти из сферы отношений борьбы между рабочими и хозяевами, и осознать, подобно Марксу в «Коммунистическом манифесте», весь процесс исторического развития, которое придает другой, более высокий смысл современной борьбе рабочего класса, делает этот класс наследником и продолжателем всех этапов борьбы человека начиная с самой давней его истории и которое открывает перспективу создания общества без классов и без отчуждения.

Донести это сознание до рабочего класса является, как это мы увидим далее, при изучении политики Маркса, задачей

партии рабочего класса — важнейшего орудия его освобождения. В партии слияние рабочего движения с научным социализмом, то есть осознание смысла всего процесса исторического развития рабочим классом, как единственной реальной силой, способной выкорчевать вместе с частной собственностью на средства производства и всеобщее отчуждение человека при капитализме, представляет собой решающий этап в завоевании свободы.

Этап превращения класса «в себе» в класс «для себя»[1] похож на переход у Спинозы от сознания «первого вида» к сознанию «третьего вида», которое одно только открывает доступ к свободе.

Классовое сознание является обязательным условием завоевания свободы.

Для Маркса, как и для Гегеля, свобода — это преодоление отчуждения. Но если у Гегеля и у Фейербаха это преодоление происходило только в сознании, то у Маркса оно требует реального преобразования мира, а не только нашего представления о нем.

Как мы видели, у Маркса отчуждение — это не только раздвоение человека, но и социальная действительность, действительность классов и их антагонизма.

Для Маркса проблема свободы является, следовательно, не только индивидуальной, но исторической и социальной проблемой, классовой проблемой. Таким образом, эта проблема оказывается в тесной связи с революционными задачами пролетариата.

Маркс в «Немецкой идеологии» показал, что до сих пор индивидуальная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу.

Любая концепция свободы отражает положение того класса, который ее провозглашает: каждый господствующий класс называет свободой сохранение своих классовых привилегий. «В Англию приезжает янки, наталкивается там в лице мирового судьи на препятствие, мешающее ему отстегать своего раба, и возмущенно восклицает: — И вы называете свободной страну, где человек не может высечь своего негра?»[2]

Для буржуазии свобода заключается в сохранении строя «свободного предпринимательства», для пролетариата свобода означает разрушение этого строя.

Еще Монтескье очень хорошо понял классовый смысл понятия свободы и обманчивость абстракции: «В политике слово свобода по большей части не имеет того смысла, который ему придают ораторы и поэты. Это слово выражает, собствен-

[1] См. по этому вопросу: Maurice Bouvier et Gilbert Mury, Les classes sociales en France, livre IV, t. II, Paris, 1963, chap. III.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 197.

но, только отношение и не годится для того, чтобы отличать друг от друга различные виды правительств, ибо народное государство означает свободу для людей бедных и слабых и порабощение для людей богатых и могущественных, а монархия означает свободу для людей больших и порабощение для малых... Поэтому, когда во время гражданской войны говорят о борьбе за свободу, то это неверно: народ сражается в ней за подчинение себе грандов, а гранды сражаются за подчинение себе народа»[1].

Каждый класс приравнивает свободу к защите своих классовых интересов. И, поскольку, в результате концентрации капитала и системы монополий, привилегии капитала становятся достоянием все сокращающегося меньшинства, упразднение этих привилегий дает свободу подавляющему большинству.

Путь к свободе проходит через диктатуру пролетариата.

Коммунизм тождествен воцарению подлинной свободы.

Он есть конец отчуждений и порождаемых ими иллюзий.

Буржуазным иллюзиям о свободе свойственно отождествлять свободу со случайностью и с иррациональностью. Это связано с самой природой капиталистического строя. «В конкуренции сама личность есть случайность, а случайность есть личность»[2].

Законом буржуазного общества является анархия — индивидуалистический закон джунглей, то есть закон, помогающий порабощать и подавлять неимущего, для которого «демократические» иллюзии представляют собой алиби его фактического порабощения. Маркс [и Энгельс] упоминали «человека... уже не связанного с другим человеком хотя бы *видимостью* общих уз... всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума... Все *гражданское общество* есть эта война отделенных друг от друга уже только своей *индивидуальностью* индивидуумов друг против друга... Противоположность *демократического представительного государства* и *гражданского общества* есть завершение *классической* противоположности публичноправового *союза* и *рабства*. В современном мире каждый человек *одновременно* — член рабского строя и публичноправового союза. Именно *рабство гражданского общества* по своей *видимости* есть величайшая *свобода,* потому что оно кажется завершенной формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное движение [своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д.] за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот,

---

[1] Montesquieu, Cahiers, Paris, 1942, pp. 100—101.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 373.

представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности»[1].

То, что видит индивид, является лишь внешней видимостью юридического права, в то время как реальное использование привилегий происходит, так сказать, за его спиной.

Маркс приводит много конкретных примеров этого. Во-первых, пример капиталистического рынка. Он писал: «В действительности эта сфера [сфера обращения] есть сфера конкуренции, в которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства»[2]. Каждый продавец и каждый покупатель считают себя свободными, но все они, безотчетно для них самих, порабощены законом стоимости. А что получается, когда продавец — это продавец собственной рабочей силы? Ему может казаться, что он свободен: он не принадлежит, как раб, определенному хозяину и не прикреплен, как крепостной, к земле. Он «волен» продавать себя кому пожелает, но он вынужден продать себя кому-нибудь, и, если на его «товар» не найдется покупателя, он вместе со своей семьей свободен также умереть с голоду в силу железной необходимости этого странного режима свободы.

Все, что является выражением силы и богатства, накопленных предшествующими поколениями, приняло в условиях режима отчуждения форму вещей или институтов, оторванных от человека и господствующих над ним, начиная с денег и кончая государством.

Особенность бесклассового коммунистического общества состоит в том, что оно кладет конец этому противопоставлению индивида обществу, что оно возвращает в отдельного человека общественные силы, которые до этого были внешними, отчужденными, что оно возвращает индивиду все внутренние силы общества.

По Марксу, свобода не заключается в индивидуализме, в отказе, в отрицании, в непрочном и всегда находящемся под угрозой отделении от общества. Отдельный человек свободен, если в нем обитает все человечество, все его прошлое, олицетворяемое культурой, вся современная действительность, олицетворяемая всемирным сотрудничеством.

Невозможно поэтому завоевать свободу в одиночку. Не может быть свободного человека в порабощенном народе.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 129—130.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 395—396.

В этом постоянный урок материализма. Еще Гельвеций говорил по этому поводу: «Мораль — лишь пустая наука, если не соединять ее с политикой и законодательством».

Всякая концепция свободы, претендующая стать действенной только путем ее собственного внедрения в умы людей, но не затрагивающая конкретных условий отчуждения, может породить лишь иллюзии. Маркс приводит в пример христианство и раздвоение человека, которое лежит в основе традиционного христианского воспитания, превращающего в мораль это раздвоение, свойственное режимам отчуждения: «Христианство только потому хотело нас освободить от господства плоти... что смотрело на нашу плоть, на наши влечения, как на нечто чуждое нам; оно только потому хотело устранить нашу обусловленность природой, что нашу собственную природу оно считало не принадлежащей нам. В самом деле, раз я сам не являюсь природой... то всякая обусловленность природой... покажется мне обусловленностью, чем-то чуждым... *гетерономией, в противоположность автономии духа*» [1].

Вот почему Маркс писал: «Христианский идеал свободы, то есть иллюзия свободы» [2].

Это применимо не только к христианству, но к любой концепции свободы, не связанной с историей, с ее борьбой и претендующей на то, чтобы даровать человеку свободу, не обеспечивая всем людям господства над природой и над своими общественными отношениями.

Свобода, говорил Маркс, равносильна реальной силе [3].

Социализм — это пришествие такого строя, который разрушает все материальные препятствия, в особенности препятствия экономические и социальные, мешающие интеграции всего человечества в каждом человеке. Свобода без лжи — это возможность для каждого человека, для всех людей приобщиться ко всей человеческой культуре, в полной мере участвовать в общем, планомерно организованном труде людей и в использовании создаваемых трудом богатства и силы, чтобы на этой основе развивать все свои творческие возможности, без каких-либо ограничений, в полную меру своей одаренности или таланта. Свобода, «всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал... когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивида действительное развитие его задатков, будет взято под контроль самих индивидов, как этого хотят коммунисты» [4].

В «Капитале» Маркс следующими словами определяет

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 244.

[2] Там же, стр. 296.

[3] Там же, стр. 298.

[4] Там же, стр. 282.

экономический и общественный базис этого конкретного гуманизма: коммунизм — это «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно... расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» [1].

Означает ли это, что создание такого бесклассового коммунистического общества будет концом истории? Ни в коем случае. Конец капитализма будет лишь концом «животной» предыстории гуманистического человека.

«Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [2].

Коммунизм — это начало подлинно человеческой истории, истории, содержанием которой перестанут быть кровавые схватки зверей из джунглей, классовая борьба и войны. «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества» [3].

В этом обществе нужда уже не будет движущей силой всего. «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы,

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 88.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии. Предисловие; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7—8.

[3] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 275.

которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»[1].

Маркс добавляет, что «сокращение рабочего дня — основное условие» такого расцвета, потому что «мерой богатства будет уже не рабочее время, а свободное время»[2].

Однако могут сказать, что живая душа диалектики заключается в противоречии, которое одно лишь «толкает вперед». Что же станет с историей, когда классовая борьба перестанет быть ее двигателем?

Противоречия не исчезнут. Но это уже не будут антагонистические противоречия между людьми.

Тогда полностью расцветет бескрайняя диалектика свободы.

Будет прежде всего продолжаться непрерывное завоевание человеком природы. На безграничной стройке тройной бесконечности — бесконечно малого, большого и сложного — перед человеком откроется перспектива нескончаемой борьбы: в области микрофизики и разложения материи, в области неизведанных и все более сложных химических синтезов, таких, как синтез хлорофилла или жизни. Подчинять себе стихию, изменять климат, приобрести в биологии еще большую власть, нежели та, какую физика нашего века завоевала над неживой материей, и, опираясь на эти исследования и научные открытия, стать обладателями неограниченной силы; для робких умов, которые спотыкаются о смертный предел индивида и рода, которые боятся, например, термической гибели вселенной, первые шаги человека в космосе открывают перспективу космических переселений. И если сила взрыва атома делает сегодня возможным уничтожение жизни на Земле, то разве широкое применение ядерного расщепления и использование всей внутренней энергии материи не позволят объединенному человечеству сконцентрировать энергию так, что станет возможным изменять орбиту Земли, так же как люди уже теперь изменяют орбиты искусственных спутников?

Затем, преодолев насильственную диалектику нашей истории, или, вернее, нашей предыстории, бесклассовое коммунистическое общество впервые создаст подлинные условия для диалектики диалога, той диалектики критики и самокритики, о которой мечтали еще Сократ и Платон, того направленного на открытие истины специфически человеческого сотрудничества умов, обогащенных всей предшествующей культурой, при котором уже никакая ложь фальшивых «демократий» классовых режимов не будет извращать безупречную взаим-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 386—387.

[2] К. Маркс, Неопубликованная рукопись; «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 64.

ность сознаний и равноправное, свободное сопоставление глубоко индивидуализированных в силу их высокой социализации мыслей.

Наконец, такое созидание будет носить характер созидания эстетического, то есть прежде всего созидания, не диктуемого какой-либо другой потребностью, кроме специфической потребности человека созидать и созидать самого себя. Но могут спросить: если базис общества перестанет изменяться, то как смогут развиваться на основании положений исторического материализма надстройки и, в особенности, творения разума? Излагая вкратце в «Капитале» основную мысль исторического материализма, Маркс писал:

«Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [1].

Из двух составных частей, на которые делится базис всякого общества, первая — производительные силы — станет более мобильной, чем когда-либо, и общественные отношения непременно будут изменяться в зависимости от их развития, не делаясь по этой причине снова антагонистическими и не порождая идеологий для оправдания своей противоречивости. Кроме того, Маркс, как мы уже видели, никогда не устанавливал прямолинейной и механической причинной связи между базисом и надстройкой. Напротив, он признавал за последней относительную самостоятельность и специфическую действенность: искусство, музыка, живопись, поэзия не являются ни результатом, ни пассивным отражением базиса, на котором они возникли; они активно содействуют созданию нового облика человечества. Конечно, это созидание не будет больше вдохновляться тревогой. Люди вспомнят, что Данте написал и «Рай» и что его поэма вдохновила Боттичелли на его картину «Весна», изображающую танцы. Почему человек должен творить только под давлением нужды и тревоги, если сами христиане придумали бога, сотворение которым мира было не необходимой эманацией, а бескорыстным даром любви? Марксистский материализм, верный своему изначальному фихтевскому и фаустовскому духу, создает мир богов, не знающих скуки, чьи творения кладут начало диалектике, открывающей путь в бесконечное.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 383, подстрочное прим. 89.

МАРКС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

«Капитал» Маркса имеет подзаголовок: «Критика политической экономии». Его «критика» отлична от кантовской, но, как и она, представляет собой настоящую «коперниковскую революцию» в политической экономии. Эта революция столь же глубока, что и та, которую Маркс произвел в философии, и он применил в ней тот же метод.

Марксистская критика в политической экономии имеет, как и в философии, то общее с критикой Канта, что она затрагивает самые основные принципы познания, что она размышляет о «явлениях», т. е. видимостях вещей, с целью определить их природу и объяснить их генезис, что она выявляет важнейшую роль деятельности человека, его «практики».

Она отлична от кантовской критики прежде всего потому, что Маркс, соединив вместе все открытия Гегеля, сделанные им в «Феноменологии духа» и в «Логике», как и Гегель, осознал, что невозможно отделять метод от содержания и критиковать познание прежде всякого познания, так как это было бы равносильно желанию научиться плавать, не залезая в воду. Формальные условия познания нельзя изолировать от материи и от развития познания. Деятельность человека, историческую и общественную практику тем более нельзя отделить от их продуктов и институтов. Как и Гегель в своих «Феноменологии» и «Логике», Маркс создал то, что сегодня назвали бы «моделью», позволяющей понять явления, их внутреннюю структуру, их генезис, закон их развития. Но в отличие от Гегеля Маркс не смешивал это познавательное «воспроизведение» конкретного с сотворением мира духом.

Чтобы извлечь из «Капитала» Маркса живые и неизменно актуальные уроки, нельзя удовлетвориться только кратким его изложением. В нем нужно выявить метод, закон развития, основные открытия и тезисы, позволяющие и сегодня благодаря Марксу поднимать политическую экономию на уровень подлинной науки, способной дать синтетическую картину современных экономических структур, законов их развития и перспектив, открывающихся перед каждой из них.

МЕТОД МАРКСА В «КАПИТАЛЕ»

Если Маркс не оставил «*Логики*»... то он оставил *логику* «Капитала»...

(В. И. Ленин [1])

Задача каждой науки в том, чтобы за кажущимся, видимым движением явлений различить их действительное внутреннее движение. Политическая экономия лишь тогда становится настоящей наукой, когда ей удается таким же образом проникать в суть явлений. Маркс очень точно определил значение этой коперниковской революции, когда писал относительно конкуренции: «Научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное... движение» [2].

Маркс поставил своей целью сделать политическую экономию настоящей наукой, то есть в противовес «вульгарной политической экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений» [3] познать действительную и глубокую совокупность производственных отношений в буржуазном обществе.

Для вульгарной политической экономии было характерно то, что она, по примеру эмпириков, ограничивалась регистрацией фактов в том виде, в каком они предстают в свете непосредственного опыта, и установлением отношений между ними. Так же поступали астрономы до Коперника: они отмечали видимое движение светил, вследствие чего им действительно казалось, что Солнце и звезды вращаются вокруг Земли, и наносили множество «эпициклов» на шар Птолемея.

Экономист, ограничивающийся тем, что вычерчивает кривые цен, отмечает изменения конъюнктуры и описывает механизмы происходящего, остается в плену у видимостей, даже если он использует самые совершенные математические приемы и самые современные методы эконометрии.

Позитивистский отказ переступить грань видимостей при-

[1] Философские тетради. План диалектики (логики) Гегеля; см. В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 29, стр. 201.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 326—327.

[3] Там же, стр. 549.

обретает в политической экономии классовый смысл, ибо «видимости» являются здесь отражением той классовой точки зрения, с которой их наблюдают.

«*Характер представлений* филистера и вульгарного экономиста... основывается... именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*» [1].

Вообще говоря, классовая точка зрения буржуа ведет его к тому, что он следит лишь за перипетиями обращения своего капитала. Но в области *обращения* капитала все в одинаковой степени является товаром, в то время как в области *производства* все является созданием стоимостей. В первом случае политическая экономия имеет дело только с «вещами» и их отношениями; во втором она раскрывает в человеческих отношениях самое происхождение явлений, продуктов, институтов и вещей. В том, что Маркс перешел с первой точки зрения на вторую и, исходя из этого, дал отчет о самих явлениях, как раз и заключалась великая инверсия, которую он совершил, ибо тем самым он и политическую экономию «поставил с головы на ноги» так же, как раньше он это сделал с философией. «Капитал — это не вещь, а определенное... производственное отношение» [2].

Чтобы лучше понять характер и значение этого «переворота», будем, подобно вульгарному экономисту и подобно капиталисту (чьи иллюзии вульгарный экономист принимает в своих исследованиях за фактические «данные» и отправные точки), исходить из непосредственной видимости.

В бухгалтерских книгах капиталистического предприятия все расходы, как и все доходы, сводятся к общему знаменателю: так, например, расходы на закупку сырья или машин *качественно* не отличаются от расходов на оплату рабочей силы. В обоих случаях речь идет об определенном количестве вложенного капитала. «При видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом» [3].

Отсюда и возникают основные иллюзии, порождаемые капиталистическим строем и закрепляемые буржуазной политической экономией. Капиталист извлекает свою прибыль соответственно общей сумме вложенного капитала. Повседневный опыт учит его, что эта прибыль рождается на рынке, в сфере обращения, что она является результатом выгодной продажи, что размер ее зависит от спроса и предложения и т. д. «То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой

---

[1] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 27 июня 1867 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 266.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 380.

[3] Там же, т. 25, ч. I, стр. 44.

капитала: то, чего товар действительно стоит, — затратой труда... Издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно дает о себе знать в действительном воспроизводстве товаров, так как из своей товарной формы эта часть посредством процесса обращения снова и снова должна превращаться обратно в форму производительного капитала»[1].

Как происходит этот процесс? Как создается оптическая иллюзия, вследствие которой, как почти во всех науках, «вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде»[2]?

При капиталистическом строе непосредственный опыт показывает, что капиталы равной величины, использующие равные количества живого труда, приносят равную прибыль. Такова *видимость*. Но из теории стоимости, которую разработали уже Адам Смит и Рикардо и которую Маркс воспринял и развил, следует, что только капиталы, использующие одинаковое количество живого труда, должны приносить одинаковое количество прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли. Такова *сущность*.

Но эта сущность выражается в формах явлений, которые противоречат ей.

«Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу. Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на *внешней видимости* явлений... Вульгарная политическая экономия... здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления»[3].

Это правильно и в отношении большинства экономических реальностей: прибавочная стоимость как таковая не предстает в качестве непосредственной *видимости,* а только в своих феноменальных формах: в виде промышленной или торговой прибыли, процентов на капитал, дивидендов и т. д.

Стоимость также предстает не непосредственно, а в видимой форме цен. В этом случае также следует исходить из сущности, чтобы объяснить себе видимости, которые скрывают ее или даже противоречат ей: «Обмен или продажа то-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 30—33.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 547.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 316.

варов по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон»[1].

Каков бы ни был рассматриваемый пример, для Маркса переход от видимостей к сущностной действительности означает в политической экономии переход от явлений обращения, видимых на поверхности, в сферу создания богатств, которая объясняет их подлинную природу, генезис и развитие.

Маркс неоднократно подчеркивал, что стремится раскрыть «нутро» явлений: «Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»[2].

Он указывал на необходимость начинать с самой сути вещей, прежде чем подниматься на поверхность, включая один за другим чувственно-наглядные элементы: «Мы не останавливаемся на том, каким образом эти взаимосвязи, благодаря мировому рынку, его конъюнктуре, движению рыночных цен, кредиту, циклам промышленности и торговли, смене фаз процветания и кризиса, *представляются* агентам производства... Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и потому, что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе»[3].

В отличие от вульгарных экономистов, вроде Жана Батиста Сэя или Бастиа, которые принимали за неопровержимые и вечные данные свойственные капиталистам иллюзии и, исходя из них, создавали апологетические системы, Маркс поднялся к самым истокам буржуазной политической экономии, к великим английским классикам, которые впервые попытались преодолеть видимость явлений и раскрыть в производстве секрет этих видимостей.

Английская политическая экономия, начиная с Уильяма Петти, считала, что сущностью богатства является *труд*. Франклин сформулировал то, что Маркс назвал «основным законом современной политической экономии», следующим образом: «Поскольку торговля обычно бывает не чем иным, как обменом труда на труд, стоимость вещей наиболее точно определяется трудом». Конечно, речь идет о труде в той фор-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 205.

[2] Там же, стр. 29.

[3] Там же, т. 25, ч. II, стр. 399. [Курсив Р. Гароди.]

ме, в какой он выражается при капиталистическом строе, то есть о труде, производящем товары, труде, цель которого в том, чтобы отчуждать свой продукт на свободном рынке.

Адам Смит сформулировал этот закон в его самой общей форме: «Труд является реальным мерилом меновой стоимости всех благ» [1].

Адам Смит рассматривал все общество по модели капиталистического предприятия его эпохи: как большую мануфактуру, в которой задания распределяются между людьми с целью увеличить производительность труда.

Рикардо исходил из такого же представления об обществе как совокупности труда. Уже в первой главе своей книги «Начала политической экономии и податного обложения» он провозглашал: «Стоимость товара или количество другого товара, на которое его обменивают, зависят от относительного количества труда, необходимого для его изготовления, а не от более или менее высокой заработной платы, выплачиваемой за этот труд».

Рикардо подчеркивал, таким образом, общественный характер труда и производства, он формулировал закон трудовой стоимости и отмечал разрыв между фактически выплачиваемой заработной платой и количеством труда, то есть признавал существование прибавочной стоимости.

Правда, Рикардо лишь констатировал, что существует разрыв между количеством затраченного рабочим труда и выплаченной ему заработной платой, но не объяснял это явление. Он не ответил на вопрос: почему наемный труд не оплачивается, как остальные товары, по своей стоимости? Маркс объяснил, почему Рикардо не смог дать такого ответа: «Вопрос, так поставленный, по самой сути своей неразрешим... по той причине, что здесь *труд,* как таковой, противопоставляется *товару,* определенное количество непосредственного труда, как такового, противопоставляется определенному количеству овеществленного труда» [2]. Действительно, не существует общего мерила для живого, созидательного труда и для труда, реализуемого в форме продукта, вещи. Маркс показал, что закон стоимости применяется не к труду, а к стоимости рабочей силы рабочего (то есть к стоимости всех средств, необходимых для его существования).

Тем не менее концепция общества в том виде, в каком ее формулировал Рикардо, уже казалась опасной его современникам: ведь если общество состоит только из людей, кооперирующихся в труде и обменивающих продукты своего труда,

---

[1] Adam Smith, Wealth of Nations [Адам Смит, Богатство народов], t. I, p. 33.

[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. II, стр. 440.

то в нем, стало быть, каждого индивида или каждую группу людей, захватывающих часть общей продукции не по праву труда, надо считать зловредными паразитами; эта теория, служившая боевым оружием для восходящей буржуазии, теперь вполне могла обратиться против нее самой. Уже в 1848 году Кэри — экономист, занимавшийся восхвалением капитализма, — изобличал Рикардо как «отца коммунизма». Он писал: «Система г-на Рикардо — это система раздора... Вся она имеет тенденцию порождать *вражду между классами* и нациями... Его книга — настоящее руководство для демагога, стремящегося к власти посредством аграрных реформ, войны и грабежа»[1].

Однако Рикардо, будучи сам крупным буржуа, вовсе не собирался ни в английском парламенте, где он заседал, ни в своих научных трудах подрывать принципы капитализма, который он рассматривал как способ производства, такой же «естественный» и вечный, как и те противоречия, которые он открыл в нем. Это отчетливо проявилось в его теории заработной платы. Правда, он признавал, что «естественная цена труда — это та, которая дает рабочим возможность существовать и продолжать свой род без приращения или уменьшения»[2]. Он разглядел даже, что *«стоимость труда* определяется теми *жизненными средствами,* которые по традиции являются *необходимыми* в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода»[3]. Но, приблизившись к решающему открытию Маркса: заработная плата определяется стоимостью производства рабочей силы, Рикардо так и не понял, что этот закон проистекает из превращения труда в товар, из его фетишизации как вещи, то есть из самого основного принципа капитализма, который все сводит к общему знаменателю рыночной стоимости. Напротив, он приписывал это явление тому, что является лишь побочным следствием этого строя: конкуренции рабочих и закону предложения и спроса. Это было непоследовательно даже с точки зрения его собственной теории: он стремился свести все экономические категории к категории трудовой стоимости, и заслуга его в том, что он стоял на точке зрения производства, но когда он переходил к вопросу о заработной плате, то вставал на точку зрения распределения и обращения. Он сочетал глубокий анализ с поверхностным описанием. «Рикардо, — пишет Маркс, — должен был бы говорить не о *труде,* а о *рабочей*

---

[1] Carey, The past, the present and the future [Кэри, Прошлое настоящее и будущее], p. 74 (1848). Это место из книги Ч. Кэри цитируется и К. Марксом в его «Теориях прибавочной стоимости»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. II, стр. 179. — *Прим. ред.*

[2] Ricardo, Principes de l'économie politique et de l'impôt, t. I, p. 76.

[3] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. II, стр. 442.

силе. А тогда и *капитал* был бы представлен как такие вещные условия труда, которые противостоят рабочему в качестве обособившейся самостоятельной силы, и капитал сразу же предстал бы как *определенное общественное отношение*. Для Рикардо же капитал является лишь «накопленным трудом» в отличие от «непосредственного труда»...»[1]

Между тем существует естественное различие, коренная противоположность между живым трудом (который не может быть отделен от действующего субъекта, трудящегося) и мертвым трудом, трудом, накопленным в форме товаров, отчужденным трудом (который может быть присвоен другим человеком или группой людей, накоплен и превращен в средство эксплуатации и угнетения). В обществе, где средства производства (земля, орудия труда) являются общей собственностью или находятся в руках у каждого трудящегося в отдельности, правилом всякого обмена является равноценность продуктов. Напротив, когда земля и орудия производства монополизированы одним классом (и становятся поэтому *капиталом*), появляются другие доходы, кроме трудовых, такие, как прибыль или рента.

Эта путаница делает всю теорию Рикардо порочной. Рикардо определял прибыль как излишек после вычета из стоимости товара заработной платы, а ренту — как излишек после вычета заработной платы и прибыли. И он сформулировал самый общий закон, подчеркивающий противоречия между заработной платой и прибылью, между прибылью и рентой: с развитием общества и ростом населения рента увеличивается, реальная заработная плата не меняется, прибыль уменьшается.

Вновь отойдя от своего начального принципа, Рикардо вывел этот закон не из своей теории стоимости, а из обстоятельства, совершенно не связанного с этой теорией. Он сослался на мнимый «закон народонаселения» Мальтуса и на вытекающее из него понятие дифференциальной ренты. Мальтус, который был идеологом на службе Ост-Индской компании, оплачивавшей его образование, пытался с помощью мнимого естественного закона найти алиби для оправдания капиталистического строя и кровавых оргий, какими сопровождалось его установление. Исходя из произвольного и совершенно недоказуемого постулата, будто численность населения возрастает в геометрической прогрессии, в то время как средства его пропитания — только в арифметической прогрессии, Мальтус провозгласил, что, поскольку земля обладает неодинаковым плодородием, то вложенные в нее капиталы дают неодинаковую прибыль: эта разница между обычной нормой прибыли на малоплодородных землях и более высокой нормой на

[1] Там же.

более плодородных землях и представляет собой ренту, получаемую владельцами более плодородных земель. Рикардо, включив это положение в свою теорию стоимости, сделал из него вывод, что в сельском хозяйстве цена товаров определяется трудом, израсходованным при наименее благоприятных условиях на наименее плодородных участках земли. Рост населения, вынуждающий обрабатывать даже самые неплодородные земли, влечет за собой рост ренты и, как следствие этого, рост номинальной заработной платы (хотя реальная заработная плата остается неизменной, так как рабочий и с повышением номинальной заработной платы покупает количество товаров, определенное, по мнению Рикардо, раз и навсегда). Рост номинальной заработной платы приводит к снижению прибыли (поскольку, по Рикардо, между заработной платой и прибылью существует обратная зависимость).

Теория Рикардо обладала тем тройным достоинством, что в ней был отчетливо сформулирован закон трудовой стоимости, вскрыт антагонизм между трудом и капиталом и доказан факт, что дифференциальная рента — это доход не только бесполезный для развития капитализма, но и образующийся в результате стеснения условий его развития [1].

Слабость теории Рикардо заключалась в том, что она исходила из нелепого положения Мальтуса, хотя к концу своей жизни он столкнулся с «законом народонаселения», который определялся уже не как естественный и вечный закон, а как закон исторический, вытекавший из самого строя общества на определенном этапе его развития.

В XXXI главе своих «Начал», немало смущавшей его последователей от Мак-Куллоха до Бём-Баверка, Рикардо писал с тем «научным беспристрастием» и «любовью к истине», которые признавал за ним Карл Маркс: «Я думал, что применение машин принесет большую выгоду трудящимся классам, поскольку благодаря этому они смогут приобретать большее количество товаров за ту же сумму заработной платы; я полагал, кроме того, что их заработная плата не уменьшится, ибо капиталистам будет необходимо то же количество труда, что и прежде, хотя этот труд будет направлен в новые каналы... Но я убедился, что замена человеческой силы механической ложится иногда очень тяжелым, невыносимым бременем на плечи трудящихся классов» [2].

В письме к Мак-Куллоху Рикардо пошел еще дальше: «Я сказал, что фабрикант, обладающий оборотным капиталом, может иметь много рабочих. Но, если ему выгодно заменить

---

[1] Теория ренты Рикардо носила классовый характер: она была направлена против аграриев. Она дала много теоретических аргументов сторонникам свободной торговли во время кампании, результатом которой явился закон 25 июня 1846 г., упразднивший обложение зерна налогом.

[2] Ricardo, Principes..., t. I, p. 212.

свой оборотный капитал постоянным капиталом той же стоимости, это неизбежно заставит его уволить часть рабочих, так как постоянный капитал не сможет дать занятие всей той рабочей силе, которую он должен заменить. Признаюсь, эта истина представляется мне такой же точной, как любая геометрическая теорема, и я поражен, что так долго ее не замечал». Рикардо был близок тогда к открытию «закона народонаселения», который вытекает из самого закона капиталистического строя и который позволил бы ему подвести базис под всю свою теорию: в результате вытеснения рабочих машинами возникает резервная армия безработных, снижается заработная плата и растет антагонизм между рабочими и капиталистами.

Итак, что лежит в основе непоследовательностей и слабостей классического труда Рикардо?

Рикардо, как и Адам Смит, рассматривал труд единственно в той форме, какую он принимает в условиях капиталистического строя, — в форме труда, превращенного в товар, — причем считал эту форму естественной и вечной.

А поэтому он не видел разницы между живым трудом и мертвым, накопленным трудом, то есть между трудом в настоящем смысле слова и капиталом; отношения между ними он рассматривал только в сфере обращения (где они действительно могут взаимно обмениваться), а не в сфере производства (где они в корне отличны друг от друга). Деньги, как их общий знаменатель, являются, согласно такой точке зрения, лишь средством обращения. Но даже тогда, когда Рикардо изучал взаимоотношения людей, взаимоотношения классов, он определял их на уровне распределения богатств, а не на более глубоком уровне их производства.

Рикардо открыл один из основных законов развития капиталистического общества: закон тенденции нормы прибыли к понижению, но объяснял он его ростом стоимости сельскохозяйственных продуктов, как следствия того же «закона народонаселения» Мальтуса. «Прибыли, — писал он, — имеют естественную тенденцию к понижению, потому что с ростом общества и богатства увеличение необходимых средств существования требует непрерывного увеличения трудовых затрат»[1].

Маркс в связи с этим отмечал: «Экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе пределы, и потому приписывают эти пределы не производству, а природе (в учении о ренте)»[2].

---

[1] Ibid., t. I, p. 108.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 265.

Маркс, напротив, показал, что закон, согласно которому норма прибыли имеет тенденцию к понижению, является следствием не случайных обстоятельств, не имеющих отношения к капиталистическому строю, а, наоборот, проистекает из самого существа этого строя, при котором неизбежен рост постоянного капитала (инструменты и машины) и относительное уменьшение переменного капитала (капитал, используемый для покупки рабочей силы, и один только способный производить прибавочную стоимость).

Такое открытие наводило на мысль, что капитализм содержит в себе самом закон, который ведет его к гибели: «Рикардо беспокоит то, — писал Маркс, — что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства... В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства»[1].

Наконец, одним из дальнейших следствий первоначальной ошибки Рикардо было то, что он не мог объяснить такое явление, как капиталистические кризисы. Рикардо считал в одно и то же время, что прибыль представляется «одновременно как условие и как импульс к накоплению» и что капиталистическое производство направлено на удовлетворение потребностей.

Что же является движущей силой капиталистического производства — прибыль или потребности? Рикардо использовал оба эти объяснения и в обоих случаях делал это для защиты тезиса о неограниченном развитии капиталистического производства. Рикардо не мог тогда предвидеть глубокие противоречия этого строя: цикл периодических кризисов начался в 1825 году, а Рикардо умер в 1823 году. Его теория была теорией неограниченного развития капитализма.

Неспособность классической политической экономии объяснить кризисы приведет потом к кризису самой этой политической экономии.

Для того чтобы отрицать глубину противоречий капитализма, буржуазная апологетическая политическая экономия вынуждена будет отречься от своих основоположников, которые видели в производстве ключ к экономическим явлениям, их суть, и искать убежище в робком позитивизме вульгарной политической экономии.

Маркс, напротив, выступит как продолжатель классиче-

[1] Там же, стр. 284—285.

ской политической экономии, он «поставит ее с головы на ноги». «Переворот» будет заключать в себе три основных момента:

1. Применение *исторического материализма* для разрешения проблем политической экономии. Это позволит открыть преходящий и относительный характер капиталистического способа производства.

2. Анализ *отчуждения труда и товарного фетишизма*. Это позволит открыть за внешними видимостями обращения вещей сущностную реальность производственных отношений людей.

3. Открытие противоречивого характера этих отношений и внутренней *диалектики* их развития. Это позволит преодолеть в экономических исследованиях все формы эмпиризма или позитивизма.

Исторический материализм и политическая экономия

«Поскольку политическая экономия является буржуазной, — писал Маркс, — ...она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства...» [1].

Маркс, напротив, показал, что экономические категории — труд, обмен, товар, стоимость, деньги, рынок, прибыль, заработная плата, рента и так далее — являются категориями историческими и что общественные отношения, которые они выражают, образуют органическую совокупность, несущую в себе противоречия, которые вовлекают ее в непрерывное становление. «Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это — общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [2].

Применив этот исторический метод, Маркс разрешил поставленную Рикардо проблему разрыва между количеством выполненной работы и выплаченной заработной платой — решающую проблему прибавочной стоимости.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Послесловие ко второму изданию; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 14.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 86.

Пока люди производили так мало средств существования, что их только-только хватало на жизнь, не было объективного базиса для длительной и организованной эксплуатации чужого труда, поскольку продукт труда едва равнялся издержкам на поддержание способности к труду. Только после того, как в результате первых крупных технических достижений (в частности, тех, что позволили людям перейти от образа жизни кочевых охотников к образу жизни оседлых земледельцев) значительно повысилась производительность труда, могла начаться борьба за присвоение прибавочного продукта.

Рабство было первой формой этой эксплуатации. Способ присвоения прибавочного труда здесь чрезвычайно прост и очевиден: господин снабжает своих рабов пищей и присваивает весь продукт их труда. Например, в классическую эпоху — в Греции V и VI веков до нашей эры — покупная цена раба равнялась примерно 180—200 драхм. По свидетельству Демосфена и Ксенофонта, раб в среднем давал за вычетом всех расходов на его содержание доход в сумме одного обола в день, то есть в круглых цифрах 300 оболов, или 50 драхм в год. После 10 лет работы раб приносил, таким образом, своему господину 500 драхм, или за вычетом капитала, затраченного на его покупку, излишек в 300 драхм. Демосфен подсчитывал таким путем доходы своего отца от мебельного и ножевого производства [1].

Средневековый крепостнический строй также не скрывал происхождения прибавочного труда. Феодальный сеньор присваивал продукт дарового труда, который его крепостные обязаны были выполнять в форме барщины. В этом случае, отмечал Маркс, «именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства» [2].

При любом экономическом и общественном строе прибавочная стоимость является не чем иным, как разницей между стоимостью, созданной трудящимся, и издержками на его содержание. Все накопленные на земле богатства есть не что иное, как накопленный продукт этой прибавочной стоимости. Если эти богатства, являющиеся плодами труда и гения всех

---

[1] Этот пример приводит в своей книге Мандель (см. Mandel, Traité d'économie marxiste, t. I, p. 101).

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 87.

предшествующих поколений, находятся в частной собственности индивидов, групп или классов, это означает, что эти индивиды, эти группы или эти классы присвоили или унаследовали присвоение отчужденной мощи человеческого рода. Еще святой Иоанн Златоуст говорил богатым купцам Антиохии: «Ты владеешь продуктом кражи, если ты сам не вор»; пятнадцать веков спустя Прудон писал: «Собственность есть кража».

Но при капиталистическом строе механизм присвоения прибавочной стоимости становится более сложным и таинственным, чем при любой другой общественно-экономической формации.

Казалось, что раб трудился с утра до вечера на своего владельца. В действительности он часть дня работал, чтобы воспроизводить средства своего существования, издержки на свое содержание и амортизировать сумму, уплаченную владельцем при его покупке.

В отношении наемного рабочего создается иллюзия обратного порядка: кажется, что он с утра до вечера трудится на самого себя, в то время как часть дня он бесплатно работает на хозяина, который купил его рабочую силу за заработную плату, значительно более низкую, чем новая стоимость, создаваемая этим рабочим. Отсюда и рождается иллюзия, будто заработная плата является ценой труда, а не рабочей силы.

«Понятно поэтому то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» [1].

Отчуждение труда и товарный фетишизм [2]

Какова специфическая форма присвоения прибавочной стоимости при капиталистическом строе?

В трудовом сообществе, где господствует товарообмен и где человек производит не для удовлетворения собственных потребностей и потребностей коллектива, членом которого он является, а для рынка, труд каждого человека производит

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 550.

[2] См. также страницы, посвященные отчуждению, в первой части нашей книги.

уже не потребительную стоимость, а меновую стоимость. Превращаясь в товар, продукт человека лишается своей связи с человеком. Это имеет двойной смысл: продукт отделен от *потребности,* поскольку он предназначен для обезличенного рынка; и он отделен от *труда,* поскольку труд, производящий товар, также обезличен, гомогенен и отличается лишь по *количеству.* Маркс писал: «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду» [1].

Речь идет не просто о мыслительной абстракции, а о реальной абстракции: это сведéние всех индивидуальных и живых трудов к одному, чисто количественному, обезличенному знаменателю. «...Это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно» [2], поскольку рыночное сообщество (у Маркса «община») «обусловливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма» [3].

Такое обезличение труда и такая объективизация, в результате которой труд каждого отдельного человека попадает в эту обесчеловеченную множественность, являются результатом основного противоречия капиталистического общества, которое придает труду общественный характер (превращая все общество в обширное предприятие совместного сотрудничества) и сохраняет частный характер присвоения его продукта (позволяющий немногим присваивать коллективную силу человечества и таким образом превращать эту силу во внешнюю по отношению к трудящимся и господствующую над ними силу).

Разделение труда и обмен создают солидарность людей, но ее фактической реализации мешает частная собственность. В товарном обществе, где производительные силы стали общественными, в то время как производственные отношения остались частными, человеческие отношения теряют свою ясность; люди уже связаны между собой не непосредственно, а только косвенно, через посредство рынка, где сталкиваются их произведения, сделавшиеся вещами. Человеческие отношения приобретают видимость отношений между вещами: рабочая сила, как свойство живого индивида, становится при товарном производстве абстрактной величиной, вещью, а потребность, другое свойство живого индивида, также стано-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 46.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 17.

[3] Там же, стр. 20.

вится величиной, платежеспособным спросом, измеряемым наличными.

При капитализме товарный фетишизм произвел самую большую инверсию в истории человечества: вещи стали управлять создавшими их людьми. Совершенный Марксом «переворот» «поставил с головы на ноги» не только политическую экономию, но и само общество, ее породившее.

Отчужденный и присвоенный в форме капитала труд стал отныне жить своей собственной жизнью, бесчеловечной и пожирающей, которая с помощью фантастических видимостей скрывает подлинные человеческие отношения. «Процент выражает en sich именно бытие условий труда как *капитала* в их общественном антагонизме по отношению к труду и в их персонифицированной форме стоящих над трудом сил. Он резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта» [1].

В обществе, обладающем такой структурой, «человек придает религиозную форму отношениям, которые связывают его с его собственной природой, с внешней природой и с другими людьми... Вульгарные экономисты (Ж. Б. Сэй, Бастиа и все прочие) чувствуют себя прекрасно в этом отчуждении. То же, что бог Отец, бог Сын и бог Дух святой означают для схоластов, земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата означают для вульгарных экономистов» [2].

Еще в рукописях 1844 года Маркс подчеркивал, что политическая экономия является лишь логическим осуществлением отрицания человека. Действительно, она рассматривает отчужденный труд в его форме «вещей»; она не видит, что эти «вещи» производят ценности только потому, что они являются кристаллизованным трудом, трудом, накопленным всеми предшествовавшими поколениями людей. Маркс доказал, что земля не производит ренту, так же как капитал не производит прибыль, но что труд производит гораздо больше, чем только заработную плату, что он производит также прибыль и ренту.

Вся путаница, характерная для вульгарной политической экономии, происходит оттого, что буржуазия и ее идеологи стоят на точке зрения отчуждения. А без отказа от отчуждения, свойственного буржуазным общественным отношениям, нельзя отличить живой труд от труда мертвого, накопленного в форме капитала, и понять их основной антагонизм.

По классической теории, капитал — это труд, накопленный для продолжения и расширения производства (сырье, орудия труда, машины и т. д.). Маркс, напротив, показал, что сред-

---

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 519.

[2] Цитата (не найденная в русском издании Сочинений) дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

ства производства становятся капиталом лишь тогда, когда их присваивает, превращает в свою частную собственность индивид, группа или класс. «Сумма товаров, меновых стоимостей... становится капиталом благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества,* сохраняется и умножается путем *обмена на непосредственный, живой труд*» [1].

Капитал — не вещь, а общественное отношение и обладает историческим характером: «*Капитал* — тоже общественное производственное отношение. Это — *буржуазное производственное отношение,* производственное отношение буржуазного общества» [2]. Подчеркивая в простых образах этот двойственный характер, Маркс добавляет: «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится *рабом.* Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом.* Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как *золото* само по себе не является *деньгами,* или сахар — *ценой сахара*» [3]. Включая, таким образом, общественные отношения и выражающие их категории в систему исторических условий, вместо того чтобы принимать за вечные «данные» категории, которые фетишизирует буржуазная экономика, Маркс писал: это «единственно материалистический, а, следовательно, единственно научный метод» [4]. Спустив, таким образом, благодаря своей материалистической теории познания и истории, экономические категории с неба фетишей на землю человеческих отношений, Маркс стал изучать эти категории в их генезисе и их взаимной связи, применяя в политической экономии диалектический метод. В письме Ковалевскому, где он осуждал позитивизм, Маркс писал: «Логично мыслить можно только на основе диалектического метода» [5].

Диалектический метод в политической экономии

Наиболее глубокое свойство диалектики заключается в том, что она не изолирует метод от содержания. Еще Гегель критиковал Канта за его притязание изучить формы познания

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Наемный труд и капитал; см. Соч., т. 6, стр. 443.

[2] Там же, стр. 442.

[3] Там же, стр. 441.

[4] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 383, сноска.

[5] О борьбе Маркса с позитивизмом см. также его письма Энгельсу после 1866 года. [Цитируемое письмо Маркса М. М. Ковалевскому в русское издание Сочинений не вошло. — *Прим. ред.*]

и подвергнуть их критике a priori, не затрагивая содержания, по примеру, как он говорил, того схоласта, который хотел научиться плавать, прежде чем броситься в воду. Для Маркса, как для всякого материалиста, диалектика включает в себя одновременно и субъективное движение мысли и объективное содержание того, что является ее предметом. Это уже не спекулятивная процедура, как у Гегеля, а способ постижения действительности. Метод неотделим от содержания. Это не только логика мышления, но и логика действительности, то есть того также, что не является понятием, но что охватывается и идеально воспроизводится понятием.

От поэмы Гераклита до «Феноменологии духа» и «Логики» Гегеля мышление и действительность берутся в их живом единстве, как органическая совокупность в непрерывном становлении, с их противоречиями, причем каждая форма подготавливает следующую в непрерывном цикле зарождения, развития и смерти.

а) Эта традиция диалектического мышления, богатое наследие которого Маркс освоил, сделав его частью своего материалистического мировоззрения, противостояла прежде всего эмпиризму, который претендовал на то, чтобы дать познанию абсолютную исходную точку, первое начало: *чувственные данные,* не видя, что эти так называемые первичные «факты» всегда уже слеплены понятиями, заключают в себе предшествующую теорию и практику. В своих «Рукописях 1857—1858 годов» Маркс определял понятие конкретного «как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт» [1].

Эмпирическая теория познания, которая была одним из скрытых постулатов английской классической политической экономии, побудила, например, Адама Смита избрать в качестве исходного пункта представления определенного общественного класса в определенный период исторического развития, принятые им за очевидные, вечные и естественные данные. Характерно, что одним из первых теоретиков английской политической экономии был классический философ-эмпирик Джон Локк. «Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений» [2].

Позиция Локка была, впрочем, весьма прогрессивной для того времени как с философской точки зрения, поскольку его

---

[1] К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 727.

[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. I, стр. 371.

эмпиризм стал оружием борьбы против схоластических и теологических спекуляций и расчистил почву для рационалистического мировоззрения и метода, что хорошо поняли французские философы XVIII века, так и в области политической экономии: хотя буржуазная, капиталистическая форма собственности была в ту эпоху далеко не единственной формой собственности, Локк лишь ее одну признал за аутентичную и естественную. И от Адама Смита до Рикардо эта классическая школа политической экономии вела беспощадную теоретическую борьбу против исторически изживших себя феодальных форм собственности.

Как бы то ни было, исходные понятия брались как якобы естественные данные из того, что было выражением определенного исторического развития и определенной исторической схемы и что скрыто содержало в себе общественную практику и построенную на ней теорию, а также многочисленные иллюзии, порожденные этой теорией и этой практикой.

В политической экономии, например, эти якобы изначальные «данные» всегда сводились к сконструированным абстракциям, таким, как статистика, различные показания, книги, газеты и т. д.

Кроме того, метод использования этих якобы «первичных данных» сводился по существу только к формальной логике, опиравшейся на те же самые эмпирические постулаты. Рикардо, например, который так же, как Локк и Адам Смит, не отличал теоретической абстракции (то есть упрощающей гипотезы) от эмпирической абстракции (то есть родового понятия) при изучении фактов с точки зрения их внутренней связи, сводил все логические отношения к *редукции* и *дедукции*. Он стремился редуцировать (свести) все сложные явления к их так называемым «простым» компонентам и дедуцировать (вывести) все экономические категории из одной из них.

Исходный пункт для Рикардо — это определение стоимости исходя из количества затраченного рабочего времени. По его мнению, стоимость — это всеобщее абстрактное понятие, включающее черты, присущие всем явлениям, которые оно охватывает. Отношения между понятием стоимости и понятиями денег, прибыли, ренты, заработной платы, процента и так далее суть отношения рода к видам. Для всех этих понятий стоимость является тем же самым, чем для яблок, груш, персиков является абстрактное понятие «фрукты».

Согласно этой эмпирической и метафизической концепции отношений между частным и общим, когда от частного переходят к общему, отсекая от конкретного его чувственные свойства, так же как если бы из мозаики стали вынимать ее разноцветные камешки, оставляя в ней лишь главные контурные линии, деньги или прибыль — это лишь особые формы стоимости. Но если при таком эмпирическом понимании аб-

стракции и таком формальном понимании дедукции и легко с помощью последовательных вычитаний вывести общее из частного, то зато обратный процесс невозможен: нельзя воссоздать частное путем сложения, накопления абстракций. Вот лишь один пример трудностей, к которым ведет такой метод: определив прибыль как особую форму стоимости, Рикардо столкнулся с противоречием между всеобщим законом стоимости и законом средней нормы прибыли. И у него не оказалось никакого средства для того, чтобы «логически» перейти от одного к другому и объяснить, каким образом вопреки закону стоимости одно и то же количество капитала, используя различные количества рабочего времени, может дать одинаковую прибыль.

б) Диалектический метод отвергает также идею абсолютного исходного пункта, первичного начала, исходящего из *сверхчувственных данных,* сущностей Платона или рациональных принципов, вроде «простых свойств» Декарта. Диалектическая эпистемология всегда и неизбежно является, по выражению Башляра, «некартезианской эпистемологией». Как в области сверхчувственного, так и в области чувственного никогда не бывает никаких готовых, законченных «данных». «Простое» уже имеет сложную структуру. Ни в какой форме не существует ни чисто простого, ни абсолютной первопричины.

В этом и заключалось то, в чем Маркс особенно радикально «переставил с головы на ноги» гегелевскую диалектику. «Перевернув» какую-нибудь идеологию, нельзя получить науку. «Перевернув» спекулятивную диалектику, нельзя получить научную диалектику. У Гегеля вопреки его усилиям установить круговое движение познания все происходит в спекулятивном плане его «логики», то есть так, точно мы отправляемся от изначального простого единства бытия, развивающегося вследствие своего отрицания. Гегелевское всеобщее — это отчужденное становление изначального единства бытия.

Гегель определял конкретное через всеобщее, как органическую совокупность, как результат, а главное, как творение духа, порождающего мир путем саморазвития, движущей силой которого является внутреннее противоречие.

Маркс, как материалист, отбросил гегелевскую систему, основанную на идее о том, что создателем мира является дух, и сохранил, только «переставив с головы на ноги», движение мысли от абстрактного к конкретному. В чем заключалась эта «перестановка»? Прежде всего в том, что в материалистическом плане метод, пользуясь которым сознание восходит от абстрактного к конкретному, заключается в постижении действительности, в ее воссоздании, а не *создании.* И далее, в том, что для неспекулятивного мышления диалектика — это не закон построения действительности, а метод подхода, при-

ближения к действительности. Это, стало быть, та «бесконечная диалектика», о которой говорит Башляр; она становится спутницей движения научной мысли, которая разрабатывает свои концепции, потом отбрасывает или исправляет их, создает новые теории, потом их опровергает, подвергает сомнению одни принципы, чтобы установить другие, обобщает все это, наталкивается на новые опровержения и неустанно возобновляет этот цикл непрерывной корректировки и усовершенствования приобретенной культуры.

Этот мобилизм нельзя смешивать с мобилизмом скепсиса, и этот релятивизм — с софистикой, ибо если наука (науки и научная философия) переходит таким образом от одной, устаревшей теории к другой, исправленной теории, то каждый новый этап, даже каждое новое отрицание дают нам новые, обогащенные знания действительности, бо́льшую власть над природой, делают нашу практику более просвещенной и действенной.

Через все перипетии становления науки, даже через крушения изживших себя гипотез вырисовывается все более точная и все более конкретная «модель» действительности.

Различные науки, особенно после открытий XIX века — от выявленных Максвеллом физических аналогий до структурных формул Кекуле в химии — стали все чаще применять понятие «модели», а в последние годы в результате исследований Норберта Винера кибернетика, развернув в широком масштабе построение «моделей» нового типа, доказала, что они представляют собой важное средство познания и исследований.

Берем ли мы материально, реально построенную модель или идеальное, теоретическое, символическое или математическое изображение, речь всегда идет о конструкции, воспроизводящей изученную действительность, ее структуру, ее жизнь, ее законы, ее становление. Это гипотетическое, схематическое, идеальное, упрощенное воспроизведение может носить абстрактный характер теории или более конкретную форму модели, но речь всегда идет о системе понятий, отсылающих по аналогии к реальной органической всеобщности, причем конкретное всегда является той *целью,* к которой стремится мышление, а абстрактное представляет собой лишь *средство.* Оба эти момента не идут, однако, друг за другом, в изоляции друг от друга. Они — два полюса одного и того же органического развития мысли, воспроизводящей с помощью понятий моменты самой действительности.

Такой гипотетически-дедуктивный метод является элементом диалектического мышления; его цель — либо идеально разложить на части целое, либо восстановить целое из частей, выявляя внутреннюю логику действительности. Идет ли речь о структурном анализе или о динамическом синтезе, диалек-

тический метод никогда не упускает из виду эту взаимосвязанность индукции и дедукции, анализа и синтеза, абстрактного и конкретного. Для диалектического материализма понятия не являются ни сущностями в том смысле, какой вкладывал в них Платон, ни простыми, лишенными чувственного абстракциями эмпириков; понятия для него — это гипотезы, нуждающиеся в подтверждении практикой, а гипотеза всегда — и конечный пункт, и исходная точка.

«Капитал» Маркса дает нам пример применения этого сложного и богатого возможностями метода. Поэтому Ленин сказал: „Если Маркс не оставил *«Логики»*... то он оставил *логику* «Капитала»“ [1]. В гигантском труде, каким является «Капитал» — эта всегда незавершенная, но всегда живая, непрерывно развивающаяся конструкция «модели» определенной социально-экономической формации, капиталистического строя, — мы находим все три момента, из которых складывается его диалектический метод.

Момент абстракции, с помощью которой мышление, пренебрегая второстепенным и случайным, выявляет, прибегая к упрощающей гипотезе, закон явления в его идеальной чистоте. Так, например, сформулировав закон трудовой стоимости, Маркс сделал такой же научный шаг, что и Сади Карно, когда тот мысленно сконструировал идеальную паровую машину, практически так же неосуществимую, как любая идеальная геометрическая фигура. Эта мысленная конструкция не поддается точной и немедленной проверке никаким опытом, и тем не менее она необходима, чтобы осмыслить всякий конкретный опыт, который по видимости опровергает ее. Между законом трудовой стоимости Маркса и явлением цен существует такое же отношение, как между моделью Карно и действительной работой паровых машин.

Для перехода от идеальной модели к конкретной реальности нужен, таким образом, второй момент метода: переход от абстрактного к конкретному, когда вновь вводятся элементы опосредования и действительность воссоздается все более конкретно, чтобы объяснить видимости. «Легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre [ни того, ни другого]» [2], — писал Маркс. В другом месте он выражает эту мысль еще более категорически: «Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, а не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была

---

[1] В. И. Ленин, Философские тетради. План диалектики (логики) Гегеля; см. Полное собр. соч., т. 29, стр. 301.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 227, подстрочн. прим. 28.

норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживается на поверхности явлений»[1].

Только закончив это воссоздание, можно подойти к третьему моменту метода: к проверке, то есть сравнению результатов, полученных путем перехода от абстрактного к конкретному, с действительностью. Это простое замечание позволяет отвести жалкие возражения эмпиристского и позитивистского характера некоторых экономистов, наивно думающих добиться легкой победы над марксистской политической экономией, перескакивая сразу от первого момента к третьему, пропуская при этом связующие звенья и провозглашая, например, что кривая цен не «подтверждает» закона стоимости, кривая заработной платы — закона обнищания, а кривая прибылей — закона тенденции нормы прибыли к понижению, как будто «Капитал» заканчивается на первом томе! Как будто Маркс, подняв внутренние отношения на поверхность, придя от создающего к созданному, не написал после тома «Капитала», посвященного производству, другой том, посвященный обращению!

Это все равно что смеяться над принципом Карно на том основании, что его нельзя проверить непосредственным опытом, и делать из этого вывод, что Сади Карно был никуда не годным инженером!

Только завершив теоретическое воссоздание развивающегося органического целого, каким является данная социально-экономическая формация, можно «понять» явление, то есть определить его место и его роль внутри этого целого и объяснить органическую необходимость его возникновения как момента целого.

Когда Маркс, убедившись, как и Декарт, что «природу вещей легче понять, если видеть, как они постепенно рождаются, чем если рассматривать их совсем готовыми», и убедившись, подобно Гегелю, что «результат — ничто без его становления», перешел от товара к деньгам, от денег к капиталу и таким образом воссоздал «генезис» структур капитала[2], он доказал, что только анализ товара позволяет понять единство и *смысл* капиталистической системы производства.

А этот анализ товара возвращает нас к труду, продукт — к производству, созданное — к создающему.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 50.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23.

Мы сознательно применяем в данном случае терминологию Гуссерля, потому что сходство здесь не случайное: такие понятия Гуссерля, как «восприятие», «всеобщее», «смысл», «созидающая деятельность», отнюдь не чужды марксизму. Диалектический метод Маркса позволяет переосмыслить главные понятия феноменологии Гуссерля, сбросив с них мистический покров, то есть восстановив живую историческую связь, соединяющую их с действительностью и придающую им смысл в конкретной совокупности подлинного исследования, хотя этот момент действительного, оторванный от целого, у самого Гуссерля, и особенно у его учеников, превращается в идеализм и спекуляцию [1].

«Созидающая деятельность», оторванная от общественной практики, становится деятельностью трансцендентального абстрактного субъекта, в то время как с материалистической, исторической, диалектической точки зрения Маркса она представляет собой человеческий труд, то есть исторически определенное отношение, конкретную практику общественного человека в ходе его исторического развития; она — общественное производство бытия, являющегося историческим продуктом, постоянным развитием его собственной деятельности.

«Смысл» не придается вещам неким трансцендентальным сознанием, абсолютным, внеисторическим субъектом. «Значения» начертаны в институтах и продуктах исторической и общественной практикой, создающей эти институты и продукты. «Сознание» не проецирует их на вещи, оно находит их следы в вещах, возрождая окаменевшие человеческие намерения и замыслы, исторически записанные в вещах. А культура есть только усвоение и непрерывное восприятие человеком всего этого генезиса окружающей его человеческой вселенной, ответственным наследником которой он становится путем этого осознания, этого «восприятия».

«Всеобщее», целое — не абстрактная категория, а живая органическая действительность, живущая жизнью мысли и жизнью того, что охватывается мыслью и что не есть мысль. Идя дальше феноменологии, которая понимала всеобщее главным образом как структуру, Маркс понимал также всеобщее как генезис: «Простые категории суть выражение отношений, в которых еще не развитое конкретное могло воплотиться, не устанавливая более сложную связь или отношение, находящие свое мыслительное выражение в более конкретной категории...[2]. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует дей-

---

[1] См. по этому вопросу статью: Maurice Godelier, La méthode du «Capital» [Морис Годелье, Метод «Капитала»], в журнале «Economie et politique», № 70—71.

[2] Эта часть читаты дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

ствительному историческому процессу»[1]. В «Капитале», так же как в своих «Рукописях 1857—1858 годов», Маркс начал с анализа товара, потому что товар является основным выражением отношений между людьми при капиталистической социально-экономической формации, а также потому, что исторически товарный способ производства предшествовал капиталистической экономике и был для нее исходной точкой.

Исторический порядок и диалектический порядок, то есть порядок хронологии и порядок логического генезиса, в данном случае одно и то же. Энгельс подчеркивал, что логический порядок представляет собой лишь исторический порядок, только без нарушающих его случайностей.

Сам Маркс всегда старался отыскать под покровом случайного и эпизодического структуру и ритм времени, определяемые внутренней диалектикой отношений между человеком и природой и отношений между людьми, вследствие чего логический генезис совпадает с генезисом историческим.

«Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»[2].

Логическое развитие простой, полной, всеобщей и денежной форм стоимости соответствует действительной истории развития производства и обращения товаров.

Это верно и в отношении следующего этапа — этапа перехода от денег к капиталу. Маркс подчеркивал это в своем письме Энгельсу: «Простое денежное обращение не включает в себя принцип самовоспроизводства и потому требует выхода за его пределы. В деньгах, как показывает развитие их определений, заложено требование существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время предполагающей само это обращение, то есть — существования *капитала*. Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действительного капитала из денег

---

[1] К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 728—729.

[2] Там же.

или купеческого капитала, овладевающего производством»[1].

То же самое относится почти ко всем моментам диалектики «Капитала». Сначала обмен по стоимости, то есть по количеству труда, исторически предшествовал обмену согласно цен[2]. «Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как prius [предшествующее] цен производства»[3].

В качестве еще одного примера можно сослаться на переход от абсолютной прибавочной стоимости к относительной прибавочной стоимости. Исторически предприниматели начали с удлинения рабочего дня. Только позднее технический прогресс позволил увеличивать прибавочную стоимость, сокращая время, необходимое для производства средств существования трудящихся, и увеличивая прибавочный труд рабочего.

Но исторический порядок не следует смешивать со строго хронологическим порядком, так же как нельзя смешивать необходимость и случайность. Собственно говоря, исторический порядок, как правило, выявляется тогда, когда к изучению каждого момента развития приступают в период его полной зрелости и классической чистоты.

Этим объясняются некоторые кажущиеся исключения из закона соответствия исторического и логического. Например: «земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты... Таким образом, было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе»[4]. Вот почему, хотя земельная собственность и рента играли важнейшую роль и до капитализма, изучение ренты, которая приобретает весь свой смысл только в органической совокупности капиталистического общества, Маркс начал лишь после изучения прибыли.

---

[1] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 2 апреля 1858 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 259.

[2] См. по этому вопросу очень интересные этнографические и исторические данные, результат современных исследований, которые приводит в своей книге Мандель (Mandel, Traité d'économie marxiste, Paris, 1962, pp. 52—80).

[3] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 194.

[4] К. Маркс, Введение; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 733—734.

Место, которое занимает в «Капитале» глава о первоначальном накоплении, может показаться еще более странным: в то время как хронологически оно является исходной точкой, Маркс рассматривает его только в XXVI главе «Капитала». Маркс дал этому следующее объяснение: «Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитализма и соответствующего ему способа производства» [1].

Так история собственно капитализма своей внутренней логикой дает нам ключ к своей предыстории. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [2]. Это открытие «смысла» не предполагает никакого «финализма»: если бы Маркс начал «Капитал» с истории первоначального накопления, капитализм предстал бы в виде случайного следствия ряда хаотических колониальных авантюр и грабежей. В действительности же кровавые экспедиции «конкистадоров», которые осуществили это первоначальное накопление, приобретут для нас весь свой «смысл», только если мы осознаем генезис и развитие капиталистического строя в его необходимости, как формы общественных отношений, которая может обеспечивать свое воспроизводство и распространение, лишь все больше отделяя средства производства от тех, кто приводит их в действие. Надо, следовательно, изучать *«процесс движения капитала, рассматриваемый как целое»* [3], потому что «производство, распределение, обмен и потребление... образуют собой части целого, различия внутри единства... Между различными моментами имеет место

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 726—727.

[2] К. Маркс, Введение; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 731.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.

взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом»[1].

Особенность диалектического метода в том и состоит, что он не отделяет изучение структур от изучения внутренней динамики этих структур, их органических совокупностей и противоречий, являющихся их движущей силой.

«При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение,* означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения... Противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить»[2].

Дойдя до этого этапа разработки материалов экономического познания, метод отождествляется с внутренним движением содержания. Изучая строение, действие и развитие «модели», мы будем присутствовать при идеальном генезисе капиталистического строя, прослеживая на всем протяжении «Капитала» реальное развитие изначального противоречия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Как писал Маркс, ему удалось в политической экономии «впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически»[3].

Преодолев спекулятивные мистификации гегелевской диалектики и выковав орудие научных исследований и открытий, Маркс придал диалектике ее научную форму, то есть отрекающуюся от всякого догматизма, от всякого абсолютного начала, от всяких якобы существующих чувственных или сверхчувственных «данных», от всякой спекулятивной дедукции, от всякой идеалистической иллюзии порождения действительности духом, от всякой теологической концепции, будто диалектическая мысль извечно существует в вещах и нам остается лишь вынуть эту жемчужину божественной мысли, совсем готовую, из ракушки, в которой она прячется.

Марксова диалектика начинается, напротив, с практики, опыта и его постоянной корректировки, она развивается вместе с практикой, которая ставит под сомнение принципы и законы, не расставаясь, однако, ради этого с плодами своих

---

[1] К. Маркс, Введение; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 725—726.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 497—498.

[3] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 1 февраля 1858 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 224.

предшествующих открытий, она находит свое подтверждение в практике, которая каждый день вновь и вновь доказывает, что структура и становление действительности таковы, что только диалектическое мышление может постичь их и подчинить себе.

Ленин считал, что нельзя в совершенстве понять «Капитал» Маркса, и особенно его первый том, не усвоив полностью «Логику» Гегеля. А Энгельс в письме Конраду Шмидту 1 ноября 1891 года давал следующее дополнительное уточнение: «Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля бытия к небытию, и у Вас будет прекрасная параллель» [1].

Последуем этому совету и проведем такое сравнение.

Проблема «исходного пункта» и у Гегеля и у Маркса ставится в аналогичных терминах: исходным пунктом как познания, так и действительности непременно является конкретное, но это конкретное уже само есть единство противоположностей, и итог его нужно разложить на составные части вместе с их противоречивыми отношениями.

Становление, по Гегелю, есть первая конкретная действительность, но в ней сталкиваются в качестве моментов бытие и небытие, которые «не существуют ради самих себя» [2].

У Маркса то же самое относится к товару. Он является первой конкретной действительностью: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [3].

Но товар можно понять только в том случае, если рассматривать его не как простое данное, не как вещь, а в тех внутренних и противоречивых отношениях, которые его составляют; товар — это одновременно потребительная стоимость и меновая стоимость. Мы сталкиваемся тут с тем «раздвоением единого», в котором Ленин видел душу диалектики. В результате возникнут противоречия, которые надо будет разрешить.

Каковы эти противоречия? Продукт «является товаром только потому, что к *вещи* присоединяется *отношение* между двумя лицами или двумя общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь не соединены уже в одном и том же лице. Таким образом, перед нами с самого начала пример факта... вызвавшего страшную сумятицу в головах буржуазных экономистов: политическая экономия за-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1-е, т. XXVIII, стр. 372.

[2] Гегель, Наука логики, т. I.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 43.

нимается не вещами, а отношениями между людьми и в последнюю очередь между вещами; но эти отношения всегда связаны с вещами и имеют видимость вещей»[1].

Уже с самого начала, осознав это «отчуждение», мы порвали с эмпиризмом и позитивизмом, для которых не существует противоречия в вещах: *вещи суть*. С того момента, как Маркс, проникнув глубже видимостей и поднявшись от созданного к создающему, открыл в товаре определенное положение людей и классов, он перешел от позитивистских описаний к действительной диалектике человеческих отношений[2]. В этом состояло, и в политической экономии и в философии, важнейшее открытие Маркса: открытие реальных отношений между вещами и людьми и реальных отношений между людьми.

Проследим, как развивалось товарное хозяйство под влиянием противоречий, содержащихся в товаре: вместе с всеобщим распространением обменов «...закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена... Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости»[3]. Но простое количественное увеличение числа обменов показывает материальную, техническую невозможность присвоить какому-либо товару функции всеобщего эквивалента. Эти функции будут поэтому присвоены особому товару, чьи свойства (неподверженность порче, делимость, портативность) таковы, что он как бы воплощает в себе меновую стоимость. «Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары»[4].

Таким образом простое количественное умножение обменных операций породило качественно новую действительность: раздвоение товара на товар и деньги. Противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью исторически и практически разрешилось в общественной жизни путем создания «формы для их движения», то есть денег.

Новые противоречия, родившиеся из противоположностей между товарами и деньгами, создали новые формы развития денежной экономики, породив капитал.

Действительно, деньги сначала представляли собой лишь универсальное средство обращения товаров. Но начиная с того момента, когда стоимость товаров оторвалась от товаров,

---

[1] К. Маркс. [Цитата, без точного указания источника, дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*]

[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 98.

[4] Там же, стр. 96—97.

отделилась от них и стала даже противостоять им в форме денег, появилась новая возможность движения общества: по мере того, как катится и набухает «золотой и серебряный поток»[1], деньги приобретают все большую независимость от остальных товаров. Они становятся синонимом любого богатства. Поэтому кажется, что они способны разрастаться и воспроизводить себя. «Здесь она [стоимость товаров] внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция... Стоимость становится... самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал»[2].

Здесь, с превращением денег в капитал, как перед этим с превращением товара в деньги, количественное накопление снова приводит к качественному изменению: деньги, становясь независимыми по отношению ко всем другим товарам, приобретают новые своеобразные функции по отношению к традиционному обращению товаров, когда товаровладелец продавал то, в чем он не нуждался, чтобы купить то, что ему было нужно. С этих пор отрыв от потребности завершен и *движение приобретает обратный характер:* капиталист покупает то, в чем сам не нуждается (средства производства, сырье, рабочую силу), чтобы продать произведенные товары и вернуть себе вложенное в покупку с излишком.

С появлением этого излишка, этой «прибавочной стоимости», начинается третья форма движения; это уже не движение товара или денег, а движение капитала. Вместе с ним возникают новые противоречия, которые приведут систему к ее разложению и породят новую форму исторического движения общества с новыми законами развития. «Развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»[3]. Таково основное положение научного социализма.

В чем заключается движущее противоречие капитала на этом этапе? Что в первую очередь делает возможным образование прибавочной стоимости? Если только не считать, что деньги сами порождают деньги, то должен существовать какой-то особенный товар, «такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости»[4].

Этот товар — рабочая сила.

С этого момента оказывается, что капитал также не *вещь*, а *общественное отношение:* отношение между владельцем

[1] Там же, стр. 155.
[2] Там же, стр. 165—166.
[3] Там же, стр. 499.
[4] Там же, стр. 177—178.

средств производства и тем, кто ими не владеет и может лишь продавать свою рабочую силу.

Из этого раздвоения в антагонистическое отношение того, что казалось единым, и притом вещью, т. е. капитала, родится целый каскад противоречий: всеобщий закон капиталистического накопления, ведущий к накоплению богатства на одном полюсе и нищеты — на другом; закон тенденции нормы прибыли к понижению, кризисы и в конечном счете революционное разрешение основного противоречия, порожденного частной собственностью на средства производства в условиях такой общественно-экономической формации, где труд носит коллективный характер. «Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов... Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала... возрастает масса нищеты... но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют... Это — отрицание отрицания» [1].

Прежде чем приступить к рассмотрению того, как применение этого диалектического метода позволяет путем воинствующей диалектики, диалектики освобождения, покончить с отчуждением человека, нам нужно показать на фактах современной действительности, что сама эта диалектика имеет научный, а не спекулятивный характер. Удалось ли Марксу достичь при помощи этого метода своей цели, которую он определил как «открытие экономического закона движения современного общества» [2]?

---

[1] Там же, стр. 772—773.
[2] Там же, стр. 10.

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ МАРКСА И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ

Плодотворность и научную силу марксистского метода в политической экономии можно проверить двояким способом: косвенно, внешне, путем сравнения с результатами, к которым пришла немарксистская политическая экономия; и непосредственно, внутренне, путем изучения конкретных проблем, которые марксистская политическая экономия позволила предвидеть и решить. Разумеется, в рамках настоящей работы мы можем показать это лишь на нескольких примерах.

До Маркса буржуазная политическая экономия в лице ее виднейших представителей, от Петти до Рикардо, имела тенденцию стать наукой и, изучая явления производства, выдвинула ряд теоретических положений против клонившегося к упадку феодального строя. Петти определял класс феодальных сеньоров и связанные с ним социальные слои как людей, которые «ничего не делают, кроме как едят, пьют, поют, играют, танцуют и *занимаются метафизикой!*»[1]. Адам Смит теоретически обосновал обвинение в паразитизме, выдвинутое против этого класса и этих социальных слоев, охарактеризовав их как «непроизводительные».

Апелляция к производству имела классовое значение. На определенном этапе экономического развития, когда класс капиталистов, в свою очередь, начинает выступать как паразитический по отношению к общественному организму производства, продолжать стоять на точке зрения производства (как это делали великие экономисты-классики, жившие в период восхождения буржуазии, когда функция капиталиста еще играла положительную роль) становится опасным для самой буржуазии.

Тогда-то и происходит настоящая «историческая эстафета» в деле научных исследований в политической экономии. Маркс продолжил, обобщил и превзошел достижения классических буржуазных экономистов, взяв, как и они, за основу производство. Эта объективная экономическая наука, некогда служившая оружием борьбы против феодализма, стала ору-

[1] Цит. Марксом в «Критике политической экономии»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 40.

жием борьбы против капитализма. Авангард рабочего класса познал себя в «Капитале», и в 1886 г. Энгельс писал: „На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса»[1].

Напротив, буржуазная политическая экономия в середине XIX века, после июньского восстания 1848 г. в Париже, когда рабочий класс выступил как самостоятельная общественная сила, угрожающая новым классовым привилегиям, — трусливо отошла на субъективистские позиции.

Субъективистская позиция в политической экономии заключается в отрыве экономических исследований от изучения производственных отношений и в утверждении, что основой экономических отношений является не производство, а обмен. Это субъективистское течение продолжает традиции того, что Маркс называл «вульгарной политической экономией» (например, теории Сэя и Бастиа).

Выразители этого эмпиристского, субъективистского взгляда исходят из того, что развитие общества определяют изолированные индивиды, а общество представляет собой лишь их арифметическую сумму. На первый план выдвигается субъективная позиция продавца или покупателя. Это направление обычно называют «маргинализмом», определяя таким образом эту школу мышления не по ее содержанию, не по ее концепции человека, а по ее методу. Концепция человека, из которой она исходит, очень схематична и убога. Это концепция самого пошлого буржуазного индивидуализма в том виде, как он выражен в «утилитаристской» психологии и морали Бентама. «Экономический человек» — это, по их мнению, существо, движимое исключительно своекорыстными интересами и стремящееся получить максимальную выгоду или максимум удовольствия. Один из самых видных представителей этой школы, Стэнли Джевонс, пишет в предисловии к своей «Теории политической экономии»[2]: «В этом труде я рассматривал экономию как теорию расчета между удовольствием и болью... Сделать удовольствие максимальным — такова задача экономии». Подобные же формулировки в духе вульгарного гедонизма постоянно встречаются у Джона Стюарта Милля и Нассау Сениора.

Достижению поставленной таким образом перед экономикой цели призваны способствовать средства и методы, предлагаемые «маргинализмом», который стремится связать меновую стоимость вещи с ее потребительной стоимостью через посредство «маргинального потребителя». Сторонники этой теории отталкиваются от потребительной стоимости товара

[1] Ф. Энгельс, Предисловие к английскому изданию первого тома «Капитала»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 33.

[2] Stanley Jevons, Théorie de l'économie politique.

(индивидуалистическая и субъективистская точка зрения), но считают, что мерилом его стоимости является не сила потребности в нем индивида, а последняя неудовлетворенная частица этой потребности, «маргинальная» (предельная) полезность товара. Исходя из этого, можно провести кривые равновесия для всех экономических явлений и выработать общую теорию равновесия. При этом заработная плата, цена и прибыль выступают как результат или равнодействующая обменов, произведенных на началах равенства, так как за отправную точку принято не *общественное производство* (где сталкиваются классы), а *потребление индивидов* (взятых изолированно и в абстракции).

Эта теория, соответствующая периоду расцвета капитализма, играет апологетическую роль, оправдывая капиталистический строй как свободный от глубоких противоречий.

Но она не может объяснить ни кризисов, ни империализма. Общий кризис 1929 — 1933 годов пропел отходную этой теории и всем ее вариантам, даже приукрашенным, как у Уолраса, заманчивыми математическими выкладками, но все равно неспособным объяснить сущность кризиса.

1 сентября 1931 года «Манчестер гардиан» в статье под многозначительным заголовком «Банкротство политической экономии» с горечью констатировала: «Мы лучше знаем скорость движения электрона, чем скорость обращения денег. Нам больше известно об обращении Земли вокруг Солнца и об обращении Солнца во вселенной, чем об обращении в сфере промышленности».

Между тем речь шла не только о том, чтобы теоретически оправдать капитализм, но и о том, чтобы спасти его практически. Из апологетической буржуазная политическая экономия становится чисто прагматической: перед ней теперь поставили задачу выработать практические способы укрепления расшатавшегося капитализма.

В роли «спасителя» выступил Кейнс, выпустивший в 1936 году свою главную работу «Общая теория занятости, процента и денег»[1].

Кейнс — практик и имел дело с явлением, объяснить которое не могла прежде ни одна буржуазная экономическая теория: в течение двух десятилетий, с 1918 по 1938 год, около 10% рабочего класса Англии было обречено на безработицу.

Кейнс не пытается теоретизировать, а ищет прагматических путей выхода из создавшегося положения. Считая, что уровень занятости определяется объемом капиталовложений в промышленность (а не покупательной способностью частных индивидов, которые практически целиком тратят свои доходы), Кейнс предлагает увеличением государственных

[1] K e y n e s, Théorie générale de l'emploi, de l'interêt et de la monnaie.

расходов возместить недостаточность частных инвестиций, чтобы «привести в действие насос экономического подъема». Это вмешательство государства, проводимое в широких масштабах, позволит, по его мнению, ослабить периодические колебания. Классовый характер этой концепции доходов и инвестиций очевиден: речь идет о том, чтобы облегчить трудности, испытываемые капиталом, обеспечив необходимые для государственных инвестиций средства путем обложения налогами всей нации, а также при помощи инфляционных операций. Кейнс отнюдь не скрывает прагматического характера и классового смысла своего метода: он дважды повторяет в своей книге (стр. 36—39 и 266—270), что сознательно останавливает свой выбор на инфляции и порождаемом ею росте цен, так как снижению реальной заработной платы рабочие противятся менее решительно, чем снижению заработной платы номинальной.

Ниже мы рассмотрим практическую действенность этих средств. Сейчас же мы наметим лишь общую траекторию пути, пройденного буржуазной политической экономией за всю ее историю, и совершенные ею большие повороты. Сначала она пережила период подъема, время великих классиков, которые в своей борьбе против умиравшего феодализма основывались на научном, объективном изучении производственных отношений. Второй период, апологетический, соответствовал периоду зрелости капитализма и характеризовался господством индивидуалистической и субъективистской концепции, а с точки зрения метода — осторожным отходом к позитивизму. И, наконец, в эпоху начавшихся для капитализма великих потрясений и возникновения социалистической экономической системы буржуазная политическая экономия отказывается от теоретических претензий и проявляет исключительно прагматическое стремление удовлетворить практические нужды системы, в которой появились трещины и которой угрожает гибель.

На этом последнем этапе, начало которому положила работа Кейнса, буржуазная политическая экономия, вынужденная отказаться от всяких широких обобщений, стремится выработать технику исследований и «формализовать» их. Поскольку основным понятием для них является понятие «редкости» (наследие маргинализма), то буржуазные экономисты, как, например, Роббинс, видят в политической экономии «науку, изучающую человеческое поведение как взаимоотношение между целями и редкими средствами, используемыми альтернативно»[1]. Подобные же определения политической экономии

[1] Robbins, Essai sur la nature et la signification de la science économique, Paris, 1947 [Роббинс, Исследование о характере и смысле экономической науки].

можно встретить у Мизеса и у большинства современных экономистов.

Одним из неожиданных следствий этой эволюции буржуазной политической экономии стало прекращение прямой полемики с марксизмом в экономическом плане. Дело в том, что отныне полемика в области экономии происходит в иной плоскости, нежели плоскость марксизма, и буржуазная политическая экономия вынуждена уступить марксизму задачу создания собственно экономической науки и выработки обобщений, а самой ограничиться разработкой методов (впрочем, весьма полезных и, как мы увидим, вполне совместимых с марксизмом, — таких, как эконометрические методы).

Уже Кейнс ограничивался высокомерным утверждением, что «Капитал» Маркса — это «устаревший учебник политической экономии», не только ошибочный с точки зрения экономической, но «не представляющий интереса для современного общества и неприменимый в его условиях»[1]. Разъясняя последнюю фразу, он утверждал, что советская экономика не имеет будущего! Поскольку учитель показал себя в данном случае плохим пророком, то его ученики стали более осторожными: чтобы не слишком уж явно дискредитировать немарксистскую политическую экономию прогнозами, неизменно оказывающимися опасными для их авторов, они перенесли борьбу против марксизма на другую почву.

Еще несколько лет назад многие буржуазные экономисты с уверенностью провозглашали, что ни одно из теоретических положений Маркса в области политической экономии, как в отношении будущего капитализма, так и возможностей социализма, не поддается научной проверке. Сегодня же они благоразумно предпочитают переносить спор в область этики, а в том, что касается собственно экономии, ограничиваться общими положениями, вроде того, что классовые отношения теперь-де стушевываются, уступая место отношениям чисто техническим, свойственным всякому «промышленному обществу».

В противоположность бессилию немарксистской политической экономии делать долгосрочные прогнозы в отношении судеб капиталистического мира и, в еще большей степени, в отношении будущего социалистической экономики, выводы марксистской политической экономии в этих двух вопросах (прогнозы насчет капитализма и построения социалистической экономики) получили убедительное подтверждение.

Здесь мы ограничимся рассмотрением нескольких важнейших проблем нашей эпохи и покажем на ряде примеров актуальность выдвинутых Марксом основных теоретических положений о стоимости, прибавочной стоимости, обнищании рабочего класса, тенденции нормы прибыли к понижению, концен-

[1] Keynes, Essays in persuasion, p. 300.

трации и империалистической фазе развития капитала. При этом мы сознательно не будем касаться некоторых явлений, свойственных нашей эпохе, таких, как, например, общий кризис капитализма или государственно-монополистический капитализм. Хотя метод Маркса служит хорошим рабочим инструментом и руководством при изучении этих явлений, они, однако, еще не существовали в его время, и, стало быть, он не мог их непосредственно проанализировать.

Трудовая теория стоимости

> Стоимость каждого товара определяется... рабочим временем, общественно необходимым для его производства.
>
> (К. Маркс [1])

Чтобы судить о возможности применения марксистской трудовой теории стоимости к решению современных проблем, необходимо напомнить в общих чертах об основных ее положениях.

Капиталистическое производство есть производство товарное. Как во всякой экономической формации, базирующейся на обмене, здесь каждый производитель создает продукты не для удовлетворения своих собственных потребностей или потребностей ближайших соседей, а для обмена их на рынке на другие продукты, в которых он нуждается. В данном случае эти продукты называются товарами. Связь между товаропроизводителями устанавливается при посредстве рынка.

На рынке одна вещь может быть обменена на большее или меньшее количество других вещей. Количественное отношение, в каком осуществляется этот обмен, определяет *стоимость* вещи.

Какие факторы влияют на изменение этой стоимости? Всякий обмен предполагает наличие продавца и покупателя. Покупатель, выступающий как потребитель товара, учитывает полезность, которую он имеет для него. Эта полезность именуется потребительной стоимостью. Продавец же, выступающий как товаропроизводитель, учитывает труд, затраченный им на производство товара. Это называется меновой стоимостью.

---

[1] «Капитал», т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 198.

Стало быть, при обмене полезность обменивается на труд. Два эти понятия несоизмеримы. В частности, потребительная стоимость — понятие весьма относительное. Так, для человека, умирающего от жажды в пустыне, стакан воды имеет ни с чем не сравнимую ценность. Но на рынке, где неопределенное число товаропроизводителей могут поставить один и тот же товар и где неопределенное число потребителей хотят его приобрести, происходит приведение к общему знаменателю.

Допустим, одни крестьяне привезли на сельский рынок масло, а другие сыр. Если цена на масло очень выгодная, цена же на сыр гораздо менее выгодна, то в следующий раз больше крестьян привезет на рынок масло, а не сыр. Тогда цена на масло упадет, а на сыр возрастет.

Как в таком случае установится равновесие? Иными словами, какова будет средняя пропорция между определенным количеством масла и определенным количеством сыра, которые получат сбыт? Или (что сводится к тому же) какова будет стоимость этих двух продуктов?

Могут сказать, что, если цена на сыр резко повышается, значит, его изготовлено меньше, чем нужно; если же цена на него падает, то, стало быть, его изготовили больше, чем нужно. Это означало бы, что стоимость товара зависит от спроса и предложения.

Но на рынке так быть не может, ибо производство какого-нибудь товара нельзя ни бесконечно увеличивать (в этом случае конкурирующие товаропроизводители выбросили бы на рынок огромные количества этого товара), ни бесконечно уменьшать (товаропроизводители переключились бы на производство другого товара). Следовательно, рынок играет роль регулятора, и в результате множества колебаний устанавливается какая-то средняя. Какая же?

Очевидно, что, когда два товара являются одинаково выгодными, товаропроизводитель станет изготовлять тот из них, производство которого требует меньше труда. Таким образом, у различных товаров имеется только одно общее свойство — то, что они продукты труда.

Таким образом, мы можем сформулировать основной закон обмена: на рынке соображение полезности роли не играет: товары обмениваются в соответствии с количеством труда, затраченного на их производство. Но этот закон имеет силу только для идеального рынка, т. е. такого, где в принципе обмениваются лишь товары, которые могут быть произведены в любом количестве. Фактически же может случиться, что в тот или иной момент того или иного товара будет недоставать или, наоборот, он окажется в избытке; в таком случае цена на него будет в каких-то пределах колебаться в соответствии с законом спроса и предложения. Но очень скоро начнутся колебания в обратном порядке, так что средняя цена будет

по-прежнему определяться трудом. Труд — это как бы сила притяжения, воздействующая на движения маятника спроса и предложения.

С узкой точки зрения торговца, важны именно эти колебания, ибо они угрожают содержимому его чулка или сейфа, но для историка, рассматривающего политику и экономику в широком плане, это не так.

Могут также возразить, что в образовании «себестоимости» товара участвуют не только затраченный на его изготовление труд, но и сырье, орудия производства, складские помещения, транспорт и т. д. Но ведь вопрос стоит одинаково и для поставщиков всего этого, и в конечном счете мы всегда приходим к железу, углю, камню и т. п., стоимость которых определяется исключительно трудом, затраченным на их производство и добычу. Следовательно, стоимость товара есть не что иное, как овеществленный труд.

Но как же, спросите вы, соизмерить труд сапожника и архитектора или даже труд двух сапожников, работающих в зависимости от своего мастерства совершенно разными темпами? Здесь опять-таки на рынке происходит приведение к общему знаменателю: если 8 часов труда булочника будут цениться на рынке дороже, чем 8 часов труда металлиста, тогда молодые люди, собиравшиеся поступить на обучение в механический цех, предпочтут учиться на пекарей, и так будет происходить во всех отраслях производства, но только при равенстве прочих условий, т. е. продолжительности обучения, необходимой затраты мускульных усилий и т. д.

Поскольку же существует неравенство этих условий (характер труда, продолжительность обучения и т. д.), мы обнаруживаем, что происходящее на рынке стихийное регулирование позволяет установить новое соотношение: один час труда наладчика будет равноценен полутора часам труда ткача и т. д.

Другими словами, конкретные виды труда будут сведены к абстрактному труду как к их единой мере. А все виды сложного труда будут сведены к элементам простого труда. Сложным трудом называется такой труд, который требует знаний, приобретаемых ценой затраты большего или меньшего количества времени и денег. Сложный труд создает в единицу времени стоимость большей величины по сравнению с простым трудом. Но на рынке продукты сложного труда сопоставляются с продуктами простого труда. Таким образом, стоимость продуктов сложного труда выражается в определенном количестве простого труда, причем это делается само собой, помимо самих товаропроизводителей. Наконец, в каждый данный период времени труд выполняется с помощью определенных технических средств. Тот, кто задумал бы построить автомобиль своими силами, кустарным способом, должен был бы пенять на самого себя. Он получил бы за свой автомобиль

столько же, сколько платят за равный по качеству автомобиль заводу, оснащенному современным оборудованием.

Итак, после всех этих уточнений и поправок мы приходим к следующей формулировке закона стоимости: стоимость товара определяется общественно необходимым рабочим временем, затраченным на его производство при средней квалификации и интенсивности труда рабочих и при существующем в данную эпоху уровне техники.

В реальной действительности стоимость не выражается непосредственно в часах общественного труда, количество которых остается практически неизвестным. Стоимость товара выражается относительно, в процессе обмена, в другом товаре, на производство которого затрачено столько же общественно необходимого труда. Отношение, устанавливающееся таким образом между двумя или несколькими товарами, есть форма стоимости. Этот факт не представляет исключения в науке: есть и другие научные понятия, находящие лишь косвенное выражение через те или иные свои результаты. Так, мерилом теплоты является степень сжатия или расширения тел.

Всякие неосновательные, хоть и традиционные, возражения отпадут, как только мы перестанем смешивать (как это делают эмпирики и позитивисты) марксистскую теорию стоимости с изучением непосредственной механики цен и как только мы, отправляясь от сущности явлений (а в экономике она лежит в сфере производства) и пройдя через все сложные промежуточные звенья, получим возможность вернуться на поверхность явлений. Отпадут, например, возражения, связанные с ценой произведений искусства или ценой земли, поскольку нельзя забывать, что в данном случае речь идет о товарах, имеющихся в ограниченном количестве, или даже уникальных, и продающихся, следовательно, не по рыночной, а по монопольной цене. Или такое часто встречающееся в учебниках политической экономии «возражение», что, дескать, стоимость стареющего в погребе вина «возрастает без вмешательства нового труда», — «опровержение» неубедительное, поскольку здесь опять пытаются идти непосредственно от сущности к явлению, минуя необходимые промежуточные звенья: выравнивание нормы прибыли, время обращения капитала и т. д., которые как раз и позволяют объяснить, почему цена на старое вино выше его стоимости, а полученная от его продажи прибыль выше прибавочной стоимости.

Поставив все эти элементы на свое место, мы убедимся, что сформулированная Марксом трудовая теория стоимости не только легко выдерживает все эти вечные жалкие возражения, но и позволяет разрешить многие вопросы. Так, она позволяет понять долгосрочные тенденции цен, которые колеблются не в пустоте (как думают авторы всяких немарксист-

ских «теорий»), а вокруг той солидной оси, каковой является кривая прогресса техники и роста производительности труда.

Мы увидим также, что трудовая теория стоимости стала основой созданной Марксом теории прибавочной стоимости, которая нашла единый источник прибыли, процента и земельной ренты, — то, чего не удалось сделать Рикардо, — и позволила понять диалектику накопления капитала и обнищания трудящихся.

Эта же трудовая теория стоимости объяснила тенденцию средней нормы прибыли к понижению, а тем самым и диалектику кризисов, а также основное противоречие капитализма — противоречие между *общественным характером производства и частным присвоением продуктов труда.*

Словом, только трудовая теория стоимости может быть основой политической экономии как науки. Только она ей дает ее синтетическое единство и внутреннюю рациональность.

Благодаря этой теории мы можем априорно нарисовать себе «модель» экономической системы в двух вариантах: капиталистическом и социалистическом, и убедиться, что только социалистический вариант обеспечивает возможность подлинно рационального планирования. Именно так Маркс, не прибегая к утопии, смог предвосхитить основы социалистического планирования. «Если бы производство, — писал он, — было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что эти продукты подразделения I в целях воспроизводства не менее постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той отрасли производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие отрасли, и таким образом между различными отраслями производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях»[1].

Беттельхейм, подчеркивая в предисловии к своей работе «Теоретические и практические проблемы планирования»[2] роль трудовой теории стоимости, указывает: «Только она дает нам однородную счетную единицу, притом такую, которая имеет человеческое значение».

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. II; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 481.

[2] Ch. Bettelheim, Problèmes théoriques et pratiques de la planification.

Прибавочная стоимость и обнищание рабочего класса

> Норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом.
>
> (К. Маркс [1])

> Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала... возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса...
>
> (К. Маркс [2])

Чтобы понять диалектику обнищания рабочего класса, нам опять-таки надо будет припомнить здесь в общих чертах Марксову теорию прибавочной стоимости.

До возникновения капитализма деньги были лишь эквивалентом различных товаров, обмен которыми они облегчали: товаровладелец продавал то, в чем он не нуждался, чтобы купить то, в чем он нуждался.

Капиталист же, наоборот, начинает свою деятельность с покупки того, в чем он сам не нуждается (средства производства, сырье и т. д.), чтобы продать произведенный товар и вернуть себе вложенную в покупку стоимость с известной прибавкой.

Анализ закона стоимости показывает, что цены товаров постоянно тяготеют к их стоимости, т. е. к общественно необходимому количеству труда, затраченному на их производство.

В среднем капиталист покупает и продает товары по их стоимости. В операциях купли-продажи один из партнеров благодаря колебаниям спроса и предложения может выгадать в ущерб своему конкуренту, но поскольку каждый капиталист является поочередно покупателем и продавцом и поочередно то выгадывает, то проигрывает вследствие этих времен-

---

[1] «Капитал», т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 229.

[2] Там же, стр. 772.

ных колебаний, последние не могут служить объяснением получаемых классом капиталистов прибылей, а могут объяснять лишь случайные изменения в распределении прибылей между капиталистами.

Следовательно, прибыли не могут возникнуть в обращении. Карл Маркс поставил эту проблему совершенно четко: «Наш владелец денег... должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него»[1].

Решить эту проблему можно, лишь найдя на рынке товар, обладающий свойством создавать стоимость. Но стоимость создается трудом. А из всех имеющихся на капиталистическом рынке товаров способностью к труду обладает только рабочая сила. Стало быть, только она и может быть создателем стоимости.

Как и всякий другой товар, рабочая сила имеет стоимость, величина которой определяется затраченным на ее производство общественно необходимым временем.

Рабочий ежедневно расходует определенное количество энергии. Для ее восстановления он потребляет определенные продукты (его средства существования, в которые входят жилище, мебель, одежда, пища и т. д.); кроме того, чтобы приток рабочей силы не прекратился, должно быть обеспечено ее воспроизводство, т. е. рабочий должен иметь возможность содержать свою семью. Наконец, ему необходим минимум культуры и мастерства, для приобретения которых нужно время, т. е. расходы. Чем «квалифицированнее» рабочий, тем больше общественно необходимого рабочего времени затрачивается на его обучение.

Стоимость всех этих средств существования, т. е. затрачиваемое на их производство общественно необходимое рабочее время, и будет составлять стоимость рабочей силы. Нанимая рабочего, т. е. покупая товар «рабочая сила», капиталист может располагать им по своему усмотрению. Стало быть, он заставит его работать. Но рабочая сила обладает свойством трудиться больше, чем это нужно для ее содержания. Один американский статистик недавно подсчитал, что при современном уровне техники и с учетом среднего для нашей эпохи жизненного уровня для удовлетворения всех наших потребностей было бы достаточно трех часов работы в день.

Таким образом, проработав, скажем, три часа, рабочий возместит капиталисту расходы, производимые ежедневно для восстановления его рабочей силы. Но, наняв рабочего, капиталист приобрел право использовать его в течение всего рабочего дня, продолжающегося, скажем, восемь часов. Следовательно, предприниматель безвозмездно присвоит продукт

[1] Там же, стр. 176—177.

пяти часов труда. Этот продукт и есть *прибавочная стоимость*, т. е. разница между количеством затраченного труда и количеством труда, необходимым для производства того, что рабочий получает в форме заработной платы. Отношение между этими двумя категориями — прибавочным трудом (в данном случае пять часов) и трудом необходимым (три часа) — называется *нормой прибавочной стоимости*, или *степенью эксплуатации*.

Капиталист располагает очень простым средством создавать больше прибавочной стоимости. Таким средством является удлинение рабочего дня. До 1848 г. рабочий день не был ограничен. В результате февральской революции 1848 г. рабочий день по декрету от 2 марта был ограничен 10 часами в Париже и 11 часами в провинции. После поражения рабочих в июне 1848 г. рабочий день по закону от 30 сентября был снова увеличен до 12 часов.

Прибавочную стоимость можно также увеличить, повысив интенсивность труда с помощью надзора, системы штрафов или сдельной оплаты труда, при которой тарифные ставки устанавливаются в соответствии с выработкой одного особенно сильного или умелого рабочего.

Однако увеличение рабочего дня и повышение интенсивности труда все больше наталкиваются на организованное сопротивление рабочих.

Но у капиталиста есть другой выход: сократить общественно необходимое рабочее время, затрачиваемое на производство рабочей силы, т. е. на производство средств существования рабочего. Это позволяет сделать технический прогресс. Полученная таким способом прибавочная стоимость называется *относительной прибавочной стоимостью*. Именно она стимулировала развитие машинного производства.

Развитие машинного производства в свою очередь обрекает на безработицу массу рабочих, вытесненных конкуренцией машин.

«Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным стимулирует рост рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение... Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения»[1].

Так образуется то, что Маркс называл «промышленной резервной армией», которая, создавая конкуренцию между

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 274; т. 23, стр. 644—646.

рабочими, оказывает постоянное давление на заработную плату и порождает тенденцию свести ее к простым расходам на производство рабочей силы. Руководители капиталистического мира еще и сейчас считают нормальной и необходимой некоторую безработицу, препятствующую «чрезмерному» росту заработной платы [1]. В своем послании конгрессу о положении в стране в 1961 г. президент Кеннеди разъяснял, что для Соединенных Штатов тревожное положение создается только тогда, когда число безработных превышает 4 миллиона. Особенно четко этот тезис сформулировал в свое время президент Трумэн: «Постоянное существование резерва рабочей силы, занятой поисками работы, очень полезно для здоровья экономики» [2].

Ввиду того, что такое перенаселение рабочего класса тяготеет над законом спроса и предложения на рынке труда, то, заключает Маркс, «по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата... Закон, поддерживающий относительное перенаселение... в равновесии с размерами и энергией накопления... обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки, труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» [3].

Из абсолютного основного закона капитализма, каким является «производство прибавочной стоимости» [4], вытекает следующий необходимый вывод: капиталистическому способу производства свойственно ограничивать долю производителя тем, что необходимо для поддержания его рабочей силы.

Этот объективный закон развития действует как тенденция и является историческим законом. Поэтому его нельзя смешивать с мнимым «железным законом» Лассаля, провозглашающим, что заработная плата рабочих ни в коем случае не может превышать определенный уровень, зависящий от абсолютной численности населения. В основе этой догмы Лассаля лежала мальтузианская теория населения. В противовес этим мнимым «естественным законам» Маркс подчеркивал исторический характер законов народонаселения, а также стоимости рабочей силы, указывая, что сумма жизненных средств, необходимых для поддержания жизни рабочего, «размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения зависят в большой мере от культурного

[1] «Economist», 20.VIII. 1935.
[2] «Echo de la Bourse», du 15 décembre 1959.
[3] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 660.
[4] Там же, стр. 632.

уровня страны... Определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент»[1].

Итак, мы имеем дело с историческим законом, действующим как тенденция и никоим образом не предопределяющим непрерывность и неизбежность такого развития. Благоприятная конъюнктура или мощный подъем борьбы рабочего класса могут в любой момент побороть или временно обратить вспять эту тенденцию, которая выявляется лишь на длительном отрезке времени.

Впрочем, закон обнищания нельзя отождествлять ни с кривой реальной заработной платы, ни с кривой эволюции стоимости рабочей силы, подобно тому как закон стоимости не может быть прямо и непосредственно выражен в цифрах и его нельзя смешивать с простым, эмпирическим изучением движения цен за какой-нибудь короткий период.

Отсюда вытекают два следствия:

1. Обнищание нельзя приравнивать к простому снижению реальной заработной платы. Снижение реальной заработной платы может быть одним из элементов обнищания, однако это такой элемент, против которого самым непосредственным образом направлены «антагонистические факторы», к которым в первую очередь относятся профсоюзная и политическая борьба.

2. Точно так же обнищание не может определяться только растущим разрывом между стоимостью рабочей силы и реальной заработной платой. Во-первых, как и в предыдущем случае, рабочим в их борьбе против капиталистов иногда удается добиться по крайней мере частичного признания их нужд и тем самым приближения реальной заработной платы к стоимости рабочей силы (включая сюда и исторические элементы, связанные, по выражению Маркса, с «традиционным уровнем жизни»). Кроме того, такого определения недостаточно, поскольку оно затрагивает только «рабочую силу» рабочего, а не всю его личность.

Если бы даже реальная заработная плата точно совпадала со стоимостью рабочей силы и следовала бы за ее историческим развитием (что редко бывает), даже если бы она росла непрерывно (что бывает еще реже), то и тогда положение рабочих не перестало бы ухудшаться по мере накопления капитала.

Такое ухудшение является *относительным* в том смысле,

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 182. К. Маркс, Заработная плата, цена и прибыль; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 101—155. В «Критике Готской программы» (см. Соч., т. 19, стр. 9—32) Маркс опроверг так называемый «железный закон», который тогда был сформулирован Лассалем и который недавно в несколько измененном виде стали воскрешать опять под названием «адского цикла заработной платы и цен».

что доля заработной платы в национальном доходе уменьшается, а доля капитала растет.

С другой стороны, это ухудшение является *абсолютным* в том смысле, что, если даже абстрагироваться от капиталиста, препятствия, стоящие на пути развития личности рабочего, все увеличиваются.

Относительное обнищание рабочего класса мало кем оспаривается. Маркс дал ему следующую сжатую характеристику: «*Заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу*»[1]. Все эмпирические данные подтверждают тенденцию к сокращению доли заработной платы в созданном трудом продукте. Во Франции с 1954 по 1959 год производительность труда выросла на 24,6%, в то время как реальная заработная плата сократилась на 10%, а гарантированный минимум заработной платы — на 16%. Характеризуя положение в Англии, ярый противник марксистской политической экономии Джон Стрэчи констатирует: «Во времена Маркса доля заработной платы в национальном доходе... составляла около 50%. В первые годы XX века она упала до 40%. На этом уровне она оставалась примерно до 1939 г., а к концу второй мировой войны вновь достигла 50% (*включая и жалованье военнослужащих*)»[2]. И это несмотря на постоянную борьбу рабочих за повышение заработной платы. Ставя затем вопрос, можно ли отрицать, что капитализму свойственна тенденция к относительному обнищанию рабочего класса, автор отвечает: «Нет, нельзя»[3].

Эта тенденция совершенно отчетливо проявляется и в Соединенных Штатах Америки. Вот, например, доля заработной платы в чистом продукте («value added») обрабатывающей промышленности:

1880 г.	48,1%	1929 г.	35,5%
1890 г.	45%	1939 г.	36,7%
1899 г.	40,7%	1949 г.	38,5%
1909 г.	39,3%	1952 г.	35%[4]
1919 г.	40,5%		

Для всех современных премиальных систем оплаты труда (системы Роуэна, Хэлси, Бедо, Эмерсона, Рефа и др.) характерно то, что при них выработка рабочего растет быстрее, чем его заработная плата. На долю рабочего приходится все меньшая часть создаваемой им массы стоимостей, прибавочная же стоимость пропорционально возрастает. Так, при системе

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Наемный труд и капитал; см. Соч., т. 6, стр. 449.

[2] John Strachey, Contemporary capitalism [«Современный капитализм»], p. 133.

[3] Ibid., p. 151.

[4] U. S. Department of Commerce, Historical statistics of the USA, 1789—1939; Statistical Abstract, USA, 1958.

Роуэна, если выработка увеличивается на 50%, заработная плата возрастает на 33%, если выработка увеличивается на 100%, заработная плата возрастает на 50%, если выработка увеличивается на 200%, заработная плата возрастает на 60% и т. д.

Применение системы Бедо в Соединенных Штатах привело в общем к увеличению выработки на 50% при росте заработной платы на 20%[1].

Это означает, как писал Маркс, что «непременным условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является возможно более быстрый рост производительного капитала. Но что такое рост производительного капитала? Это рост власти накопленного труда над живым трудом. Это рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства занятости... то есть средства к жизни»[2]. Отнюдь не отрицая возможности относительного улучшения положения рабочих, Маркс добавлял: «Чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующее над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением богатства буржуазии... Работать, довольствуясь тем, что он сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой»[3].

Здесь мы имеем элементы определения не только относительного обнищания, но и закона абсолютного обнищания рабочего класса. Закон абсолютного обнищания выражает растущее отчуждение не только труда, но самой жизни рабочего. Даже если пролетариату удается расширить круг вещей, которыми он может пользоваться, то все равно по мере накопления капитала тяжесть силы, созданной трудом человека, но ставшей чуждой ему в форме господствующего над ним и эксплуатирующего его капитала, все увеличивается. Капиталистический строй, действие его законов отнимают у трудящихся все большую часть их собственно человеческой жизни, их настоящих человеческих стремлений и потребностей.

Под законом абсолютного обнищания понимается не только рост *«необеспеченности существования»*[4], но и растущий разрыв между исторически определенными потребностями рабочего класса и средствами, которыми он располагает для их удовлетворения.

---

[1] M. Dobb, Wages [М. Добб, Заработная плата], p. 71. Цит. по работе Манделя (op. cit.).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Наемный труд и капитал; см. Соч., т. 6, стр. 445.

[3] Там же, стр. 451.

[4] Ф. Энгельс, К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 233.

Это калечение в трудящемся человека обнаруживается во всех отношениях, как в физическом, так и в духовном.

Оно находит свое отражение в следующей трагической статистике: во Франции число несчастных случаев на производстве увеличилось с 619 тысяч в 1938 году до 1229 тысяч в 1958 году. Погоня за повышением производительности труда, ускорение производственных темпов оставляют свой след не только на теле, но и на психике человека. Так, число психических заболеваний в департаменте Сена выросло вдвое только за один год (с 10,5 тыс. в 1954 году до 21 тыс. в 1955 году). Профессор Пьедлиевр считает, что с 1953 по 1959 год число душевнобольных во Франции увеличилось в четыре раза.

Мы видим, что закон абсолютного обнищания находит свое отражение не только в заработной плате, но и в том факте особенно, что функция трудящегося как наемного рабочего капитала поглощает все большую часть его жизни. Как писал Маркс еще в «Рукописях 1844 года», «*повышение заработной платы*... было бы... не более чем *лучшей оплатой раба* и не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства»[1].

Формой отчуждения, особенно характерной для этого обнищания человека, является полный разрыв между трудом и другими сферами жизни и деятельности человека, потеря трудящимся контроля не только над продуктом, но и над самим актом труда, ускорение ритма его труда, растущая автоматизация, деградация квалифицированного труда, нервное истощение, которое обесценивает досуг, позволяя лишь пассивные развлечения, обезличенные и ставшие предметом коммерции. Так, во Франции продажа книг, значащихся в каталогах под рубрикой «общей культуры», сократилась с 1955 года на 4%. Зато продажа детективных романов и «душещипательной литературы» выросла с 1955 по 1959 год более чем вдвое.

В Париже не осталось теперь и одной трети из тех народных, любительских хоровых ансамблей, которые существовали в 1938 году, а число любительских театральных кружков сократилось за 20 лет с 53 до 12. Предпочтение отдается пассивному досугу, проводимому у телевизора.

Такое понимание закона абсолютного обнищания, вытекающего из основного закона развития капитализма, исключая всякий реформизм, дает истинному гуманизму конкретную революционную основу: только уничтожение капиталистической экономики, основанной на прибыли, и установление социалистической экономики, основанной на потребностях человека, положит конец отчуждению человека и создаст условия для всестороннего развития личности.

---

[1] К. Маркс, Экономическо-философские рукописи 1844 года; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 570.

Противоречия капитализма и кризисы

Настоящий предел капиталистического производства — это *сам капитал.*

(К. Маркс[1])

Наряду с обнищанием рабочего класса движению капитализма к собственной его гибели способствует и другой закон, также порождаемый прогрессом техники и ростом механизации при капиталистическом строе: закон тенденции средней нормы прибыли к понижению.

«Одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли»[2].

Здесь опять-таки речь идет о внутреннем, необходимом законе капиталистического строя: под давлением конкуренции и требований рабочих капиталистические предприниматели вынуждены без конца совершенствовать технику производства. Доля постоянного капитала (C), т. е. машин, растет, даже если доля переменного капитала (V), т. е. заработной платы, остается неизменной или даже несколько падает. Следовательно, норма (t) прибавочной стоимости (pv) неизбежно будет понижаться, ибо

$$t = \frac{pv}{C+V}.$$

Этот закон вынуждены признавать даже противники марксизма. Один из них пишет: «По мере того как система накапливает все больше производственного оборудования, норма прибыли на новый и старый капитал уменьшается»[3].

Официальная статистика регистрирует факты, подтверждающие этот неумолимый закон. Вот данные по американской промышленности за треть века, в течение которой было достигнуто наибольшее расширение производства[4]:

[1] «Капитал», т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 274.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 244.

[3] Klein, The Keynesian revolution, p. 68.

[4] U. S. Department of Commerce. Historical statistics of the USA; цитируется по книге Манделя (op. cit.).

	Постоянный капитал основной	оборотный	Зарплата	Прибыль	Норма прибыли
1889 г.	350	5 162	1 891	1 869	26,6%
1899 г.	512	6 386	2 259	1 876	20,5%
1909 г.	997	11 783	4 106	3 056	18,1%
1919 г.	2 990	36 229	12 374	8 371	16,2%

Чтобы обеспечить дальнейшее увеличение массы прибылей, несмотря на понижение нормы прибыли, предприниматели вынуждены развивать дальше свое производство, иначе говоря, совершенствовать оборудование (т. е. еще больше ускорять понижение нормы прибыли) и интенсивнее эксплуатировать рабочую силу (что ведет к росту обнищания). Противоречие между развитием производительных сил, необходимым для получения максимальной индивидуальной прибыли, и производственными отношениями, которые все меньше соответствуют этому развитию, непрерывно обостряется.

Сокращение издержек производства и рост производительности труда, необходимые для обеспечения рентабельности предприятия, требуют применения все лучшего и все более дорогостоящего оборудования. Победа предприятий с более высоким органическим составом капитала означает гибель более мелких и слабых конкурентов.

«Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда... для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства» [1].

Это явление концентрации как в промышленности, так в торговле и в земледелии, слишком очевидно, чтобы на нем стоило долго задерживаться. История капитализма есть история экспроприации все большего числа собственников в интересах все более узкого монополистического меньшинства.

Капитализм ведет к растущей пролетаризации средних классов, людей, некогда владевших капиталами, а теперь располагающих лишь своей рабочей силой.

Эта эволюция классовой структуры капиталистического общества находит свое отражение в следующих разительных цифрах, характеризующих положение в Соединенных Штатах [2]:

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 642.

[2] Эти цифры (в процентах от общего числа самодеятельного населения) за 1880—1939 гг. взяты из работы: Spurgeon Belle, Productivity, wages and national income; и за 1950—1957 гг. из Statistical abstract USA, 1958 (приводятся также в работе Манделя).

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.
Все работающие по найму	62	65	67,9	71,9	73,9
Все предприниматели	36,9	33,8	30,8	26,3	23,5
	1930 г.	1939 г.	1950 г.	1957 г.	
Все работающие по найму	76,8	78,2	79,8	84,2	
Все предприниматели	20,3	18,8	17,1	14,0	

Другим показателем концентрации является рост числа банкротств более мелких компаний. В 1947 году в Соединенных Штатах обанкротились 3474 компании, в 1949 году — 9246, в 1954 году — 11 086, в 1956 — 12 686, в 1958 году — 14 964.

Это историческое развитие приводит к засилью монополий в крупных отраслях экономики. В 1956 году в металлургической промышленности Соединенных Штатов восемь монополий контролировали 82% производства стали; две из них, «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и «Бетлехем стил корпорейшн», владели половиной производственных мощностей по выплавке стали в стране.

В автомобильной промышленности США 95% машин выпускают с 1955 года три фирмы: «Дженерал моторз», «Форд» и «Крейслер».

Почти все предприятия электротехнической промышленности США принадлежат двум монополистическим группам: «Дженерал электрик» и «Вестингауз компани».

В производстве химических продуктов безраздельно господствует трест Дюпон де Немур.

Такая же концентрация наблюдается во всех крупных капиталистических странах. Во Франции четыре фирмы выпускают 95% легковых автомобилей. На долю одной компании приходится 80% производства красителей. Все производство алюминия сосредоточено в руках одной фирмы.

Еще разительней концентрация проявляется в сельском хозяйстве, где крупные предприятия все больше вытесняют мелких земельных собственников.

Конечно, можно говорить о «новых средних классах», чей уровень жизни соответствует в общем жизненному уровню старых средних классов. Эти новые средние классы принадлежат к той сложной иерархии, которая возникла в каждом крупном капиталистическом предприятии и представляет собой промежуточное звено между предпринимателем и рабочим. Это инженеры, заведующие лабораториями, заведующие и сотрудники отделов сбыта и рекламы, планирования, изучения рынка, научно-исследовательских отделов и т. д. Но эти «новые средние классы» существенно отличаются от прежней средней буржуазии. Они уже не владельцы средств производства, а наемные служащие, даже если по размерам получаемого ими жалованья, традициям, образу жизни и взглядам

они и не принадлежат к пролетариату в прямом смысле этого слова.

Одним из самых характерных явлений, сопутствующих развитию капиталистической экономики, являются кризисы.

Сначала напомним в общих чертах механизм возникновения кризисов, описанный Марксом.

Масса пролетариев потребляет все уменьшающуюся часть растущих общественных богатств (относительное обнищание), в результате чего тенденция к неограниченному расширению производства наталкивается на пределы платежеспособного спроса. «Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» [1]. Так возникают кризисы перепроизводства, т. е. периоды, когда изобилие порождает нищету. Причина этих кризисов заключается в том, что при капитализме масса пролетариев не в состоянии покупать продукты, все быстрее выпускаемые непрерывно развивающейся промышленностью. При капиталистическом строе производство носит общественный характер, оно сосредоточено на крупных предприятиях и, следовательно, ведется в крупных, массовых масштабах. Присвоение же прибылей остается частным. Оно осуществляется кучкой капиталистов, не способной потребить все произведенные богатства. Огромная же масса трудящихся, которая могла бы потребить эти товары, не обладает достаточной покупательной способностью. Таким образом, производится много, а потребляется мало. В этом одно из противоречий капитализма и постоянная причина кризисов. Кризисы порождаются противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Следовательно, причина кризисов перепроизводства кроется в самом капиталистическом строе.

Этим объясняется их циклический характер: кризисы возникают с промежутками в 7—11 лет, не считая периодов, когда на развитие экономики оказывали влияние войны 1870—1871, 1914—1918 и 1939—1945 годов. При этом наблюдается тенденция к сокращению промежутков между кризисами. Во Франции кризисы имели место в 1825, 1836, 1847, 1857, 1873, 1882, 1890, 1900, 1907, 1920, 1930 и 1957 годах.

Каков же механизм возникновения кризисов? Производимые стоимости являются товарами. Следовательно, условием их потребления является продажа. Но потребление масс

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 26.

ограничено не их потребностями, а их покупательной способностью. Стало быть, наступает момент, когда в разгар процветания спрос на предметы широкого потребления (продовольственные товары, ткани и т. д.) перестает расти.

Однако продажа средств производства (машин, технического оборудования и т. д.) продолжается прежними темпами еще некоторое время, так как она не зависит непосредственно от покупательной способности масс, а определяется наличием у промышленников свободных средств.

Итак, процветание продолжается, акции промышленных предприятий по-прежнему скачут вверх. Так как одно повышение влечет за собой другое, обращаются к услугам банков. Поощряемые этим общим повышением цен и курса ценных бумаг, открывающим как будто бы широкие возможности для спекуляции, капиталистические производители создают запасы товаров.

И вот в тот самый момент, когда дела капиталистов идут как нельзя лучше, вспыхивает кризис. Все шло хорошо, но все было просто «спекуляцией», то есть предвосхищением будущего.

Итак, в какой-то момент наступают (вследствие невозможности сбыть некоторые продукты, продажа которых ограничена покупательной способностью масс) задержки в платежах. Одна категория продавцов оказывается неплатежеспособной. В большинстве случаев накануне крупного кризиса это наблюдалось в торговле тканями как типичным товаром широкого потребления, который можно запасать.

Поскольку все капиталисты связаны друг с другом системой кредита, то замедление сбыта какого-нибудь товара, количество которого на рынке превышает покупательную способность масс, делает неплатежеспособным его продавца. Он не может расплатиться со своим поставщиком, а тот в свою очередь становится неплатежеспособным по отношению к товаропроизводителю. Мало-помалу это явление распространится на всю систему кредита. А поскольку все кредитные операции сосредоточены в банках, неплатежеспособность должников банка вызовет неплатежеспособность самого банка.

В реальных условиях это происходит внезапно: так как банк является средоточием всех спекуляций, то именно там и обнаруживается в первую очередь, что рост деловой активности прекратился.

Подрыв доверия в разгар спекулятивной деятельности служит сигналом к панике, началом катастрофы. Вот почему момент возникновения кризиса можно определить с большой точностью. Так, кризис в 1929 году начался большим биржевым крахом в Нью-Йорке. Он произошел 22 октября, в 6 часов вечера, за час до закрытия биржи.

С этого момента начинается цепная реакция: в первую очередь прекращение «банковских операций» бьет по спекулянтам.

Поэтому, хотя кризисы уходят своими корнями в производство, сначала они возникают в области кредита, на бирже. Бешеное повышение курсов сменяется их бешеным понижением. Не находя более кредита, промышленники и торговцы стремятся во что бы то ни стало сбыть свои запасы и выбрасывают их на рынок. Это ведет к огромному превышению предложения над спросом, что вызывает общее резкое падение цен.

Дезорганизовав кредит и торговлю, кризис, наконец, охватывает производство. Предприятия, лишенные рынков сбыта и кредитов, увольняют рабочих или снижают заработную плату. В обоих случаях покупательная способность масс снова падает, и цикл начинает развиваться все быстрее.

В 1932 году производство средств производства во всех странах сократилось на 50% против 1928 года. Судостроение сократилось на 90%, производство текстиля — на 15%.

Объем мировой торговли, импорта и экспорта, упал с 68,6 млрд. золотых долларов в 1929 году до 26,8 млрд. в 1932 году. Выплавка стали во всем мире, служащая барометром промышленной активности, сократилась со 120 млн. тонн в 1929 году до 50 млн. тонн в 1932 году. В Германии на безработицу был обречен каждый третий рабочий, в Англии — каждый четвертый, в Соединенных Штатах — двое из семи. Всего в 1932 году только в этих трех странах на 74 млн. работающих приходилось более 21 млн. безработных.

В таких случаях мы становимся свидетелями уничтожения производительных сил. Хлеб и кофе используют вместо горючего в паровозных топках, молочных коров забивают, сжигают хлопковые плантации, разрушают заводы, построенные и оснащенные по последнему слову техники, затопляют шахты, скупают патенты на изобретения, чтобы не допустить применения новых машин.

Это варварское истребление продуктов труда вместе с банкротствами, закрытием предприятий, безработицей приводит к сужению производства и к временному исчезновению излишка производительных сил общества. «Просперити» возрождается, как цветок на развалинах.

Яркое описание кризиса было дано Энгельсом в его «Анти-Дюринге»:

«Начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. В торговле наступает застой, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные день-

ги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся массы товаров по более или менее сниженным ценам не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы в конце концов после самых отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова»[1].

Преодоленный ценой всех этих катастроф кризис влечет за собой, как важное последствие, усиление капиталистической концентрации вследствие исчезновения части предприятий.

Таким образом, *«настоящий предел* капиталистического производства — это *сам капитал»*[2]. Все противоречия капиталистического способа производства в конечном счете сводятся к одному, основному противоречию между фактическим обобществлением производства и частной формой присвоения.

При капитализме производство, базирующееся не на удовлетворении потребностей, а на извлечении прибылей, как бы отделяется от потребления, живет самостоятельной жизнью, превращается в самоцель. Периодически возникающие конвульсивные кризисы a posteriori приспосабливают это производство к возможностям платежеспособного спроса в обществе. Периодические кризисы — это кризисы реализации прибавочной стоимости. Как отмечал уже Сисмонди, недостаточная покупательная способность масс не позволяет им купить все продукты, произведенные в течение определенного периода времени. Созданная прибавочная стоимость кристаллизуется в форме не находящих сбыта товаров.

Таким образом, капиталистическое производство развивается неравномерно, скачками, с остановками и даже спадами. Внедрение новых машин, новых методов производства меняет себестоимость продукта, но это изменение может быть осознано лишь задним числом, когда приостановка сбыта товаров покажет, что в определенном секторе был затрачен лишний общественный труд.

Вот почему при капитализме кризисы носят циклический характер, связанный со скоростью обращения капитала. Сам

[1] Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 287.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 274.

Кейнс признавал: «Есть известные причины — прежде всего, долговечность устойчивых капиталов в сочетании с нормальным ритмом их накопления, затем издержки, связанные с хранением излишних запасов, — в силу которых период упадка... не колеблется, например, между одним и десятью годами, а повторяется с определенной регулярностью» [1].

В своем «Очерке марксистской политической экономии» Мандель совершенно справедливо пишет: «Циклическое движение капитала есть, следовательно, не что иное, как механизм, посредством которого проявляется тенденция средней нормы прибыли к понижению. В то же время оно представляет собой реакцию системы на это понижение в форме обесценения капитала в период кризисов. Кризисы позволяют периодически приспосабливать количество труда, действительно затраченного на производство товаров, к количеству общественно необходимого труда, индивидуальную стоимость товаров — к их общественно необходимой стоимости, прибавочную стоимость, воплощенную в этих товарах, к средней норме прибыли. Поскольку капиталистическое производство — это не заранее планируемое и организованное производство, то такое приспособление происходит не a priori, но a posteriori. Поэтому оно неизбежно сопровождается потрясениями, гибелью тысяч жизней, огромных масс ценностей и созданных богатств. Колебания нормы прибыли вскрывают внутренний механизм экономического цикла. Они объясняют его общий смысл как периодического восстановления условий равновесия капиталистического воспроизводства» [2].

Расширенное воспроизводство могло бы развиваться без перебоев и кризисов только в том случае, если бы в силу некой предопределенной чудесной гармонии (неосуществимой в рамках капиталистической экономики) закупки потребительских товаров точно уравновешивались закупками средств производства. Бескризисное развитие производства (возможное только после уничтожения капиталистического строя и установления строя социалистического, базирующегося на удовлетворении потребностей и позволяющего сознательное планирование) требует строго пропорционального развития обоих подразделений. При капитализме кризисы являются признаком периодического нарушения равновесия и его насильственного восстановления.

Свойственны ли кризисы и их цикличность также и современной эпохе?

Даже когда кризисы в отличие от кризиса 1929 года не выливаются в настоящий катаклизм, они тем не менее периодически, отражая конвульсивный характер развития капита-

[1] Keynes, Théorie générale de l'emploi, du revenu et de l'impôt, p. 330.
[2] Mandel, Traité d'économie marxiste, t. II, p. 431—432, Paris, 1963.

лизма, продолжают возникать, как бы это ни маскировалось частично гипертрофией военного производства, представляющей собой патологическое явление в экономике. Эти кризисы проявляются во временных спадах производства и в росте безработицы.

Так, например, во время кризиса 1948—1949 годов объем производства в Соединенных Штатах сократился на 11%, а во время кризиса 1957—1958 годов — на 15%[1]. Второй из этих кризисов затронул не только Америку: с первого квартала 1957 года по второй квартал 1958 года промышленное производство во всем капиталистическом мире сократилось на 5%.

С другой стороны, относительное ускорение темпов развития в 1950—1955 годах, в период между двумя кризисами, было следствием конъюнктурного подъема, вызванного инфляцией, которую породила война в Корее. 8 июня 1957 года [французский] «Bulletin des Sociétés financières» [«Бюллетень финансовых компаний»] писал (p. 3): «Одним из факторов, способствующих деловой активности, всегда остаются вооружения, на которые падает значительная часть промышленной деятельности, так что... если бы США и СССР удалось договориться, это было бы бедствием с экономической точки зрения». Впрочем, здесь мы имеем дело не с болезненным или исключительным явлением, а со следствием, вытекающим из самой природы, из самой сущности капиталистического строя. 30 ноября 1948 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Расходы на вооружения и помощь иностранным государствам поддерживают деловую активность. Если будет обеспечен мир, все придет в расстройство».

Другим показателем служит безработица. В 1954 году число безработных в Соединенных Штатах превысило 3,6 млн. человек; в 1958 году оно достигло 4,7 млн., а в первом квартале 1961 года — 5,6 млн.[2]. Что касается дальнейших перспектив, то бывший председатель Комитета экономических советников при президенте Трумэне Леон Кейзерлинг писал: «В 1965 г. общее число безработных может приблизиться к семи миллионам»[3].

Однако государственно-монополистический капитализм позволяет широко применять предложенный Кейнсом для стимулирования экономики метод государственных инвестиций.

Решающую роль в этой попытке стимулировать экономику играет гонка вооружений. Но это ненадежное средство, ибо оно обостряет внутренние противоречия капитализма, еще больше снижая в результате увеличения налогов и роста дороговизны покупательную способность масс. Этот «допинг»

---

[1] Statistical abstracts USA, 1960, Monthly Bulletin of statistics.
[2] Ibid., Survey of Current Business (may 1958—may 1961).
[3] Harper's Magazine, September 1961, p. 25.

капиталистической экономики оказывает на ее здоровье такое же вредное и в конечном счете губительное воздействие, какое физиологический допинг оказывает на живой организм.

Эти же замечания относятся и к другим попыткам крупных капиталистических стран «оживить» свою экономику. Так в качестве панацеи преподносится помощь слаборазвитым странам, которая действительно могла бы помочь решению ряда проблем. Но капиталистические страны прибегают к ней как к временному средству, и к тому же масштабы помощи заставляет ограничивать боязнь быстрой индустриализации этих стран и превращения их в конкурентов.

Корень зла — во внутренней диалектике капиталистического строя и его противоречий, которые нельзя устранить, а можно лишь замаскировать на более или менее длительное время с помощью таких неизбежно преходящих средств, как военное производство или неоколониализм.

Решающим доказательством правильности марксистской теории кризисов и ее актуальности служит экономическое развитие стран, которые, построив социализм, избавили себя от внутренних противоречий капитализма и достигли таких темпов развития, каких не знает капиталистический мир.

Что касается Советского Союза, то капиталистические «эксперты» — после того как им пришлось признать, что ликвидация частной собственности на средства производства не привела к экономическому хаосу, который они (в том числе и Кейнс) сначала предсказывали, и что «планы», которые они называли утопией, оказались вполне реальными, что экономика СССР отнюдь не «выдохлась» по достижении определенного уровня (о чем они непрестанно твердили, в то же время год за годом отодвигая момент ее краха), — теперь констатируют, что темпы развития советской экономики ускоряются и растут в геометрической пропорции. Экономисты, технические специалисты и политические деятели Запада теперь открыто выражают боязнь, как бы их страны не оказались побежденными в экономическом соревновании двух систем. Показательно, что автор «Антикоммунистического манифеста» Уолт Ростоу пишет: «Нависшая над Америкой угроза кроется не в той помощи, которую Советский Союз оказывает странам Южной Америки или другим странам, и не в расширении советской торговли с ними. Опасен социалистический метод управления экономикой, позволяющий за сравнительно короткий срок превратить отсталую страну в развитую» [1].

Специальный советник государственного департамента Честер Боулз с горечью констатировал в 1961 году: «Советское хозяйство развивается гораздо более быстрыми темпами, чем наша экономика. Для тех, кто в Америке и других странах

[1] U.S. News and World Report, February 13, 1961, p. 78.

был склонен принимать желаемое за действительное и кто еще несколько лет назад с пренебрежением относился к научным и промышленным возможностям Советского Союза, настал час горького пробуждения».

Таков в экономическом плане масштаб посмертной победы Маркса. В 1848 году в Европе Меттерниха он писал: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Сегодня этот призрак, обретший плоть, бродит по всему миру, и вот уже полвека его противники ведут против него как с теоретической, так и с практической точки зрения только арьергардные бои, кидаясь от одного опровергнутого прогноза к другому.

Несмотря на отчаянные попытки экономистов — противников марксизма — закрыть глаза на действительность и все отрицать, практическая, экспериментальная проверка истинности марксизма происходит ныне во всемирных масштабах.

Это предъявляет новые требования и к самим марксистам. Теперь уже недостаточно популяризовать основные положения марксизма и опровергать антимарксистские софизмы, как в те времена, когда марксизм был всего лишь надеждой. Правда, такая популяризация и такая полемика сохраняют все свое значение и теперь и даже более необходимы, чем когда-либо. Но марксизм перестал быть только позицией, которую надо отстаивать и защищать. Победа, одержанная марксизмом на поле испытания его практической действенности, дает возможность предпринять новые самые смелые и победоносные теоретические шаги.

Возражения против основных принципов марксизма становятся все более мелочными, превращаются в самую убогую софистику. Возьмем, к примеру, тезис о «технократии», согласно которому капитализма, как его описал Маркс, больше якобы не существует и руководящим элементом в экономике стал, дескать, уже не капиталист, а управляющий (менеджер). Но утверждать подобное — значит, во-первых, забывать, что Маркс уже в «Капитале» ясно указал на растущую роль управляющих как организаторов производства, поскольку труд по надзору, функция управления все больше «отделяется от собственности на капитал»[1]. Кроме того, это решительно ничего не меняет в картине, нарисованной Марксом, ибо ни при капитализме, ни при социализме «технократии» как таковой, т. е. власти технических специалистов, просто не существует. И в том и в другом случае *цели* (извлечение прибылей с капитала или удовлетворение реальных потребностей нации) *определяют* не технические специалисты. При капитализме специалист, который становится «технократом», лишь

[1] К. Маркс, Капитал, т. III; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 479.

поступая на службу к монополиям, является только управляющим: он использует свои научные и технические знания для того, чтобы отыскивать и применять наиболее эффективные *средства* достижения главной, но не им устанавливаемой цели — получения максимальной прибыли.

Некоторые из этих средств вполне может позаимствовать и марксизм, чтобы использовать их для достижения других целей. Если в экономике, так же как в философии и во всех областях культуры, эти возможности творческого развития, интеграции и прогресса отчасти игнорировались в те времена, когда Сталин отводил политической экономии прагматическую или апологетическую роль и стеснял ее развитие догматизмом и оппортунизмом, то сегодня их можно использовать, как никогда еще, широко в строительстве социализма в самых различных условиях и для построения коммунизма, в исследовании еще не изученных проблем этого строительства, путем привлечения на службу социалистическому планированию технических методов, которые открыл капитализм, но которые он уже обрек на бесплодие.

Технические открытия в области эконометрии, усилия, предпринимаемые к тому, чтобы представить экономическую систему в форме математической модели, позволяющей изучать цикл и темпы экономического роста, могут найти для себя настоящее поле применения только в условиях плановой экономики социализма, где с их помощью можно будет научиться делать правильный выбор между различными проектами капиталовложений для обеспечения пропорционального развития различных секторов.

Речь идет не об общей ориентации экономики, не о постановке самих проблем, а лишь о технике, то есть методах, позволяющих решать эти проблемы, исходя из целей, определяемых общетеоретическими положениями политической экономии Маркса.

То же самое относится к «операционным» исследованиям, то есть к искусству научной подготовки решений с целью обеспечить эффективность действия. Эта логика действия, обеспечивающая его рациональность, позволяет определять, исходя из заранее поставленных целей, оптимальные условия использования ресурсов и технических средств, рекомендовать наиболее эффективную организационную структуру, рационализировать управленческую деятельность.

Наука программирования и анализа в области внутреннего учета, занимающаяся выбором методов для достижения поставленной цели в случаях, когда средства поддаются измерению, а цель может быть достигнута полностью или нет; кибернетика, которая изучает при помощи абстрактной модели систему элементов, связанных отношениями взаимодействия, и выражает математически отношения между причинами и

следствиями и их возвратные действия, определяющие развитие системы; «проспектирование» (как изучение далекого будущего) основных тенденций и факторов, а также самой техники предвидения с целью подготовки к действиям, — все это в условиях марксистской экономики, и только в этих условиях, может достигнуть полного расцвета, когда эти науки и технические методы будут служить не извлечению максимальной прибыли, а человеку, безграничному всестороннему развитию всех людей.

МАРКС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

«Конечной целью моего сочинения, — писал Маркс, — является открытие экономического закона движения современного общества» [1].

Из этого закона вытекает необходимость перехода от капитализма к социализму, того, что Маркс называл в «Капитале» экспроприацией экспроприаторов. Однако Маркс никогда не смешивал необходимость и фатальную неизбежность. Одним из элементов осуществления необходимости является деятельность человека. Маркс определил рабочее движение как «сознательное участие в... историческом процессе революционного преобразования общества» [2].

ОТ УТОПИИ К КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Основным понятием марксистской политики, равно как марксистской философии и политической экономии, является понятие класса. Анализ, произведенный Марксом в «Капитале», позволил подвести под это понятие научное основание. В соответствии с общей ориентацией марксистской политической экономии, считающей, что сущность экономических явлений следует искать в производстве, общественные классы отличаются друг от друга ролью, которую они играют в производстве. С этой точки зрения пролетариат, как класс, отличает следующее:

1. Он не владеет никакими средствами производства.

2. Он производит путем продажи своей рабочей силы прибавочную стоимость.

3. Он более или менее ясно сознает место, занимаемое им в капиталистическом обществе, и свою историческую миссию.

[1] К. Маркс, Капитал, т. I; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 10.

[2] К. Маркс, Господин Фогт; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, стр. 451.

Определяя в «Коммунистическом манифесте» задачу коммунистов, Маркс [и Энгельс] одновременно формулируют основную задачу рабочего движения: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время... они отстаивают и будущность движения» [1].

До Маркса понятие класса было сформулировано, в частности, французскими историками периода Реставрации и английскими экономистами, понятие же пролетариата было введено социалистами-утопистами. Но для них отличительными чертами пролетариата были главным образом его нищета и страдания, а не его борьба и конечные цели.

Уже в своей работе «К критике гегелевской философии права» Маркс, еще в философской форме, охарактеризовал пролетариат как самостоятельную историческую силу, выполняющую в истории гегелевскую функцию отрицания.

В «Капитале» определение пролетариата, а вместе с тем и определение буржуазии, становится объективным и научным. В основе определения буржуазии лежит не ее богатство или ее мировоззрение и не какой-либо другой критерий, относящийся в экономике к сфере распределения или даже к сфере психологии и морали, а то место, которое она занимает в производстве как собственница средств производства, извлекающая из трудящихся прибавочную стоимость.

В «Капитале» Маркс больше всего уделяет внимания этим двум классам, поскольку они играют главную роль в развитии капиталистической системы. Однако Маркс не забывает и о других классах общества. Во втором и третьем томах «Капитала» он анализирует не только структуру и развитие класса земельных собственников, получателей ренты, и особые формы аграрной эксплуатации, но также средние сословия и основанные на объективных критериях различия между производительными и непроизводительными классами. В другом месте Маркс [и Энгельс] подчеркивали, в частности, противоречия, присущие самой природе средних сословий, которые «борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата» [2].

Богатство и сложность марксистской концепции классов предстают со всей очевидностью в исторических работах

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 458.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии; см. Соч., т. 4, стр. 434.

Маркса, в его статьях «Классовая борьба во Франции», в его «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» и работах о Парижской коммуне.

Главная задача, которую Маркс поставил перед собой в области политической теории, состояла в том, чтобы точно, на основании объективных критериев, определить историческую миссию пролетариата. «Дело не в том, — писал Маркс, — в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что́ такое пролетариат на самом деле* и что́ он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать» [1].

Пролетариат не может осознать свою миссию только в экономической борьбе. Он сумеет это сделать лишь тогда, когда обретет политическое сознание, осознает теоретически, научно весь ход истории. В «Нищете философии» Маркс показал, какие объективные факторы делают возможным переход пролетариата от экономической борьбы к борьбе политической. «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции*... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер» [2].

Теоретическое сознание, необходимое для того, чтобы пролетариат из класса «в себе» стал классом «для себя», приходит к нему в результате упорной борьбы против господствующих идей, стихийно подчиняющих себе массы и являющихся идеями правящего класса.

Чтобы внедрить в него это сознание, надо было также постоянно бороться против всяких утопий. С этого Маркс и начал свою политическую борьбу, но он продолжал ее вести и в 1877 году. «В Германии, — указывал он, — в нашей партии... пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу... с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — современ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 40.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 183.

ной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства»[1].

Само развитие марксистской мысли, начинающееся с разрыва с утопией, подтверждает правильность марксистского положения, согласно которому «существование революционных мыслей в определенную эпоху уже предполагает существование революционного класса»[2].

Английский чартизм, восстания лионских ткачей во Франции и силезских ткачей в Германии были уже признаками существования рабочего класса, ставшего самостоятельной исторической силой. Научная заслуга Маркса и его концепции истории заключалась в осознании того, что эти движения не были случайными, что дело шло о более или менее развитых формах исторически необходимой борьбы пролетариата против господствующего класса.

С этого момента коммунизм переставал быть утопией, идеалом совершенного общества, который подсказывало чувство или воображение; он превращался в идеологию действительно существующего движения, основанную на осознании характера, условий и целей борьбы, которую эффективно вел рабочий класс. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс поставили коммунизм на научную основу. Теперь это была не только доктрина, но и движение. Теперь надо было исходить уже не из моральных чаяний, не из гегелевских умозрительных построений или фейербаховского гуманизма, а из объективного и научного анализа законов исторического развития.

Эта новая концепция наталкивалась на старые, утопические и заговорщические концепции коммунизма.

После провала в 1839 году бланкистского заговора в Париже «Союз справедливых» рассеялся по разным местам. Между одними его членами, которые бежали в Швейцарию и проповедовали вместе с Вейтлингом утопические и заговорщические планы, и другими, которые эмигрировали в Лондон и под влиянием чартистского движения стали бороться против таких взглядов, произошел разрыв. Маркс увидел в этом начало раскола между утопическим и научным коммунизмом. Чтобы помочь установлению идеологической ясности, Маркс весной 1846 года приступил к созданию корреспондентских комитетов. Как он писал Прудону 5 мая 1846 года, «главная цель нашей корреспонденции будет заключаться в том, чтобы установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими»[3].

---

[1] К. Маркс, Письмо Ф. А. Зорге, 19 октября 1877 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 234.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология; см. Соч., т. 3, стр. 46—47.

[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 394.

Связав себя с реально существующими движениями, Маркс рассчитывал покончить с утопией. Он хотел воспользоваться этими корреспондентскими связями для того, чтобы в брошюрах, отпечатанных типографским и литографским способом, подвергнуть беспощадной критике ту смесь франко-английского утопического социализма и коммунизма с немецкой философией, какой было в то время тайное учение «Союза справедливых», и заменить его научным пониманием экономической структуры буржуазного общества, которое только и могло дать движению прочный теоретический фундамент. Наконец, нужно было в популярной форме разъяснить, что задача заключается не в претворении в жизнь какой-то утопической системы, а в сознательном участии в совершавшемся историческом процессе социальной революции.

В начале 1846 года Маркс вел оживленную полемику с Вейтлингом, выступая против того, что он называл коммунизмом ремесленников и «философским» коммунизмом. Заслугой Вейтлинга было то, что он выступал против реформизма; он считал, что освобождение рабочего класса может прийти не путем реформ, проведенных с согласия буржуазии, а путем социальной революции против буржуазии,— революции, которая, уничтожив власть денег и установив общность имущества, создала бы отношения равенства и братства между людьми. Но этот мятеж и этот идеал были основаны не на научном анализе действительного исторического развития, а на требованиях морали, и в конце концов в своей книге «Евангелие бедных грешников» (1843 г.) Вейтлинг определил коммунизм как осуществление идеалов раннего христианства.

Разделавшись с Германом Криге, другом Вейтлинга и пропагандистом типично мелкобуржуазного, сентиментального коммунизма, Маркс в июле 1847 года должен был также развенчать и отбросить мелкобуржуазный реформизм и анархическую утопию Прудона. Он это сделал в «Нищете философии».

В своей нашумевшей брошюре о собственности, в которой он выбросил громкую формулу: «собственность есть кража», Прудон предложил форму социализма, выражавшую утопические чаяния средних классов. В конце своей книги «О справедливости в революции и в церкви» Прудон сообщил о себе самое важное: «Когда я кончил учиться, мне шел двадцатый год. Мой отец лишился своего земельного участка — его сожрала ипотека. Как знать: если бы он не зависел от общества земельного кредита, быть может, я на всю жизнь остался бы крестьянином и консерватором»[1]. Нельзя лучше выразить классовую точку зрения, от которой Прудон так никогда и не

[1] Proudhon, De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise, t. II, p. 407 (1858).

отошел. Сын мелкого разорившегося крестьянина, ставшего ремесленником, бондарем, после продажи его земли с молотка, Прудон сохранил на всю жизнь тоску по утраченной собственности. Социализм он определял следующим образом: «Образование умеренных состояний, универсализация среднего класса». Центральной для него была проблема кредита. Для мелкой буржуазии, обреченной на гибель самим развитием капитализма и тиранией банков, беспроцентная ссуда была панацеей от всех зол.

Отсюда такое множество противоречий в сочинениях Прудона. Он начинал с выдвижения самых крайних формул, а кончал апологией существующего строя.

Провозгласив сначала, что «собственность есть кража», он затем, в своей последней работе «Теория собственности», стал восхвалять буржуазную форму собственности, отстаивая лишь иллюзорные гарантии равновесия.

Провозгласив сначала, что «бог — это зло», и объявив себя «врагом бога», он затем, во введении к своей «Философии нищеты» (1846 г.), заявил, что «нуждается в гипотезе бога», и в самом деле, никто больше Прудона не взывал к провидению и к «вечным идеям и законам».

Провозгласив сначала, что «истинная форма правления — это анархия», он потом стал пресмыкаться перед диктатурой Наполеона III, которому даже посвящал свои работы.

У Прудона революционная фраза прикрывала стремление пойти на примирение с властями: «Я проповедовал примирение классов, символ синтеза доктрин» [1], — писал он и подхватывал формулу Наполеона III: «Удовлетворить справедливые требования пролетариата, не ущемляя прав, приобретенных классом буржуазии» [2].

С присущей ему манией морализировать Прудон все время старался устранить «плохие стороны», «эксцессы» капитализма, не трогая самого существа этого строя.

Говоря в «Нищете философии» о Прудоне, Маркс заключал: «Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом...» [3]

«Прудон принес громадный вред» [4], — писал Маркс, ибо нет другого учения, более способного отвлекать массы от настоящей борьбы. Революционная фраза, анархизм на словах, философский эклектизм, который, будучи не в силах возвыситься до действительной диалектики классовой борьбы, увеко-

---

[1] Proudhon, Correspondance, t. IV, p. 261.
[2] Ibid., t. VII, p. 357.
[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 147.
[4] К. Маркс, Письмо Л. Кугельману, 9 октября 1866 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 444.

вечивает противоречия, — против всего этого наследия прудонизма должна была повести борьбу подлинная, марксистская рабочая партия.

Маркс боролся не только против утопических идей, которые проповедовали коммунистические секты, но и против их заговорщических тенденций. В апреле 1850 года в журнале «Нейе Рейнише цейтунг» Маркс [и Энгельс] вынесли беспощадный приговор заговорщикам и их взглядам, отражавшим пренебрежение к действительности, презрение к теории и к массам. «Жизненное положение людей этой категории уже предопределяет весь их характер. Участие в пролетарском заговорщическом обществе, разумеется, могло предоставить им крайне ограниченные и ненадежные источники существования. Поэтому заговорщики постоянно вынуждены обращаться к кассе организации. Некоторые из них приходят даже в прямое столкновение с буржуазным обществом и фигурируют в более или менее благопристойном виде перед судом исправительной полиции... Само собой разумеется, что эти заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков... Полиция терпит заговорщические общества и вовсе не только как неизбежное зло. Она терпит их как легко поддающиеся надзору центры, в которых сосредоточены самые отчаянные революционные элементы общества, как мастерские по производству мятежей, ставших во Франции столь же необходимым средством управления, как и сама полиция, и, наконец, как место вербовки своих собственных политических шпиков... Шпионство — одно из их главных занятий. Поэтому неудивительно, что небольшой скачок от заговорщика по профессии к платному полицейскому агенту совершается так часто, если к этому еще толкают нищета и тюремное заключение, угрозы и посулы. Этим объясняется безграничная подозрительность, которая царит в заговорщических обществах, совершенно ослепляет их членов и заставляет их видеть в своих лучших людях шпиков, а в действительных шпиках своих самых надежных людей»[1].

Таким образом, теоретическая борьба, которую вел Маркс, позволила превратить коммунизм из утопии в науку и дала

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Рецензии из «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Ökonomische Revue», № 4; Соч., т. 7, стр. 286—289.

рабочему классу возможность перейти от заговоров к классовой борьбе.

В марте 1847 года Маркс вступил в «Союз справедливых». Он поставил перед собой задачу привлечь передовую часть рабочего класса на сторону научного социализма. Один из старых руководителей Союза, Молль, предложил Марксу принять участие в разработке новой теоретической линии Союза и в его реорганизации. Чувствуя приближение революции, которая могла определить «на века судьбы мира», Маркс накануне крупных европейских движений 1848 года считал важнейшей задачей организацию подлинно рабочей партии, разработку ее классовой программы и тактики. 1 июня 1847 года в Лондоне открылся конгресс «Союза справедливых». Под влиянием Маркса он подвергся коренной перестройке. Уже одна перемена названия была достаточно показательной: отныне «Союз справедливых» стал называться «Союзом коммунистов». Старый девиз: «Все люди братья» — был заменен лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Новый устав еще больше подчеркнул классовое значение движения. Первая статья гласила: «Целью союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности»[1]. Структура организации исключала всякую возможность заговора, ибо ее руководство должно было состоять из выборных и сменяемых членов. Было принято решение провести в декабре 1847 года второй конгресс, и Марксу было поручено разработать проект программы. Этой программой и стал «Коммунистический манифест».

«Коммунистический манифест» был написан за несколько недель до начала европейской революции. Главное его достоинство заключалось в том, что, обобщив в грандиозном синтезе все историческое развитие общества, он дал трудящимся ясное понимание места, занимаемого в истории их классом, его миссии и его перспектив.

Это вместе с тем была широкая программа, составленная для целой исторической эпохи, программа борьбы за пролетарскую революцию, формулировавшая ближайшие цели классовой борьбы пролетариата, конкретные условия и средства ее проведения. «Коммунистический манифест» ставил перед трудящимися двойную задачу:

1. Борьба в союзе с буржуазией против самых реакционных классов. Этот единый фронт с буржуазией будет сохраняться до тех пор, пока буржуазия будет играть революционную роль в борьбе против пережитков феодального прошлого. Пролетариат будет поддерживать эту буржуазию, толкать

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 524.

ее вперед и осуждать всякий компромисс, который она захотела бы заключить с реакцией.

2. Борьба за то, чтобы «вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии»[1].

Стратегия и тактика этой борьбы должны были различаться в зависимости от того, на какой ступени исторического развития стояла каждая страна. Они не могли быть одинаковыми, скажем, в Германии, где буржуазия еще не стояла у власти, и в Англии и Франции, где власть уже была у нее в руках. Революции 1848 г. сразу же открыли перед Марксом широкое поле для приобретения опыта и для проверки этой стратегии и тактики.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 459.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Стратегия и тактика Маркса представляли собой применение на деле его стройного, материалистического и диалектического метода.

Материалистического потому, что он был основан не на субъективистской концепции, а на объективном изучении классов и их отношений, которым Маркс дал научное определение в своих экономических исследованиях.

Диалектического потому, что он принимал в расчет всю совокупность различных классов и классовых прослоек и их взаимоотношений в каждом данном обществе, ступень развития, на которой стояла каждая общественная сила в каждый данный момент, и, наконец, отношения, существовавшие между этим обществом, этой страной и всеми другими странами, иначе говоря, международную обстановку.

Такой метод — а только с его помощью и можно было поставить классовую борьбу пролетариата на научную основу — позволял благодаря историческому материализму:

1. Намечать ближайшие и более отдаленные перспективы классовой борьбы;

2. Объективно анализировать в каждый данный момент соотношение классовых сил;

3. Разрабатывать стратегию и тактику борьбы пролетариата, то есть определять в каждый данный момент, исходя из перспектив и соотношения сил, направление главного удара, готовить возможные союзы и резервные силы и, наконец, намечать цели и те средства, какие надо применить в зависимости от того, переживает движение период подъема или спада.

В соответствии с провозглашенными в «Коммунистическом манифесте» принципами Маркс еще до начала революции 1848 года поставил целью предотвратить изоляцию рабочего класса, связав рабочее движение с международным демократическим движением. После революции 1830 года уже не раз возникал план объединения всех революционных организаций Европы для того, чтобы противопоставить Священному союзу королей Священный союз народов. 27 сентября 1847 года при участии «Союза коммунистов» была создана Международная демократическая ассоциация. По этому случаю Маркс, ставивший своей задачей способствовать возникновению и развитию широкого, массового демократического дви-

жения, произнес речь «О протекционизме, свободе торговли и рабочем классе»[1].

Движимый этой же идеей, Маркс выступил на торжественном собрании, посвященном второй годовщине восстания в Кракове в 1846 году. Он высоко оценил значение этого восстания, которое, по его словам, дало «славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса»[2].

После февральского переворота 1848 года в Париже член временного правительства Флокон пригласил Маркса вернуться во Францию. «Тирания, — писал он, — изгнала вас. Свободная Франция открывает двери перед вами и перед всеми теми, кто борется за священное дело братства народов». Маркс немедля выехал из Брюсселя в Париж; проезжая по территории Франции, он видел вокзалы, на которых рядом с трехцветным флагом развевалось красное знамя.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс не только набросал широкую картину исторической эволюции и провел траекторию развития капиталистического строя вплоть до того момента, когда порожденные им экономические противоречия и классовая борьба приведут его к гибели, но и указал, какую позицию должен занять пролетариат крупных европейских стран, чтобы отстоять свои классовые интересы. Во Франции, где против игравшей руководящую роль буржуазии, союзницы королевской власти, уже поднимались средние сословия и пролетариат, и в Германии, где вся буржуазия, которую поддерживали средние сословия и пролетариат, выступала против сохранявшегося еще абсолютистского феодального режима, проблемы стояли совсем иначе, чем, например, в Англии, где господствующий класс буржуазии одержал победу над чартизмом, или в царской России, где самодержавие и феодальный по существу абсолютизм были еще всесильны.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс подчеркнул, что пролетариат — это единственный до конца революционный класс, ибо он стремится не улучшить, а уничтожить капиталистический строй. Но Маркс всегда отвергал идею, будто по отношению к рабочему классу все другие классы образуют сплошную реакционную массу. В 1875 году в «Критике Готской программы» Маркс еще раз обрушился со всей силой на

---

[1] Эту речь, текст которой Маркс заранее написал, он только готовился произнести на международном конгрессе экономистов в Брюсселе 16—17 сентября 1847 г., но ему не дали слова, опасаясь революционного содержания его речи. Изложение этой речи дал потом Энгельс в своей статье «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 263—267). — *Прим. ред.*

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, О польском вопросе; см. Соч., т. 4, стр. 490.

эту теорию Лассаля: „Бессмыслица, будто по отношению к рабочему классу они [средние сословия] «вместе с буржуазией» и вдобавок еще с феодалами «составляют лишь одну реакционную массу»“ [1]. Маркс придавал такое большое значение роли средних сословий, что говорил о крестьянах: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны» [2]. Тактику и стратегию, по Марксу, надо было дифференцировать в зависимости от уровня экономического и социального развития различных классов. Во Франции, где крупная буржуазия пришла к власти и больше не стремилась, как в 1789 году, разрушить существующий социально-экономический строй, а хотела лишь как можно лучше приспособить его к своим интересам, пролетариат должен был поддерживать борьбу средних сословий против этой крупной буржуазии. В Германии же, где вся буржуазия поднималась против феодального строя, пролетариат, напротив, должен был помочь ей уничтожить этот строй и заменить его капиталистическим строем, причем эта буржуазная революция, совершенная на гораздо более высокой стадии экономического и социального развития, чем предшествующие английские и французские революции, могла явиться прелюдией к пролетарской революции.

Этим анализом Маркс и руководствовался в своей деятельности во время революций 1848 года во Франции и Германии.

По прибытии в Париж Маркс сразу же воспротивился авантюристической попытке немецких, бельгийских, итальянских и польских иммигрантов экспортировать революцию из Парижа военными средствами, путем организации революционных восстаний во всех странах. 6 марта Маркс выступил на массовом митинге против формирования немецкого легиона численностью 2 тысячи человек для переправки через границу в Германию. Он доказывал, что это привело бы лишь к бессмысленному уничтожению самых пламенных революционеров. В то время Маркс шел против течения, и он вынужден был порвать с демократическим клубом, который поддерживал поэта Гервега и этот формировавшийся им немецкий легион. «Ультрареволюционеры» после этого обрушились на Маркса, называя его «резонером», который-де в тот момент, когда все «истинные» революционеры должны браться за оружие, читает рабочим лекции по политической экономии и превращает их в «доктринеров». Случилось то, что предвидел Маркс: Ламартин, будучи специалистом по части провокаций, позволил организовать в Париже этот легион под руковод-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 21.

[2] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 37.

ством тайного агента на жалованье у Пруссии Борнштедта, а в то же время дал прусским войскам подготовиться так, что они сразу разбили отряд, как только он перешел в Германию.

Продолжая посещать центральный клуб Общества прав человека и гражданина, возглавлявшийся Барбесом, Маркс одновременно создал «Клуб немецких рабочих» (заседавший в кафе Пикард, на улице Сен-Дени) и стал советовать этим рабочим возвращаться в Германию поодиночке, без шума, чтобы создать в крупных центрах страны революционные рабочие организации под руководством членов «Союза коммунистов». Сам Маркс перебрался в Кельн, тогда крупнейший промышленный центр Германии, и занялся прежде всего установлением контактов и связей с рабочими организациями, созданными еще до революции. Благодаря его деятельности во всей Рейнской провинции развернулось широкое движение. Петиции, подписанные тысячами людей, требовали радикальных реформ. Центром движения стал Кельнский рабочий союз, являвшийся одновременно ядром профсоюзного движения, учебным кружком и политическим клубом. В то время главной заботой Маркса было не допустить изоляции пролетариата от остального демократического движения. Мартовская революция создала первый в истории Германии общегерманский парламент [во Франкфурте]. Маркс не поколебался на время отказаться от всякой коммунистической пропаганды, которая могла повлечь за собой раскол между буржуазией и пролетариатом в то время, когда им необходимо было вести совместную борьбу против феодально-монархической реакции. Здесь Маркс опять столкнулся с «ультрареволюционерами», такими, как руководитель местной организации «Союза коммунистов» Готшальк, предлагавший бойкотировать выборы под предлогом отказа от всякого компромисса и от всякого, даже временного, соглашения с другими демократическими группами. Маркс осудил лозунг бойкота, который вел к отказу левых от политической борьбы, что было бы только выгодно реакции. Маркс писал в то время в «Нейе Рейнише цейтунг»: «Мы не выставляем утопического требования, чтобы a priori была провозглашена *единая, неделимая германская республика,* но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешивала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью... Дело идет не об осуществлении того или иного мнения, той или иной политической идеи; дело идет о понимании хода развития»[1]. Маркс показывал, что сектантская тактика Готшалька вела не только к разрыву временного союза между пролетариатом и буржуазией в борьбе против абсолютиз-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Статьи из «Neue Rheinische Zeitung». Программы радикально-демократической партии во Франкфурте и Франкфуртской левой; см. Соч., т. 5, стр. 41.

ма, но и к изоляции наиболее передовых рабочих от широких рабочих масс.

Создавая «Нейе Рейнише цейтунг», Маркс рассчитывал оказать решающее влияние на дальнейшее развитие демократического движения. В 1884 году Энгельс еще раз напомнил о глубоком смысле стратегии и тактики Маркса в ту эпоху: «Это определило наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Таким знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени. Если бы мы не пошли на это... то нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу» [1].

Когда 1 июня 1848 года Маркс был назначен главным редактором «Нейе Рейнише цейтунг», эта газета сделалась самой влиятельной во всей Германии, стала органом большой партии действия, которая должна была вдохновлять германскую демократическую революцию. Маркс систематически избегал всего, что могло расколоть единый фронт немецких демократов. В течение нескольких месяцев он не затрагивал в своей газете вопрос о собственных интересах и задачах рабочих в революции. Он не подчеркивал также разницы между пролетарской и буржуазной демократией. «Пролетариат, — писал Маркс, — должен идти вместе с великой демократической армией, на самом краю ее левого крыла, но неизменно остерегаясь порвать свою связь с главными силами армии. Он должен быть самым яростным в атаке, и его боевой дух должен воодушевлять армию, штурмующую Бастилию. Ибо Бастилия еще не взята, абсолютизм еще не разбит. И пока Бастилия стоит, демократы должны оставаться едиными. Пролетариат не имеет права изолировать себя, он должен, как бы тяжело это ни могло ему показаться, отвергать все, что может отделить его от союзников» [2].

Маркс проводил глубокое различие между положением во Франции и положением в Германии. В Германии Бастилию еще предстояло взять, и Маркс без колебаний шел на все необходимые компромиссы, чтобы не ослабить союз демократических сил. Он писал в статье от 30 июля 1848 года: «Самое убедительное доказательство того, что немецкая революция 1848 г. есть лишь *пародия французской революции* 1789 г.:

[1] Ф. Энгельс, Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849); см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 16.

[2] Цитата, без указания источника, дается в переводе с французского. — *Прим. ред.*

4 августа 1789 года, три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ в один день осилил все феодальные повинности.

11 июля 1848 года, четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ»[1].

Первой целью, поставленной Марксом, было осуществление германской революции, буржуазной революции, немецкого 1789 года, а это требовало тесного союза всех демократических сил.

Зато Маркс решительно встал в своей газете на сторону восстания парижских рабочих в июне 1848 года.

В то же время он осуждал в деятельности левых демократических сил все то, что было похоже на колебания или даже измену по отношению к революции. Франкфуртский парламент, в состав которого вошла в основном либеральная крупная буржуазия, был больше всего озабочен поддержанием порядка; он не осмелился объявить себя суверенным, распустить имперское собрание, сформировать федеральное правительство и армию для его поддержки. Этот бессильный парламент даже избрал «правителем германской империи» [австрийского] эрцгерцога Иоганна, то есть опять передал власть в руки князей. В этих условиях прусский король не поколебался поставить у власти реакционное министерство.

Маркс организовывал многочисленные массовые выступления, но высказался против восстания, которое из-за неподготовленности Германии к всеобщему выступлению привело бы лишь к тому, что движение лишилось бы своих наиболее активных элементов и было бы обезглавлено. Однако прусское правительство усилило репрессии.

Было введено осадное положение. В связи с этим против прусского милитаризма поднялись даже самые миролюбивые буржуа. Тогда Маркс выдвинул лозунг, призывавший к неуплате налогов и к массовому выступлению в поддержку демократии всех, кто способен носить оружие, к раздаче оружия и к образованию комитетов общественного спасения. Однако «ультрареволюционеры», сторонники Готшалька, призвали рабочих не браться за оружие под тем предлогом, что речь шла не о собственно рабочих интересах и что поэтому надо, дескать, предоставить сторонникам абсолютизма и конституционалистам драться между собой. Коммунисты же, напротив, в соответствии с выдвинутым в «Коммунистическом манифесте» лозунгом поддержки революционного движения против феодальной реакции, приняли участие в восстании.

Представ перед кельнским судом присяжных, Маркс дал такую глубокую мотивировку своих действий: «*Это была*

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Статьи из «Neue Rheinische Zeitung». Законопроект об отмене феодальных повинностей; см. Соч., т. 5, стр. 299.

борьба старого феодально-бюрократического общества с современным буржуазным обществом, борьба между обществом *свободной конкуренции* и *обществом цехового строя,* между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания»[1].

Но буржуазия, хотя и стремилась осуществить свою революцию, опасалась развития революционной ситуации, ибо боялась масс. Она же была слишком слаба, чтобы противостоять феодалам. Поэтому феодалы сначала использовали эту буржуазию против народа, а затем отказались от ее услуг.

Таким образом, немецкая буржуазия оказалась неспособной совершить свою собственную революцию. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы объединить под знаменем демократии пролетариат и все слои буржуазии в совместной борьбе против абсолютизма и феодальной реакции. Крупная буржуазия сама исключила себя из этого союза. Отныне задачей пролетариата стало объединиться со средними сословиями для борьбы за такой строй, который, не уничтожая частной собственности на средства производства, согласился бы пойти на максимум уступок крестьянам, рабочим и мелкой буржуазии.

В начале 1849 года левацкие элементы, в частности Готшальк, снова яростно атаковали Маркса, который в «Нейе Рейнише цейтунг» доказывал, что революция пока может быть лишь буржуазной революцией. На заседании «Союза коммунистов» 15 сентября 1850 года Маркс решительно осудил их демагогию: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое. Вместо действительных отношений меньшинство сделало движущей силой революции *одну лишь волю.* Между тем как мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству, вы говорите наоборот: «Мы должны тотчас достигнуть власти, или же мы можем лечь спать». В то время как мы специально указываем немецким рабочим на неразвитость немецкого пролетариата, вы самым грубым образом льстите национальному чувству и сословному предрассудку немецких ремесленников, что, разумеется, популярнее. Подобно тому как демократы превращают слово *народ* в святыню, вы проделываете это со словом *пролетариат*»[2]. Этой псевдореволюционной фразеоло-

[1] Там же. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 267.

[2] К. Маркс, Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 431.

гии Маркс противопоставлял совершенно определенную тактику. Не исключая возможности сотрудничества между рабочими союзами и демократами, он отныне подчеркивал, что главной задачей является сохранение организационной независимости рабочей партии.

В Париже, где колебания либеральной буржуазии напоминали нерешительность германских левых парламентариев во Франкфурте, произошло крушение «Горы». Запоздалое обращение к массам 13 июня 1849 года привело лишь к аресту депутатов-монтаньяров. 19 июня Маркс был выслан из Парижа. В следующем месяце он выехал в Англию, где и провел почти всю свою остальную жизнь. Отказываясь вступать в тайные общества или всякие смешные секты, он готовил будущее, работая над своим монументальным трудом — «Капиталом». Когда в 1860 году американские коммунисты предложили ему воссоздать «Союз коммунистов», он выразил убеждение, что лучше послужит рабочему классу своими теоретическими работами, чем участием в союзах, не отвечающих уже требованиям эпохи.

Из великого политического опыта революций 1848 года Маркс извлек основные принципы стратегии и тактики пролетарской партии, которые он и сформулировал в 1875 году в своей «Критике Готской программы». Эти принципы не допускали ни компромиссов, ни уступок в принципиальных вопросах и, наоборот, требовали непреклонной твердости в вопросах теории. В то же время настоящая партия действия должна в каждый данный момент уметь выработать вместе со своими союзниками, даже временными и не очень надежными, план совместной борьбы и приемлемые для всех организационные формы. В том же году Маркс писал: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *дальше* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения. Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия»[1].

[1] К. Маркс, Письмо В. Бракке, 5 мая 1875 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 111—112.

ГОСУДАРСТВО

Маркс включил в Устав Интернационала следующее важнейшее положение: «Завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата».

Эта задача вытекала из анализа государства, начатого Марксом еще в ранних своих произведениях, где он определял государство как форму отчуждения. В рукописях 1843 и 1844 годов и в работе «К еврейскому вопросу» государство характеризуется им как сила, вышедшая из общества и вставшая над ним вследствие растущего отчуждения. Эту же мысль впоследствии подчеркнул и Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Государство в его буржуазно-демократической форме присоединяет к фактическому отчуждению отчуждение идеологическое, каковым являются демократические иллюзии. В работах «К еврейскому вопросу» (1843 г.) и «К критике гегелевской философии права» Маркс указал на ограниченность политических свобод, провозглашенных в Декларации прав человека, и на классовый смысл этого радикального, абстрактного разрыва между «гражданским обществом» (с его покоящимися на частной собственности экономическими отношениями и вытекающими из них отношениями эксплуатации и господства) и политической сферой (с ее абстрактным политическим равенством). «Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе*» [1].

Маркс подчеркивал три важнейшие стороны этой буржуазной демократии.

1. Эта политическая эмансипация со всеми иллюзиями, которые порождает ее абстракция, имеет классовый характер; она выражает глубокие требования развития капиталистической экономики и буржуазного общества.

2. Эта политическая эмансипация — сколь бы недостаточной она ни была, поскольку она сохраняет в условиях абстрактного равноправия граждан все виды неравенства, вытекающие из классовых отношений капитализма, — представляет собой все же большой шаг вперед по сравнению с феодальной системой.

---

[1] К. Маркс, К еврейскому вопросу; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 390.

3. Эта политическая эмансипация связана исторически с социальным угнетением, ибо буржуазия установила свою государственную власть для того, чтобы обезопасить классовые отношения капиталистического типа как против феодального прошлого, так и против неимущих.

Маркс заключал: «Политическая эмансипация есть сведéние человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к *эгоистическому, независимому* индивиду, с другой — к *гражданину государства,* к юридическому лицу...

Лишь тогда, когда человек познáет и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы — лишь тогда свершится человеческая эмансипация» [1].

Политическая эмансипация в том виде, как она была осуществлена буржуазией в борьбе против феодализма, является этапом, притом необходимым этапом (невзирая на иллюзии, на которых она зиждется, а также на иллюзии, порождаемые ею самой) эмансипации человека от всякого отчуждения, которую в состоянии осуществить только социализм.

Государство во всех его формах является классовым государством. Оно — продукт классовой борьбы. Оно — орудие эксплуатации угнетенного класса. По мере обострения классовой борьбы его власть принимает все более репрессивный характер. Оно — всегда форма диктатуры какого-то одного класса.

Отсюда следует, что и власть рабочего класса неизбежно должна принять форму диктатуры пролетариата. Маркс постоянно повторял это положение. Характеризуя свой собственный вклад в разработку теории классовой борьбы, Маркс напоминал, что эту теорию сформулировали французские историки периода Реставрации, он же показал, что «классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*» [2]. Маркс вновь и вновь возвращался к этой мысли. «Если политическая борьба рабочего класса принимает революционные формы,— указывал он в статье, написанной в 1873 году, — если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, [то] рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство» [3].

В «Критике Готской программы» Маркс совершенно недвусмысленно заявлял: «Между капиталистическим и комму-

[1] Там же, стр. 406.

[2] К. Маркс, Письмо И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 427.

[3] К. Маркс, Политический индифферентизм; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 297.

нистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата»* [1].

Уже в «Коммунистическом манифесте» Маркс, охарактеризовав государство — на основе широкого исторического обобщения — как орган классового господства, показал, что пролетариат не сможет покончить с буржуазией, если он не завоюет политическую власть и не централизует все орудия производства в руках «государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс» [2].

Диктатура пролетариата — это всегда форма классового господства, но ее особенность в том, что она имеет преходящий характер.

Цель диктатуры пролетариата, как Маркс показал это уже в «Нищете философии», — положить конец классовым антагонизмам и, следовательно, сделать ненужным само государство. Положить конец классовым антагонизмам, которые порождают отчуждение государства, значит подготовить условия для отмирания самого государства.

Государство не вечно. Его не существовало в первобытном обществе, до появления классов. Оно исчезнет вместе с исчезновением классов, так как у него нет другой цели, кроме как обеспечивать классовое господство.

Не исключены, впрочем, случаи, когда переход от буржуазной диктатуры к диктатуре пролетариата совершается мирным путем. Маркс явно предвидел возможность такого мирного перехода к социализму, как о том свидетельствует речь, произнесенная им на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 года, после Гаагского конгресса, в которой он дал решительный бой Бакунину и оппортунистическому руководству английских тред-юнионов. Напомнив, что завоевание власти пролетариатом является необходимым условием перехода к социализму, он сказал: «Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами. Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами» [3].

Энгельс в «Критике Эрфуртской программы» (1891 г.) лишь комментирует эту мысль Маркса: «Можно себе пред-

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 27.

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.

[3] К. Маркс, О Гаагском конгрессе; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 154.

ставить, что старое общество могло бы мирно врасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа. Но в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаги и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы» [1].

Но в какой бы форме, мирной или насильственной, ни осуществлялся этот переход, он не может быть простой сменой государственного аппарата. Государственную машину необходимо сломать, тогда как до тех пор «все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее» [2].

Опыт Парижской коммуны дал Марксу материал для конкретизации его теории диктатуры пролетариата. В предисловии к «Коммунистическому манифесту», написанном 24 июня 1872 года, Маркс сам подчеркнул, что в свете этого опыта отдельные места «Манифеста» следует признать устаревшими: «В особенности Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“» [3].

В письме Кугельману 12 апреля 1871 года Маркс подчеркнул, что между положениями, развитыми в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», и их практической проверкой в Парижской коммуне существует преемственная связь.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс отметил своеобразие Коммуны, которая не просто представляла собой республику, чьей задачей было ликвидировать монархическую форму классового господства [буржуазии], но должна была вообще положить конец [ее] классовому господству.

Устранив отчуждение исполнительной власти по отношению к национальному представительству и парламента по отношению к трудящимся и нации, Парижская коммуна осуществила в оригинальной форме самую подлинную демократию, а не демократию для привилегированных, какой была, например, афинская демократия в древней Греции — эта демокра-

---

[1] Ф. Энгельс, К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 236—237.

[2] К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 206.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года; см. Соч., т. 18, стр. 90.

тия только для рабовладельцев, или буржуазные демократии, в которых демократией пользуются тоже лишь привилегированные — те, кто имеет деньги. Кладя конец отчуждению государства как органа, господствующего над обществом, диктатура пролетариата еще даже до исчезновения государства становится самой подлинной формой демократии. «Свобода,— писал Маркс, — состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный» [1].

---

[1] К. Маркс, Критика Готской программы; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 26.

МАРКС КАК ОСНОВАТЕЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ

На протяжении своей жизни Маркс дважды был руководителем и организатором политической борьбы рабочего класса: в период создания «Союза коммунистов» и революций 1848 года и в период с 1864 года, когда был создан I Интернационал.

Этот двойной опыт позволил ему разработать, исходя из принципов своего учения, теоретические основы современных коммунистических и рабочих партий. Для его концепции характерны три основных момента:

— Отвергая все утопические, реформистские и заговорщические планы, эти партии исходят из ясного понимания своего классового характера. Это — партии рабочего класса, и их деятельность целиком определяется сознанием исторической миссии этого класса.

— Отвергая всякий культ «стихийности», эти партии опираются на научное мировоззрение и принципы исторического материализма.

— Это соединение рабочего движения с научно обоснованной идеей социализма позволяет этим партиям быть боевыми организациями, способными эффективно штурмовать политическую власть буржуазии, преследуя при этом конкретную цель—установление диктатуры пролетариата.

Глубоко *классовый характер* коммунистических и рабочих партий был подчеркнут Марксом в Уставе I Интернационала, главная мысль которого была заключена в словах: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» [1]. Такая четкая формулировка была победой научного, марксистского социализма над тенденциями, которые отстаивал Маццини, отвергавший классовую борьбу и оставшийся сторонником организационных форм «карбонариев», и над мелкобуржуазным реформизмом прудонистов.

Карл Маркс, который много лет отказывался участвовать в какой-либо организации, на этот раз отступил от своего правила и согласился сотрудничать в создании I Интернационала, ибо, как он писал, «в данном случае имеется в виду такое дело, в котором можно действовать со значительным успе-

[1] К. Маркс, Общий устав Международного товарищества рабочих; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 445.

хом»[1]. В это же время он объяснял Энгельсу: «Я знал, что на этот раз как от Лондона, так и от Парижа были представлены действительные «силы», и поэтому решил отступить от своего обычного правила — отказываться от всех подобных приглашений»[2]. На этот раз Маркс установил связь с действительными и активными руководителями реально существовавшего движения. Достоинством этих его соратников было то, что они представляли свой класс, а не мелкие авантюристические и заговорщические секты: «*Интернационал* был основан для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты подлинной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный Устав и Учредительный Манифест сразу же указывают на это. С другой стороны, Интернационал не смог бы упрочиться, если бы сектантство не было уже разбито ходом истории. Развитие социалистического сектантства и развитие подлинного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Секты имеют свое (историческое) оправдание, лишь пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся, в сущности, реакционными. Впрочем, в истории Интернационала повторилось то же самое, что всегда обнаруживается в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм.

История Интернационала тоже была *непрерывной борьбой Генерального Совета* против сект и дилетантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого Интернационала вопреки подлинному движению рабочего класса»[3].

Вся история рабочего движения со времен Маркса проходила под знаком идеологической и политической борьбы за неподчинение рабочего класса влиянию мелкой буржуазии.

В этом была главная идея Маркса, что касалось партии. Говоря об уроках, которые рабочий класс должен был извлечь из революций 1848 года, Маркс [и Энгельс] писали в Обращении Центрального комитета к «Союзу коммунистов» в марте 1850 года: «*Рабочая партия должна выступать возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте*»[4]. Предостерегая коммунистов против мелкобуржуазных демократов, проповедовавших союз и примирение в

---

[1] К. Маркс, Письмо И. Вейдемейеру, 29 ноября 1864 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 363.

[2] К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу, 4 ноября 1864 г.; там же, стр. 8.

[3] К. Маркс, Письмо Ф. Больту, 23 ноября 1871 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 278—279.

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 258. [Курсив Р. Гароди. — *Ред.*]

рамках одной большой оппозиционной партии, Маркс настаивал на том, что этот союз не может существовать в такой форме, которая превращала бы пролетариат в подсобную силу либеральной буржуазии. Маркс прямо указывал: *«уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную... организацию рабочих... — вот главное, что пролетариат, а вместе с ним и Союз [коммунистов] должны иметь в виду»* [1].

Спустя тридцать лет, в сентябре 1879 года, когда значительная часть интеллигенции поворачивала к социализму, Маркс и Энгельс, осуждая в «Циркулярном письме» Бебелю, Либкнехту, Бракке и другим «попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь», давали следующий совет: «Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение» [2].

Задача заключалась в создании классовой организации, базирующейся на научной теории, и в установлении в ней такой же дисциплины, какая поддерживается в действующей армии.

Научный характер этой концепции рабочего класса Маркс с особой силой подчеркнул во время своей борьбы против выдвинутой Прудоном теории стихийности. Его взгляды были диаметрально противоположны буржуазным и мелкобуржуазным концепциям «свободы» и «демократии», основанным на стихийности масс. Идея «стихийности» была тесно связана с буржуазной теорией о том, что «свобода» есть врожденное свойство человека, его вечный атрибут, противостоящий необходимости.

Прудон был первым, кто начал противопоставлять тому, что он называл «правительственным социализмом», «демократический социализм» [3], а «революции сверху, проводимой диктатурой», — «революцию снизу... совершаемую по инициативе масс» [4]. Он ратовал против «якобинской идеи», согласно которой «социальная революция — это цель, а политическая революция (то есть смена власти) — это средство» [5].

По Прудону, социализм нельзя построить, используя политическую власть, т. е. диктатуру пролетариата, подобно тому

---

[1] Там же, стр. 264. [Курсив Р. Гароди. — *Ред.*]

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 321—322.

[3] Proudhon, Confessions d'un Révolutionnaire [Прудон, Исповедь революционера], p. 200.

[4] Ibid., pp. 81—82.

[5] Ibid., p. 79.

как капитализм использовал свою политическую власть, т. е. диктатуру буржуазии, чтобы освободиться от феодальных пут.

«Социализм, — писал он, — с головой погряз в якобинских иллюзиях» [1].

Свою программу Прудон формулировал следующим образом: «Никакой партии. Никакой власти. Абсолютная свобода человека от гражданина. В трех словах, вот наше политическое и социальное кредо» [2].

Поскольку утверждения, будто социализм можно построить и без рабочей социалистической партии, без диктатуры пролетариата, довольно часто выдвигаются и поныне, то борьба с прудонизмом нисколько не утратила своей актуальности.

«Говорить, — писал Прудон, — *что правительство может когда-либо быть революционным, значит впадать в противоречие по той простой причине, что оно — правительство. Только общество, сознательная масса, может само себя революционизировать, ибо лишь оно одно способно проявить разумно свою стихийность... Все революции... совершаются стихийными действиями народа»* [3].

В основе прудоновского культа стихийности лежал мистический элемент. Прудон не сумел путем научного анализа идеологий и их социальных корней установить, что *«господствующими идеями всегда являются идеи господствующего класса»* и что поэтому полагаться во всем на «стихийность» значило обеспечивать торжество идей господствующего класса.

Абстрагируясь, таким образом, от влияния идеологии господствующего класса на идеи и действия угнетенных масс, Прудон приписывал «стихийности» этих масс некие таинственные и провиденциальные свойства.

«В конечном счете, — писал он, — *именно народ, без всяких теорий, в процессе своего стихийного творчества усваивает, изменяет, улучшает проекты политиков и доктрины философов и, все время создавая новую действительность, без конца меняет основу политики и философии»* [4].

Согласно Прудону, историческое развитие можно сравнить с эволюцией природы: органическое зарождение нового происходит в силу «вечных законов порядка» и «закона развития, имманентной логики человечества» [5].

Из этой веры в Разум, имманентно присущий провиденциальному развитию истории, следовал основной политический вывод Прудона: «Революция — это взрыв органической силы,

---

[1] Ibid., p. 82.
[2] Ibid., p. 80.
[3] Ibid., p. 82. [Курсив Р. Гароди. — *Ред.*]
[4] Ibid., p. 76.
[5] Ibid., p. 77.

эволюция общества, выходящая изнутри во вне; она законна лишь тогда, когда является стихийной, мирной и традиционной» [1].

Таким образом, не подвергнув идеологии глубокой критике и не увидев их классовых корней, Прудон сам оказался в плену у буржуазной идеологии, что и выразилось прежде всего в его *анархизме,* иллюзорных лозунгах мятежа, под которыми скрывался все тот же индивидуализм, являющийся законом буржуазного общества.

Далее, это проявилось в его *реформизме,* называвшем революцией то, что было лишь вынужденной адаптацией, «ремонтированием» капиталистического общества, стремящегося, не отказываясь от самого себя, преодолеть противоречия, возникающие на различных этапах его развития.

Наконец, это проявилось в его *мелкобуржуазности,* критикующей капитализм не «слева», путем показа раздирающих его противоречий и неизбежности их преодоления, т. е. перехода от капитализма к его противоположности — социализму, а «справа». Такая критика сопровождалась проповедью примирения, смягчения противоречий, т. е. неосуществимого идиллического возвращения к ремесленной или либеральной стадии капитализма, который его собственные законы приводят к росту концентрации производства и к империализму.

Маркс учил, что партии рабочего класса создаются и выковываются в постоянной борьбе против этой мелкобуржуазной идеологии, которой прудонизм придал форму системы [2]. Вопреки попыткам предоставить рабочий класс на волю стихийности, иррационализма и слепого инстинкта, являющихся фактически лишь импульсивным выражением предрассудков, прививаемых массам господствующим классом, Маркс делал упор на сознании и науке. Партия — сознательный выразитель реально существующего исторического движения. В этой связи можно еще раз сослаться на определение, данное Марксом: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что́ такое пролетариат на самом деле* и что́ он, сообразно этому своему *бытию,* исторически вынужден будет делать» [3].

Итак, партия — это не механический итог, не простая сумма стихийных стремлений каждого из ее членов, рассматри-

---

[1] Ibid., p. 113.

[2] С этой точки зрения интересно проследить за полемикой против Прудона, которую в 1877 г., перед тем как на третьем [Рабочем] конгрессе в Марселе в 1879 г. была создана Рабочая партия Франции, вела газета Жюля Геда «Эгалите» и в результате которой в программе этой партии, принятой на съезде в Гавре 16—22 ноября 1880 г., восторжествовали марксистские принципы. «Мотивировочная часть» этой программы была написана Марксом.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство; см. Соч., т. 2, стр. 40.

ваемых на буржуазный манер, как изолированные индивиды. Это и не сумма рассматриваемых таким же образом организаций, а, напротив, система, единое «целое», живой организм.

Ее целью является диктатура пролетариата. Марксистско-ленинская наука об объективных законах развития позволяет ей найти средства достижения этой цели. В этом основа единства партии.

Только такое единство позволяет в каждый данный момент правильно ориентировать рабочий класс, внушая ему сознание своего единства как класса, и мобилизовать его на выполнение его исторической задачи.

Через партию рабочий класс осознает себя и свою роль. Рабочий класс — это не просто масса рабочих, играющих каждый одну и ту же роль в рамках капиталистической системы — роль производителей прибавочной стоимости. Благодаря партии и привносимому ею социалистическому сознанию рабочий класс становится единой силой, стремящейся к уничтожению этой системы, к ее отрицанию. Благодаря партии, осуществляющей «соединение социализма с рабочим движением», рабочий класс перестает быть, говоря языком Гегеля и Маркса, классом «в себе» и становится классом «для себя». С ослаблением связей между рабочим классом и его партией массы пролетариев вновь попадают под влияние буржуазии.

На вопрос, где находится рабочий класс, Маркс отвечает: он там, где один человек или группа людей сознают историческую миссию рабочего класса и борются за ее выполнение.

В период между роспуском «Союза коммунистов» и основанием I Интернационала Маркс и Энгельс неизменно считали себя представителями «пролетарской партии», несмотря на то что они не возглавляли никакой рабочей организации. Однако в 1859 году Маркс, принимая делегацию лондонского рабочего клуба, подчеркнул, что этот его мандат «завизирован исключительной и всеобщей ненавистью», которую питают к нему «все классы и все партии старого мира» [1].

Маркс с особой силой подчеркивал, что партия рабочего класса должна быть боевой организацией по своему характеру. Он писал: «Политическое движение рабочего класса, разумеется, имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса... Там, где рабочий класс не достиг еще достаточного успеха в своей организации, чтобы предпринять решительный поход против коллективной власти, то есть политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае подготовлять к этому путем постоянной агитации против этой власти и заняв враждебную

[1] Цитаты, без указания источника, даются в переводе с французского. — *Прим. ред.*

позицию по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках»[1].

Организационные формы партии не есть результат произвольного выбора. На каждом этапе исторического развития они соответствуют целям, которые ставит перед собой рабочий класс. Так, например, «партия нового типа», созданная в России под руководством Ленина и ставшая потом образцом для всех коммунистических и рабочих партий мира, была порождена необходимостью приспособить стратегию, тактику и организационную структуру рабочей партии к революционным возможностям, которые открылись вместе с начавшимся загниванием капитализма и его вступлением в стадию империализма.

В основе марксистской теории о партии лежит мысль о том, что организационные принципы и методы определяются стоящей задачей, каковой является установление диктатуры пролетариата.

Партия — это боевая организация, но ее борьба носит особый характер, ибо она направляется знанием объективных законов исторического развития, которое позволяет намечать перспективы рабочего класса и устанавливать научным путем, путем анализа объективных условий, способы достижения победы. Поэтому дисциплина в такой боевой организации должна основываться не на иррациональной мистике вождя, а на ясном сознании цели, на науке, критике выбираемых средств и объективном анализе условий.

Эта дисциплина, основанная на ясном понимании целей, обеспечивает максимальную сплоченность партии, требуя от каждого ее члена постоянного повышения уровня своего сознания и культуры как необходимого условия для того, чтобы партия могла стать эффективным орудием освобождения пролетариата.

Разве обладала бы партия всей той силой, какая необходима ей для борьбы, если бы она не могла действовать как организованное целое, если бы она мирилась с пребыванием в ее рядах людей или групп, способных пойти на сговор с врагом, сознательно или бессознательно привносящих в партию вражескую идеологию и играющих в ней дезорганизаторскую роль?

Классовый враг — будь то хозяин и его заводская администрация или государственная власть — действует как организованное целое. Распылять силы перед лицом такого врага — значит обрекать себя на поражение. И когда пролетариат слаб, эта его слабость как раз и объясняется его распылен-

---

[1] К. Маркс, Письмо Ф. Больте, 23 ноября 1871 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 282—283.

ностью и той разъединяющей ролью, которую играет хозяйская система, насаждающая конкуренцию между рабочими. Отсюда постоянная необходимость вести борьбу с оппортунизмом, который во всех своих формах всегда отражает проникновение идеологии господствующего класса в ряды рабочего класса.

Следовательно, главная задача партии — это неуклонно бороться за установление или восстановление классового единства пролетариата, дабы превратить идентичность условий рабочих как производителей прибавочной стоимости, из которой возникает механическое, фактическое, абстрактное единство рабочего класса, в его живое единство, как акт сознания и воли, нацеленный на борьбу за уничтожение капитализма и построение социализма.

Такая концепция партии принципиально исключает всякий догматизм. «Не может быть догматизма там,—писал Ленин,— где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития»[1]. Догматизм обрек бы рабочую партию на беспомощность, лишил бы ее способности определять свою стратегию и тактику исходя из конкретного анализа обстановки. А такой конкретный анализ требует участия всех, внимательного использования опыта каждого. Партия обладает, следовательно, той высшей функцией знания, которая заключается в усвоении и обобщении конкретного опыта каждого, приобретенного благодаря общему для всех научному методу. Критика и самокритика представляют собой закон развития этого знания как условия эффективного действия, то есть победы рабочего класса.

---

[1] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов; см. Полное собр. соч., т. 1, стр. 309.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь Маркса — это жизнь ученого и борца, которые были слиты в нем неразрывно. Жизнь, прожитая в нищете, в изгнании. В течение многих лет, когда он работал в Лондонской библиотеке над «Капиталом», Маркс терпел жесточайшую нужду. Непреклонно отвергая все предложения прусского правительства и Бисмарка, которым хотелось купить его гений, располагая лишь таким непостоянным доходом, как гонорар за статьи в «Нью-Йорк геральд трибюн», Маркс и его семья погибли бы без той помощи, какую им неизменно оказывал Энгельс.

Во Франкфурте, чтобы расквитаться с долгами «Нейе Рейнише цейтунг», Марксу пришлось продать столовое серебро герцогов д'Аргилл, а в Кельне — мебель, приданое его жены. В 1851 году Маркс, которого кредиторы не оставляли в покое и тогда, когда он поселился в жалкой каморке, был вынужден занять денег, чтобы купить колыбель своей младшей дочери, а год спустя, когда она умерла, снова прибегнуть к займу, чтобы уплатить за гроб. Жена была его верной и терпеливой спутницей в этом аду, где однажды судебные исполнители наложили арест на кровати, колыбели и даже игрушки детей и всей семье пришлось, дрожа, как в лихорадке, от холода, спать на полу. Измученная жена Маркса в это время кормила грудью ребенка. «Последние дни, — писала она, — с ним случались сильные судороги. Во время одного из таких припадков он так сосал, что поранил мне грудь, и моя кровь стекала в его дрожащий ротик...» И дальше: «Я прекрасно знаю, что не нам одним приходится так бороться за существование и что я еще в числе избранных, счастливых... Я только мучаюсь при мысли, что мой муж так обременен всякими заботами», тогда как столько людей «нашло в нем идеи, помощь, прибежище» для себя.

Любовь Женни и дружба Энгельса позволили Марксу закончить свой труд, хотя издание его отчасти было осуществлено посмертно, ибо, когда он умер в Лондоне 14 марта 1883 года, Энгельс, отказавшись от всякой личной работы, посвятил остаток своей жизни, то есть почти 12 лет, приведению в порядок и изданию трудов Маркса. Таков был стиль жизни этих людей: благородство, борьба и любовь.

Дело Маркса имело славную судьбу. Благодаря его трудам философия претерпела глубочайшее обновление, какого она не знала с момента зарождения философской мысли. Маркс основал научную политическую экономию, разработал методологию истории и всех гуманитарных наук и, вооружив пролетариат наукой о преобразовании мира, научив его искусству побеждать в классовой борьбе, стал и вот уже целое столетие остается живым вождем международного рабочего движения.

Его посмертный триумф не знает себе равных. В июне 1848 года восставший рабочий класс всего три дня удерживал мостовые Парижа. В 1871 году первая диктатура пролетариата — Парижская коммуна просуществовала три месяца. Октябрьская революция 1917 года навечно вписала в историю победу марксизма, и он стал силой, о которую разбились в 1917—1920 и в 1941—1945 годах все атаки капиталистического мира. Вот уже почти полвека капитал ведет против живого марксизма лишь арьергардные бои в Европе, в Азии и даже в Карибском море.

В наши дни марксизм получил такое распространение, какого не знало в прошлом ни одно религиозное, политическое или философское движение. Мало того, что уже одна треть человечества живет ныне в обществе, строящем социализм по заветам Маркса, но марксизм стал той осью, к которой тяготеют всякая мысль и всякое действие и его сторонников и его противников.

Однако за минувшее столетие марксизм претерпел немало превратностей. На первых порах его противники пытались замолчать его. Затем они начали бешено клеветать на него и изображать в ужасающе карикатурном виде. Сейчас они пытаются его приручить, перерядить по современной философской моде, чтобы попытаться выхолостить из него присущий ему динамизм.

«Известное изречение гласит, — писал Ленин, — что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути» [1].

Борьба, которую Маркс и Энгельс вели на протяжении по-

[1] В. И. Ленин, Марксизм и ревизионизм; см. Полное собр. соч., т. 17, стр. 17.

лувека, в 1840—1890 годах, против младогегельянцев, против прудонизма, против Бакунина, против позитивизма Дюринга, завершилась победой марксизма в рабочем движении.

Но с конца века в недрах самого марксизма начало развиваться антимарксистское течение, наиболее систематизированным выражением которого — в философии, в политике, в политической экономии — стал ревизионизм Бернштейна. Его пример нашел много подражателей, но именно в борьбе против всех форм ревизионизма марксизм постоянно креп, утверждался и развивался.

Борьба Ленина и большевистской партии против ревизионизма и оппортунизма сделала возможной Октябрьскую социалистическую революцию. А длительный исторический опыт показал, что изменившие марксизму социалисты, когда они становятся у власти, оказываются не в состоянии построить социализм; всюду — от Англии до Австралии и от Новой Зеландии до Германии и Скандинавских стран — немарксистский «социализм» стал лишь одним из вариантов управления делами капитализма.

Всюду же, где была уничтожена частная собственность на средства производства и осуществлена подлинная социалистическая революция, это было сделано по указанным Марксом методам: под руководством марксистской партии и на путях диктатуры пролетариата, при всем разнообразии форм этой диктатуры и способов (насильственных или мирных) ее установления.

Но и самые блестящие успехи марксизма иногда портились и блекли в результате извращения идей Маркса. Страна, которая героически, ценой огромных лишений строила социализм и которой капиталистический мир навязал политику колючей проволоки, целую четверть века жила в настоящем осадном положении, требовавшем от нее максимального напряжения и централизации сил. В условиях такого военного положения в области политики и идеологии возникли явления, представлявшие собой вопиющее нарушение принципов марксизма и сущности социалистического строя: культ вождя, бюрократизм, догматический склероз мысли, духовная изоляция. В период культа личности Сталина эти грубые искажения марксизма выразились в области идеологии в возвращении к домарксистскому вульгарному материализму, в спекулятивном толковании диалектики, которая сведена была к четырем «незыблемым» чертам, в механистической концепции соотношения между базисом и надстройкой, в разрыве с живой практикой науки и искусства. Этот схематизм и этот склероз имели тяжелейшие последствия. Становясь догмой, марксизм перестает быть руководством к действию и мышлению. Во имя уже известных законов диалектики делались попытки a priori решать научные проблемы биологии, физики, психоло-

гии; также a priori осуждались некоторые формы художественного выражения и исключались некоторые исторические возможности.

Беспрецедентный в истории пример публичной самокритики, который дала первая и крупнейшая в мире социалистическая страна, сделал возможным подлинное возрождение марксистской мысли, создал условия для широкого творческого развития.

Развитие марксизма в том духе, как это представлял себе сам Маркс, помогает нам осознать его величайшую актуальность. Марксизм — это мировоззрение, отвечающее духу нашего времени.

Он органически вырос из совокупности условий современного мира и является выражением его сознания и его живой души. Этим марксизм отличается от мировоззрений прошлого, например от христианства, которое появилось задолго до возникновения современного общества, соответствовало другим историческим условиям и не может пытаться приспособиться к духу новой элиты, не ставя под сомнение свои собственные принципы; точно так же он отличается и от доктрин, порожденных, как экзистенциализм, муками общества, находящегося в процессе преобразования, и отражающих в мистифицированной форме лишь отдельные аспекты современного мира.

Марксизм стал наследником прометеевского гуманизма Французской революции, той веры во всемогущество человека и его свободу, которую непрестанно углубляла немецкая философия от Канта до Фихте и от Гете до Гегеля; он стал также наследником взгляда на общество как на творческий трудовой коллектив людей, который начала исследовать английская классическая политическая экономия и созидательные перспективы которого наметили французские социалисты, в частности Сен-Симон.

Увидев в рабочем классе наследника и носителя всей предшествующей культуры и цивилизации человечества, вскрыв корни глубокого отчуждения творческого труда человека и, наконец, открыв путем научного изучения общественного развития диалектические законы исторического преодоления отчуждения на путях классовой борьбы, Маркс заложил основы философии, отражающей эволюцию целой исторической эпохи, той эпохи, которая начинается с борьбы против капитализма и находит свое продолжение в строительстве социализма и коммунизма.

Главной идеей Маркса, проходящей через всю его жизнь, от его первых произведений до последних дней труда и борьбы, идеей, являющейся ключом к его философии, политической экономии, политике, всегда оставалась идея сделать каждого человека человеком, то есть творцом. Еще в моло-

дости, находясь под сильным влиянием Фихте и Гегеля, Маркс восставал против всех форм отчуждения, требовал раскрытия и развития творческих возможностей человека. Творчество прямо противоположно отчуждению. Когда же научный анализ — как экономический, так и исторический — позволил Марксу выявить конкретные формы отчуждения (эксплуатация и классовое угнетение) и найти эффективный метод их преодоления (классовая борьба); когда коммунизм стал опираться уже не только на философскую, а прежде всего на научную основу (историческое положение классов и их борьба), тогда этот глубокий гуманизм перестал быть только философским или моральным требованием, близким к утопии, а утвердился как объективный закон развития борьбы пролетариата, преодолевающей и уничтожающей отчуждение, которое порождают классовые общества, и дающей каждому человеку возможность стать человеком, творцом, «поэтом» в глубоком смысле этого слова — в том его смысле, который имел в виду Максим Горький, говоря: «Эстетика — это этика будущего».

Глубокие размышления над творческим актом человека, в результате которых Маркс «поставил с головы на ноги», в конкретной исторической и материалистической перспективе, фихтевскую философию творчества, позволили ему заложить фундамент последовательного, воинствующего гуманизма. Увидев в практике источник и критерий всякой истины и всех ценностей (в соответствии с учением Фихте, освобожденным, однако, от мистики), Маркс не только совершил радикальнейший переворот в философии, показав, что она уходит своими корнями в жизнь человека, но и открыл новые перспективы безграничного преобразования природы, общества и самого человека вплоть до сокровеннейших глубин его существа.

Марксизм, отнюдь не возвращая нас к «докритическому» периоду философии, напротив, продолжает и завершает основную линию развития новой философии со времен Декарта, которой кантовская критика позволила познать самое себя: человек может *постичь* лишь то, что он *совершил*. Фихте довел до конца главное требование рационализма, когда отверг догматическое утверждение о заранее «данном» и взял за отправной пункт своего мышления не факт, а действие. Марксизм избежал всякого догматизма благодаря тому, что придал примату практики конкретное, историческое и материалистическое, значение, «перевернув» фихтевскую теорию и сняв с нее мистический покров.

Потребности борьбы за социальную эмансипацию человека вдохновили Маркса выработать в важнейших своих трудах — «Манифесте Коммунистической партии», «Капитале», в таких исторических работах, как «Восемнадцатое брюмера

Луи Бонапарта», — самое главное: *методологию исторической инициативы.*

Маркс оставил нам не систему законов, а диалектическое искусство открывать законы и опираться на них в нашей творческой деятельности.

Труды Маркса содержат в зародыше принципы изучения человека во всех его измерениях: не только в измерении его истории и борьбы, которому Маркс посвятил основную часть своей исследовательской работы, но также в субъективном и творческом его измерениях (что теология обозначает в общем под именем трансцендентного). В век победы социализма перед марксизмом открывается широчайшее поле для исследования всех этих измерений, с тем чтобы «поставить с головы на ноги», а попутно и обобщить все открытия, которые были сделаны в этих областях, но в то же время мистифицированы исследователями-немарксистами.

Только марксизм позволяет нам постичь во всей полноте гигантские преобразования, совершающиеся в мире в наше время.

С научной точки зрения он ломает все границы, стесняющие свободное развитие исследований. Его материализм, требуя от нас, постоянно заставляя нас обращаться к находящейся за рамками нашего мышления действительности, все время толкает нас к открытию и принятию нового, к непрестанному разрыву со всякими спекуляциями, догматизмом и замкнутыми системами; он напоминает диалектике, что она есть не только диалектика понятий, но и диалектика неисчерпаемой, движущейся действительности, нескончаемая диалектика человеческой практики, творчества, направленных на преобразование мира.

С эстетической точки зрения он открывает перед художественным творчеством безграничные перспективы, определяя искусство не только как метод познания, но прежде всего как метод действия. Реализм для него — не копирование внешней, видимой стороны действительности, а познание ее глубоких законов и участие в создании новой, находящейся в процессе становления действительности и нового человека, формирующего самого себя.

С точки зрения морали марксизм противопоставляет этике откровения и традиций, зиждущейся на вечных заповедях и незыблемом идеале, софистике индивидуализма и свободам, сочетающимся с произволом и беззаконием, историческую концепцию человека, который создает, разрушает, обобщает и поднимает выше нормы своего поведения и выражает себя только в процессе этого непрерывного творчества.

Марксизм — это не только *философия* нашей эпохи. Он — ее *смысл.*

СОДЕРЖАНИЕ

От Издательства 3
Предисловие 5

МАРКС ДО МАРКСИЗМА

Восход солнца Французской революции 9
Мечта Фауста 15
«Огненный поток»: Фейербах 20
Наследие Фихте и ересь Прометея 30

МАРКСИЗМ. РЕВОЛЮЦИЯ В ФИЛОСОФИИ

Три источника 41
Отчуждение труда 49
Практика и «реконверсия» спекулятивных концепций 62
Исторический материализм 67
Материализм Маркса 79
Диалектика у Маркса 91
Диалектика и свобода 101

МАРКС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Метод Маркса в «Капитале» 113
Исторический материализм и политическая экономия . . . 123
Отчуждение труда и товарный фетишизм 125
Диалектический метод в политической экономии 128
Великие открытия Маркса и их актуальность 144
Трудовая теория стоимости 149
Прибавочная стоимость и обнищание рабочего класса 154
Противоречия капитализма и кризисы 162

МАРКС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

От утопии к классовой борьбе 175
Стратегия и тактика 184
Государство 192
Маркс как основатель коммунистических и рабочих партий . . . 197
Заключение 205

Роже Гароди
КАРЛ МАРКС

Редактор *Н. Ф. ПАИСОВ*
Технический редактор *В. С. Павленко* Корректор *А. В. Кулагина*

Сдано в производство 16.VIII 1965 г. Подписано к печати 20.IX 1965 г.
Бумага 60×92¹/₁₆=6,63 бум. л. Печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 13,66. Изд. № 21/5036. Зак. 77

Издательство «ПРОГРЕСС»
Москва, Зубовский бульвар, 21
С/Ц